

P2
с 90

ПОДВИГ

Алексей СУРКОВ

**ИМЕНЕМ
ЖИЗНИ**

СЕРИЯ «ПОДВИГ»

**Общественная
редакционная коллегия:**

АЛЕКСЕЕВ М. Н.
АБРАМОВ А. М.
БОНДАРЕВ Ю. В.
БОРЗУНОВ С. М.
ЖУКОВ В. С.
КАМБУЛОВ Н. И.
СТАДНЮК И. Ф.
ШКАЕВ В. В.

ПОДВИГ

Алексей СУРКОВ

**ИМЕНЕМ
ЖИЗНИ**

Стихотворения

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1986

Составление и вступительная статья А. Туркова

Художник С. Данилов

Сурков А. А.

C90 Именем жизни: Стихотворения/Сост. и вступ. ст. А. Туркова. — М.: Сов. Россия, 1986. — 240 с. — (Подвиг).

В книгу известного советского поэта А. Суркова (1899—1983) вошли стихи, написанные в разные годы, среди них такие широко известные, как «В землянке» («Бьется в тесной печурке огонь...»), «Песня смелых», «Конармейская». В годы Великой Отечественной войны поэзия Алексея Суркова обрела широчайшую популярность, и его по праву называли «солдатским поэтом».

C $\frac{4702010200-284}{M-105(03)86}$ 195—86

P2

©Издательство «Советская Россия», 1986 г., составление, вступительная статья.

«УНИВЕРСИТЕТЫ» АЛЕКСЕЯ СУРКОВА

Он много раз ходил в «учениках» — начиная еще с той маленькой столярной мастерской на одной из окраинных петербургских улиц, куда его отдали двенадцатилетним и где его истинными учителями были: привезенная с собой из деревни под Рыбинском книжка «земляка» — ярославца Некрасова — и, чуть позже, покорившие его зазорные и едкие стихи Демьяна Бедного. «По Демьяновым стихам и басням, — писал он впоследствии, — я, четырнадцатилетний мальчишка, проходил первые азы классовой грамоты».

А вскоре, осенью 1918 года, пришлось Суркову постигать и «первые азы» нелегкой солдатской науки, впервые увидев примеры высокого мужества, оставшиеся в памяти на всю жизнь:

Матрос-балтиец на двуколке
Над смертью «Яблочко» поет.

На белый снег по кромке клеши
Густая кровь стекает вниз.
А ну-ка, мальчик мой Алеша!
Вперед, в штыки, за коммунизм!

Про молодость в чаду сраженья
Не вспомни и не пожалей.
Закон земного притяженья
Под пулями преодолей.

(«Отряд идет в атаку»)

Стихи эти написаны двадцать лет спустя после изображенных в них событий, накануне новой большой

войны, и в них не просто воспоминание, но и присяга на верность.

Героем своих стихов Сурков избрал современника, который «ходил в рядовых при большой революции, подпирая плечом боевую эпоху», — «безымянного гвардейца восставшего класса». Стихотворение «Герой», откуда взяты эти слова, было впервые напечатано в 1924 году на страницах «Правды», а впоследствии открыло книгу «Запев» (1930) — поэтический дебют Суркова.

Лучшее в этом и в следующих сборниках его стихов — написанное о гражданской войне и ее «рядовых» участниках. Уже некоторые сравнительно ранние произведения поэта отмечены значительной художественной самостоятельностью и почти не уступают многим более поздним его созданиям («О нежности», «Рассказ фронтовика», «О войне и детях» и др.).

В этих стихотворениях отобразились суровые и даже жестокие порой военные будни: матрос, жалея смертельно раненного товарища, пристреливает его; гибнет стосковавшийся по сенокосу, по мирной сельской работе разведчик Егор; кровавую дорогу прокладывает себе кавалерийский эскадрон:

До моря кровью метим след
Под злой сполошный звон.
И красим,
Красим в красный цвет
Седой казацкий Дон.

(«О войне и детях»)

Уже тогда в сурковских стихах появляется трагический пейзаж войны, временами еще слегка романтизированный, но в основе своей реалистический:

...рвется шрапнель, и заржавленный штык
Сердито царапает низкое небо.

Из прорванной тучи срывается дождь,

Смывает усталость бессонных походов.
Ложится плашмя перезрелая рожь
Под сапоги атакующих взводов.

(«Война»)

Порой кажется, что мир, каким его видит автор, сужается до того, что может «уместиться» в узкую прорезь винтовочного прицела, ищущего грудь врага. Разумеется, стихи Суркова стали бы куда беднее и монотоннее, если бы в них не ощущалась любовь к жизни, к товарищам, к людям. В том, как поэт в картине смертельной схватки или стремительного марша отмечает гибель хлебов или побитые копытами конницы цветы, сказывается принципиально иной подход к изображению войны, нежели тот, при котором подобные «мелочи» пренебрежительно или досадливо сбрасывались со счетов.

В стихотворении «О войне и детях» возникает образ комиссара, у которого при взгляде на детей во враждебной станице «из глаз уходит блеск стальной», и в сабельный поход героев поэта ведет не только и даже не столько ненависть, сколько мечта о будущем:

В драгунке ржавой,
На клинке,
Сквозь орудийный гром
Мы детям на Москве-реке
Тепло и жизнь несем.

В подобных строках уже заложено зерно многих будущих стихов поэта поры Великой Отечественной войны — и прямой, нескрываемый пафос ненависти к врагу, которая «бродит в крови, молода и упряма», и сознание тяжести военной страды, горечь потерь и разрушений, и внезапный прорыв чистейшей лирики.

Но до того, как Суркову снова пришлось надеть солдатскую шинель, он не только окончил Институт красной профессуры, но и прошел особый, строжайший

«курс» литературной науки под руководством А. М. Горького в пору создания Союза советских писателей и во время работы вместе с Алексеем Максимовичем в журнале «Литературная учеба».

Война прекратила издание этого журнала, который возглавил Сурков после смерти Горького, но тут-то для его бывшего редактора и началась самая тяжкая литературная учеба с ежедневными жестокими экзаменами.

К этому времени Сурков был уже довольно известным поэтом, чьи песни — «Конармейская» и «Терская походная» — были на устах множества людей. Но сам он чувствовал, что еще только «подбирает мелодию» для повествования о времени, судьбе поколения, грядущих испытаниях.

С приговоркой,
С прибауткой,
С папироской-самокруткой,
С карабином на ремне,
На тачанке,
На коне
Эту песню пронесли мы...
(«О песне»)

Как нам это знакомо, не правда ли? «На войне одной минутки не прожить без прибаутки, — шутки самой немудрой». Вот и в давних сурковских стихах мелькнула «почти теркинская» интонация. Но только мелькнула, и это не удивительно: тут был нужен и иной, мощной эпической силы талант, да и «время еще не пришло» — не было еще ни в душе народа, ни в сердце поэта трагического и героического опыта «смертного боя... ради жизни на земле».

И тем не менее Сурков один из первых сказал накануне большой войны о том, что это — величайшее испытание и писать о ней надо всерьез.

Алексей Сурков «трубил тревогу» уже в своих

стихах «Декабрьский дневник» — о зимней кампании 1939/40 года. При появлении этого цикла в печати один из критиков справедливо писал, что он «с наибольшей силой отразил те тенденции в военной лирике 1940 года, которые точнее всего обозначить как реалистические по контрасту с той псевдоромантической и декламационной направленностью, какая была ей... довольно часто свойственна».

Горечь уже понесенных потерь и трезвое предчувствие новых, неизбежных в жестоких схватках, вечное напряжение, в котором живет на войне человек, острая тоска по дому, по близким, по всей мирной жизни, немногочисленные, но точные и выразительные детали солдатского быта — вот что было характерно для «Декабрьского дневника».

Но сам автор все еще был не удовлетворен сделанным. Размышляя позднее о литературной деятельности своих товарищей и своей собственной, он писал: «...Мы вели себя, как начинающие фотографы, устанавливающие в спешке фокусное расстояние «на глазок», отчего фон событий оказывался резким и отчетливым, а лица героев расплывчатыми и похожими одно на другое».

Это не совсем справедливо: иногда «в фокусе» сурковских стихов оказывалось реальное лицо воюющего солдата:

Он не стонал. Он только хмурил брови
И жадно пил. Смотрели из воды
Два впалых глаза. Капли теплой крови
В железный ковш стекали с бороды.

Вскоре, в начале Великой Отечественной войны, он прибегнет к такому же «крупному плану» в одном из первых своих знаменитых стихотворений о ней («Человек склонился над водой...»).

В последнем фильме киноэпопеи «Великая Отечественная» есть волнующий момент: праздничные кадры

знаменитого Парада Победы на Красной площади сменяются будничной хроникой минувших лет — идут усталые бойцы, чавкают по грязи сапоги, артиллеристы из последних сил волокут орудие по распутице...

Перед нашими глазами как бы возникают слагаемые Великой Победы, ее фундамент.

К чести советской поэзии служит то, что она полной мерой ощутила и весомость постоянного вклада в дело далекой победы, который вносили наши соотечественники с первых же трагических дней войны, и всю огромность, непреходящесть цены, которой оплачено торжество над врагом.

Можно сказать, что Вечный огонь в честь Неизвестного солдата впервые загорелся именно в стихах военных лет и первые памятники героям были вытесаны поэтическими перьями.

Вот один из них:

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет:
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

В этих строках, которые написаны Сурковым летом сорок первого года, многие узнали себя, свое горе и свой гнев.

Суровейшая школа первых месяцев войны не прошла для поэта даром. Он многому научился, многое передумал заново, решительно восстав против некоторых прежних догматических канонов и суесловия:

...Ревниво ловит дребезжанье фальши
В литых словах наш обостренный слух.
Когда снега багрились кровью ало,
С души солдатской, что таить греха,

Как мертвый лист по осени, опала
Красивых слов сухая шелуха.
Душа бойца взыскательно сурова,
Не ей витийству пышному внимать.

(«Ключи к сердцу»)

«На войне, — говорил Сурков в одном из своих выступлений тех лет, — может быть, как никогда в другое время упрощаются и уточняются отношения между пишущим и читающим человеком. Если я, числящийся поэтом или литератором красноармейской газеты, приеду в 61-ю стрелковую дивизию, и меня спросят, кто я таков, старший батальонный комиссар Сурков, — значит, мне грош цена... Самые правдивые «рецензии», которые получают литераторы от читателей... это те самые газетные вырезки, которые лежат в левом боковом кармане гимнастерки человека, идущего сегодня в бой... Таких стихов немного... но они всегда являются выразителями подспудных ощущений человека, встречающего и сегодня и завтра смерть».

Это сказано поэтом, у которого «такие стихи» были.

У солдатской души нет уральской брони,
Ни кольчуги, ни рыцарских лат, ни забрала, —

писал Сурков в ту пору. И поэт не кудесник, способный «заговорить» воина от пули. «Фронтовой бродяга-газетчик», кочующий из окопа в окоп и из блиндажа в блиндаж, месяший, как и его читатели, грязь в непогоду, — что он, казалось, может сделать, чем облегчить тяжкий солдатский труд?!

Оказывается, может! Может, если стих его прямо «подключен» к душе бойца и в нем отдается биение человеческого сердца, если этот стих, как занявшийся огонек, бежит по бесконечной линии фронта, если его подхватывают, как сурковскую «Землянку».

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.

И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Настоящая поэзия всегда на диво многозначна. Так все, кажется, просто в этих стихах: виданная-пере-виданная картинка фронтового быта! Но теперь, когда вспоминаешь все, пережитое тогда страной и ее защитниками, в простых словах проступает особый смысл, быть может, в пору создания стихов лишь смутно ошущавшийся самим их автором.

«Бьется в тесной печурке огонь...» Кажется, устами поэта здесь говорит сама горестная и гневная поздняя осень, почти зима сорок первого года, сама армия, еще прижатая натиском врага к Москве, но уже накопившая яростную жажду возмездия, готовая распрямиться, как тугая пружина, и мощно отбросить врага!

И в следующих строках песни слышится уже не просто тоска по далекой любимой женщине, но и некий вызов царящей вокруг смерти (не забудем, что и стихи эти написаны в часы, когда воинская часть, где находился тогда Сурков, оказалась в окружении!) и дерзкая удаль:

Пой, гармоника, выюге назло!

У поэта тут безымянный соавтор: это, говоря словами Суркова, сказанными по другому поводу, «реальный солдат, которому обстоятельства еще не дали возможности показать себя... на вспаханных бомбами страницах военной истории».

В одном чеховском рассказе говорится, что «от печальной песни потянуло свободной жизнью». Так и от грустно-раздольной «Землянки» веет силой, «негасимой любовью» к женщине, к жизни, к родной земле. Как будто в лютый мороз первой военной зимы послышалось дыхание еще далекой, но неизбежной весны!

Рассказывая об одной из волнующих встреч фронтовых лет — со слепым баянистом воздушно-десантной бригады, — Сурков писал:

Мы мертвым полем шли
И в поле том негаданно
На песню набрали.

Солдатских дум избранница,
Она и здесь жива,
И здесь к ней сердце тянется,
Как к солнышку трава.

Так потянулись сердца людей и к «Землянке».

Поэт еще только мечтал выплавить «для детей из железного крика... светлую песню любви», а она уже родилась и зажила «своей особой жизнью».

В стихах «Декабрьского дневника» Сурков как бы еще только всматривался в «лица походных друзей» — воюющего народа. Теперь же они ярко вырисовывались перед ним в трагическом зареве огромнейшей битвы. Поэтому чувство горя, ненависти, гнева сочетается в стихах Суркова с ликующим чувством сопричастности величю и подвигу народа.

Поэт писал, что хочет рассмотреть своего героя-современника «во всех проявлениях его личности и души». Он был дорог Суркову будничным, и поэт ревниво тревожился, как бы — пусть из самых лучших побуждений! — героя не «подгримировывали». В стихотворении «Жизнь и мечта» поэт с нередкой у него язвительной иронией охарактеризовал эту будущую «легенду-сказку»:

Как шел он, не жалея сил,
Против жестокого теченья
И в смертный час произносил
Высокопарные реченья.

Как предавался он мечте
В ночи, перед кровавой сшибкой...

Мы будем слушать сказки те
С веселой старческой улыбкой.

Ведь мы к героям тех годин
В землянки запросто входили,
И ели с ними хлеб один,
И из одной баклажки пили.

Без нимба светлого на лбу,
Глотая пыль, топча порошу,
Они несли свою судьбу,
Как кирпичей тяжелых ношу.

Не правда ли, стихи близки тем суровым кадрам,
которые блестяще вмонтировал Роман Кармен в ленту
о Параде Победы?

Этот живо и любовно набросанный портрет дорого
стоит!

В первой книге Суркова были подкупающе искрен-
ние строки:

Мне хочется петь о простом и великом,
По-честному петь, не кривляться, не врать,
Но слово ложится напыщенным криком
В глухую, как зимняя полночь, тетрадь.

(«Письмо»)

В годы Великой Отечественной поэту удалось спеть
«о простом и великом» в полный голос и без «напы-
щенного крика». Сделанное поэтом в ту пору трудно
переоценить. До сих пор в его книгах военных лет, по-
мимо стихов, давно получивших заслуженную извест-
ность, вдруг открываешь для себя какое-то, прежде
остававшееся как бы в их «тени» стихотворение, напри-
мер «Частоколы, колючка, траншеи, рвы...» — о пехот-
ном взводе, который «пылит по дорогам четвертый
год... и Волгу и Дон знавал»:

Смерть изгрызла железом его ряды,
Но живуч, упрям человек!
Поклялись бойцы зачерпнуть воды
Из незнакомых немецких рек.

Взвод шагал три года сквозь дым и тьму,
Позабыл и сон и покой.
И сказали вчера, что теперь ему
До границы подать рукой.

Он сегодня в поход поднялся чуть свет,
Он идет, не жалея сил,
И на свете такого заслона нет,
Чтобы смелых остановил.

Он равняет шаг, суров, как судьба,
Этот, все испытавший взвод.
Вдоль дорог Литвы поднялись хлеба
И торопят его вперед.

Как тут все уместно, как ладно сошлось — и ощущение великого солдатского труда, бесконечных потерь, и подспудно возникающий образ непобедимости, бессмертия этой маленькой частицы народа — горстки солдат, чей натруженный шаг оборачивается поступью самой истории!

«Простое и великое» накрепко сплелись в этом стихотворении.

Здесь есть своего рода невидимый фундамент — великий жизненный опыт автора, свидетеля не только победных, но и самых тягостных дней долгой войны.

Примечательно в этом смысле стихотворение «Ночной собеседник» — о встрече в счастливые дни наступления с командиром, с которым вместе была пережита вся боль первых неудач:

Мы от границы отошли на Припять,
А нынче ширь днепровская видна.
Растаял полк. Как трудно было выпить
Всю эту горечь залпом и до дна.

Так говорил поэту герой: принявший командование «седой тридцатилетний капитан» (помните? — «Человек склонился над водой...»).

Есть в этом стихотворении и драматическая па-

раллель с будущим повествованием о пехотном взводе:

Как выбросить из памяти мгновенья,
Когда, после атаки, под горой,
Ты, как стальной осколок отделения,
Один встаешь на перекличке в строй...

Боль и ярость намертво спаяны, а слова «стальной осколок отделения» звучат скорбно и вместе с тем грозно, будто предвещающая будущие стихи о взводе, у которого «смерть изъела железом... ряды», но который все же оказался смерти, как говорится, не по зубам.

«Злая правда», горчайшие картины войны, «приправленные» невеселой солдатской шуткой («Ребята, как херувимы, возносятся на небеса»), помогали поэту закалять и вооружать сердца читателей палящим жаром ненависти к врагу и жаждой возмездия. Он стремился писать так,—

Чтоб от песни слезы застывали
Каплями смертельного свинца.
(«Ночь над Осколком»)

И в то же время среди его стихов тех лет немало и таких, где у поэта и его героев, говоря словами давнего стихотворения, «из глаз уходит блеск стальной»:

...Потеплела душа,
Подпевая струне на закате.
И грустя, и скорбя, и любя,
И томясь ожиданьем в разлуке,
Сердце воина слышит себя
В мимолетном серебряном звуке.
(«Над умытым росой кирпичом...»)

Объясняя причины популярности некоторых стихов военных лет, поэт Иосиф Уткин предостерегал товарищей по перу: «Успех, который мы сейчас имеем у армии, — успех первой любви».

Лучшие стихи Алексея Суркова той поры связала с читателем любовь на всю жизнь. То был «звездный час» его поэзии.

Сурков писал еще о своих товарищах по гражданской войне, что они, даже погибая, —

Как по цепи приказ в бою,
Передают по эстафете
Любовь и ненависть свою.

(«Вечер воспоминаний»)

В годы Великой Отечественной войны он особенно остро ощутил, что эта драгоценная «эстафета» в значительной степени доверена поэзии. И благодаря его стихам до нас доньше долетают гневный призыв, горячая клятва, наконец — глубоко интимные признания, с неожиданной силой отзывающиеся в миллионах сердец.

«Голос войны, как бы громок он ни был, — сказал однажды Сурков, — бессилен перед слабым человеческим голосом поэта, если этот голос окрылен любовью к жизни». И если, — прибавлю от себя, — в этот голос как бы вплелись, многократно усиливая его, голоса самих «героев тех годин».

Возможно, самоотдача Суркова поэтической работе в те годы была столь велика, что в послевоенном творчестве он уже почти не возвращался к событиям этих лет. «У меня вся война внутри перегорела», — сказал он на обсуждении одного из своих новых стихотворных сборников.

Большинство его стихов мирного времени рождено впечатлениями от путешествий «по белу свету» (так называется одна из его книг), желанием отозваться на злободневнейшие события международной жизни, стремлением напомнить политическим деятелям и народам о недавнем суровом историческом опыте:

Тому, что кровью запеклось в тетради,
Мы снова повториться не дадим, —

сказано в стихотворении «Спит девочка».

Многие его стихи вызвали одобрителные отклики критики и читателей, причем отнюдь не только тех, кто внимательно следил за его творчеством «по старой памяти».

«...Я пишу, чтобы сказать Вам, какие это замечательные стихи, — говорится в письме, полученном поэтом из Англии по поводу его стихотворения «Шапка по кругу», — и как полезно будет показать народу нашей страны, как Вы по-настоящему понимаете наш народ, хотя Вы и были здесь недолго».

Михаил Исаковский в одной статье ставил в пример поэтам стихотворение Суркова «Шираз», где слова «как магнитом... сцеплены воедино» общим замыслом — стремлением осмыслить драматические перипетии истории Ирана.

Особым теплом овеяны стихи поэта о Роберте Бернсе, — возможно, потому, что некоторые черты биографии великого шотландца оказались кровно близкими русскому автору:

С окнами во двор крестьянский дом,
Остальных не ниже и не выше.
В лишае, зеленом и седом,
Вся солома на покато́й крыше.
...От окраины этого села,
От калитки этой, от порога
В мир, большой и страшный, увела
Песню эта пыльная дорога.

(«Дом в Аллоузе»)

С этим перекликаются строки другого, написанного в тот же год стихотворения «Нет той березы, нет того крыльца...».

В тревожных снах я вижу до сих пор,
Как детство уплывает за бугор,

Как мать, не видя светлых красок дня,
От слез слепая, смотрит на меня...

Как из моей мальчишеской судьбы
Уходят полосатые столбы,

Уходят синий ельник и сосна
И все, чем в детстве наша жизнь красна.

Словесная палитра Суркова всегда была скуповата. С давних пор он — не без полемического вызова и некоторой бравады — писал о своей «ненарядной песне». Но, быть может, наибольшей художественной убедительности он достигает тогда, когда на этом приглушенном по краскам фоне вспыхивают внезапные колючие искры юмора или возникают эмоциональные живописные мазки. Так, говоря о своем деревенском детстве, Сурков обронил грустные и нежные слова:

...матери тихой несмелая ласка —
Как солнечный зайчик на черной стене.
(«Покров по округе прошел снегосеем...»)

И как много проглянуло за этим — и немеркнущая благодарность, и грусть, и даже сожаление о скудных радостях детства...

Миновали десятилетия. «Пришли другие времена. Взошли иные имена». Но сделанное — сделано и ничем не отменимо, хотя понятна и грусть поэта по убывающим силам и умножающимся годам (в одной «юбилейной» статье Сурков весьма ядовито отозвался о привычке твердить в произведениях этого жанра о неувядаемой молодости виновников очередного торжества):

Еще листок в календаре моем
Лег на душу, как новая нагрузка.
Кто объяснит мне — почему подъем
Бывает легче медленного спуска?
(«В печи пылают весело дрова...»)

Но сделанное — сделано!

Навсегда вошли в историю, неотделимо спаявшись с огромным всенародным переживанием, что зовется Великой Отечественной войной, лучшие стихи Алексея Суркова тех лет, и никогда не будет допета его «Зем-

лянка», которую подхватывают все новые и новые поколения.

Так пусть звенит и звенит, не умолкая:

Бьется в тесной печурке огонь...

И горит, не затухая, Вечный огонь, зажженный поэтом в память о своих современниках и друзьях.

А. Турков

СТИХОТВОРЕНИЯ

ГЕРОЙ

Каюсь. Музу мою невзлюбила экзотика.
Не воспитанный с детства в охотничьих играх,
Мой герой не ходил за Чукотку на котика
И не целился в глаз полосатого тигра.

И норд-ост не трепал его пышные волосы
Под оранжевым парусом легкой шаланды.
Он не шел открывать неоткрытые полюсы,
Не скрывал по ущельям тюки контрабанды.

Словом — личность по части экзотики куцая,
Для цветистых стихов приспособлена плохо.
Он ходил в рядовых при большой революции,
Подпирая плечом боевую эпоху.

Сыпняками, тревогами, вошью изглоданный,
По дорогам войны, от Читы до Донбасса,
Он ходил — мировой революции подданный,
Безыменный гвардеец восставшего класса.

Он учился в огне, под знаменами рваными,
В боевой суматохе походных становий,
Чтобы, строя заводы, орудуя планами,
И винтовку и сердце держать наготове.

И совсем не беда, что густая романтика
Не жила в этом жестком, натруженном теле.
Он мне дорог от сердца до красного бантика,
До помятой звезды на армейской шинели.

1929

О ВОЙНЕ И ДЕТЯХ

Вдали станица сквозь кусты
Глядится в тихий Дон.
Была верста —
И нет версты.
Копытным ливнем бьет цветы
Московский эскадрон.

В росинках пота — бронза лиц.
Размашист конский ход.
Под звон стрекоз,
Под гомон птиц
Гудит за взводом взвод.

Вокруг развалины и дым —
Войны проклятый след.
Мы ночь не спим
И день не спим,
Мы ночь и день в седле.

От крови в ржавчине клинки,
От пены — удила.
Нас Кремль не зря с Москвы-реки
На тихий Дон послал.

Не просто с ветром погулять
Пришли в степной простор:
За урожайные поля,
За пядь земли,
За пуд угля
Ведем кровавый спор.

До моря кровью метим след
Под злой сполошный звон.
И красим,
Красим в красный цвет
Седой казацкий Дон.

Пусть весь наш путь — сплошной пожар,
Пусть смерть в лицо глядит.
В крылатом шлеме комиссар —
С мятежной Пресни кочегар —
Маячит впереди.

Давно стальной изгиб клинка
Шуровку заменил.
Привыкли с ним мы в бой скакать,
В атаках плавить дни.

Привел к воде далекий путь.
— Здорово, тихий Дон! —
В жаре с надсадом дышит грудь.
Зашел в станицу отдохнуть
Московский эскадрон.

Седые бороды торчат
За складками плетней,
Ватага босых казачат
Под гривами коней.

Из глаз уходит блеск стальной,
Загар улыбкой смят, —
Ведь каждый всадник
В край степной
Ушел, оставив за спиной
Семью, жену, ребят.

И комиссарская рука,
Впервой за весь поход,
К кудрям чужого паренька
С отцовской лаской льнет.

Пусть завтра пули их отцов
Окрасят кровью день, —
Сквозь кудри маленьких донцов

Родных он видит сорванцов
Заманчивую тень.

Набата дальнего удар
Согнал тепло с лица.

— По коням!

Марш! —

И комиссар
Опять сменил отца.

И снова в марше,
В ад и дым,
Торить проклятый след.
Мы ночь не спим,
И день не спим
Мы ночь и день в седле.

В драгунке ржавой,
На клинке,
Сквозь орудийный гром
Мы детям на Москве-реке
Тепло и жизнь несем.

1925

ВОЙНА

Запущенный садик... Густые кусты.
В таком закоулке лежать тишине бы.
Но рвется шрапнель, и заржавленный штык
Серdito царапает низкое небо.

Смыкается красноармейская цепь.
В глазах у людей боевая забота.
Хрипит за кустами, на шатком крыльце,
Голодный надорванный лай пулемета.

Из прорванной тучи срывается дождь,
Смывает усталость бессонных походов.
Ложится плашмя перезрелая рожь
Под сапоги атакующих взводов.

За хрипом атаки пришла тишина.
Прорезалась в небе полоска заката.
И слышно: в соседней слободке война
Взревела неистовым криком набата.

В разрушенном хуторе встал лазарет.
Составлены сводки. Подсчитана убыль.
Я знаю: несытая смерть на заре
Скует не одни посиневшие губы.

Слышны на закате ковыльная дрожь
И жалобы пчел на разбитых колодах.
Войди в этот страшный покой — и поймешь
Величье и цену двадцатого года.

1928

О НЕЖНОСТИ

Мы лежали на подступах к небольшой
деревеньке.

Пули путались в мякоти аржаного омета.
Трехаршинный матрос Петро Гаманенко
Вынес Леньку, дозорного, из-под пулемета.

Ленька плакал. Глаза его синие, щелками,
Затекали слезами и предсмертным туманом.
На сутулой спине, разможенной осколками,
Кровь застыла пятном, густым и багряным.

Подползла санитарка отрядная рыжая.
Спеленала бинтом, как пеленками, туго.

Прошептала: — Отплавал матросик, не выживет,
Потерял ты, Петрусь, закадычного друга!

Бился «максим» в порыве свирепой прилежности.
Бредил раненый ломким, надорванным голосом.
Неуклюжими жестами наплывающей нежности
Гаманенко разглаживал Ленькины волосы.

По сутулому телу расползалась агония,
Из-под корки бинта кровоточила рана.
Сквозь пальбу уловил в замирающем стане я
Нервный всхлип, торопливый выстрел нагана.

...Мы лежали на подступах к небольшой деревеньке.
Пули грызли разбитый снарядами угол.
Трехаршинный матрос Петро Гаманенко
Пожалел закадычного друга.

1928

ПЕСНЯ

В колонне повзводно качаются роты.
Походная выкладка — грузом на плечи.
Широкая степь распахнула ворота.
И небо, и травы, и ветер навстречу.

Желтеют курганы в полуденном зное,
Высокое солнце — как рыжая птица.
Плечо под винтовкой немеет и ноет,
Белесая пыль запустила ресницы.

Теряется счет боевым переходам,
Горячим свинцом наливаются ноги.
Измаялись взводы,
И хочется взводам
Свернуть на привал с раскаленной дороги,

За годы бессонницы выспаться сразу,
От зноя укрыться походной палаткой,
Но люди верны боевому приказу.
Он держит в шеренгах каменной хваткой.

И взводы пылят и пылят без привала
В бессчетные версты, в степные просторы.
На середину идет запевала —
Обугленный зноем штурвальный с «Авроры».

Ударила песня раскатистым эхом
В густую пылищу степных бездорожий,
Напев раскатился задором и смехом
И замер серебряной ласковой дрожью.

Вскипали под ветром цветные метели,
Степная дорога в изгибах терялась,
А взводы шагали,
Шагали и пели,
И сон отлетел,
И пропала усталость.

...Сегодня мы встали на долгую дневку.
Травой поросли боевые дороги.
Но время готово выдать путевку
На переходы, бои и тревоги.

Чтоб песенный жар боевую усталость
В больших переходах расплавил и выжег,
Чтоб песня у наших застав начиналась
И откликалась в далеком Париже.

1929

ЗНАМЯ

На складе, меж будничными вещами,
Каптер откопал забытое знамя.

Багровый квадрат тяжелого плюша
Был в долгих походах ветрами иссушен.
И каждая нить на нем порыжела,
И золото надписей плесень объела.

Педант-тыловик боевую находку
Бесстрастно занес в инвентарную сводку.
На свет посмотрел, повертел в руках,
Подумал — и сдал командиру полка.

Суровая гордость прославленных армий
Прошелестела по мирной казарме,
Прошелестела и встала к стене
Напоминаям о завтрашнем дне.

Когда темнота оседает на крыши,
Безусый дневальный задремлет и слышит:
Зовет под ружье токарей и ткачей
Тревожная медь полковых трубачей.

Походные ветры в предутренней рани
Ласкают лохмотья дряхлеющей ткани.
Заря зажигает огнем молодым
Пятиконечник армейской звезды.

Под шлемами лица становятся строже,
И песня в глуши боевых бездорожий
Кипит над лесами холодных штыков,
Над кованым строем пехотных полков.

1929

РАССКАЗ ФРОНТОВИКА

Сползали потемки, безглазы и немые.
За гатью туманом чадили болота.
Поспешно, на ощупь седлали коней мы.
Приглушенным шагом гудела пехота.

В рядах молчаливые шли запевалы.
Качались орудья в тяжелом накате.
Тупые копыта плясали устало
По узенькой ленте выбитой гати.

Сосед мой поправил сбитую холку,
Дал повод, любуясь размашистым ходом,
Сказал:

— Ну дела! Позавидуешь волку.
Лафа бы к страде развязаться с походом!

Без драки с кадетом не сладишь, конечно,
За землю цепляются, в глотку чума им!..
Жене без работника тугο, сердечной, —
Да разве мы бабью печаль понимаем?!

Коль я не приду поутру из атаки,
Домой напиши. Похвали меня малость.
Мол, не было лучше во взводе рубаки,
Чтоб этим хотя вдова утешалась...

У хутора вдруг оборвалась беседа.
Потемки навстречу нам залпом хлестнули.
Шарахнулись кони. А утром соседа
За Каменным Бродом стреножила пуля.

Над черным жерлом приготовленной ямы
Лежал на шинели рубака кудрявый.
И солнце салют отдавало лучами,
И поднимались высокие травы.

Томились луга ожиданием уборки,
В пыли умирала цветочная осыпь.
Почудился голос знакомый и горький:
«Лафа бы смотаться домой к сенокосу!»

На дневке писал я Егоровой женке,
Что мужем ее эскадрон наш прославлен,
Что был он разведчик бесстрашный и тонкий
И к ордену главным начальством представлен.

Что ей и ребятам поклон от Егора,
Что помнит о них и целует заочно,
Что ранен слегка, но поправится скоро
И к осени отпуск получит бессрочный.

Шрапнелью и липой цвели бездорожья...
Мы двигались дальше в разливы пожарищ.
В письме согрешил я немножечко ложью,
Но был сенокос... Понимаешь, товарищ?

1929

ПИСЬМО

В. Брагину

Из города шли прибрежной тропой мы.
Осколок луны забирал высоту.
Вокруг расстилались широкие поймы
В холодной росе и медовом цвету.

Любая канавка, и кустик, и камень
Нам были знакомы на этом пути.
Мы были армейцами-отпускниками
(Опора ячейки — бедняцкий актив).

Дневная усталость сутулила плечи.
Некошенный луг комарами гудел.

Мы шли и мечтали. Сговорчивый вечер
Избавил от цепких обыденных дел.

В обоих кипела задорная смелость
Зеленых, не выжженных опытом лет.
Нам мир перестроить в неделю хотелось,
Пожар обновления прогнать по земле.

Закат догорал, обещающ и розов,
Блестела луна, как начищенный бак,
И нас у околицы встретила проза
Похабной частушкой и лаем собак.

Нас ночь отделила от замыслов пылких,
Что наши сердца обжигали не раз.
Ты утром считал хомуты в потребилке,
Я в старом нардоме готовил стенгаз.

Года проносили метели и грозы.
Забыты романтики прежней грехи.
Ты нынче ворочаешь гору колхоза,
А я вдалеке сочиняю стихи.

Овражисто прожитой юности поле,
Сплошные шипы, и ни чуточки роз.
Простуда военная легкие колет,
В кошмарах бессонниц приходит невроз.

Но уши хранят еще отзвуки бури,
И музыка будней совсем не плоха,
Мне хочется петь, но рука бескультурья
Зажала широкие крылья стиха.

Мне хочется петь о простом и великом,
По-честному петь, не кривляться, не врать,
Но слово ложится напыщенным криком
В глухую, как зимняя полночь, тетрадь.

И гибнут в бесцветной обыденной прозе
Веселые, ранние восходы стиха.
Скажи мне: не лучше ли было в колхозе
Вести культработу и землю пахать?

Ах, друг! Изменяются годы и люди.
Уходит романтика, выслужив срок.
И ты чудака-избача не осудишь
За ересь внезапно прорвавшихся строк.

1929

БОЕВОЕ НАСЛЕДСТВО

Пуля поет в очерете,
Конь качает в седле...
Знойный военный ветер
Пылью заносит след.

Что ж, заноси! Не жалко,
Нет нам назад пути.
Смерть притаилась в балке,
Как ее обойти?

Пуля шальная плачет.
Мир и хлеб впереди.
Значит, нельзя иначе,
Значит, вперед иди.

В мире дорог немало.
Наша прямее всех.
Что замолчал, запевала,
Мой боевой сосед?

Конь под тобою пляшет,
Бьет в лицо суховей.
Мы у Республики нашей
Лучшие из сыновей.

Встань, звеня стременами,
Взводы обдай огнем.
Мир лежит перед нами.
Мы — хозяева в нем.

Ветер в степи атаманит.
Песня обходит ряды:
«Ой, из-за белой Кубани
Стелется черный дым».

Ночь встречали в заставе.
Утром были в бою..
Мне по наследству оставил
Друг мой песню свою.

Вырос на рыжем пригорке
Маленький бугорок.
В сердце под гимнастеркой
Песню я уберег.

Если тревожным звоном
Медь прозвенит войну,
Снова над эскадроном
Песню я разверну.

Глотку клинок перехватит,
Пусть! Запевалы растут.
Весь эскадрон подхватит
Песню мою на лету.

1930

СМЕРТЬ МИНЕРА СИНИЦЫ

1919 г. Весна. Эстония.
Лагерь военнопленных Пяскюля

1

Проверка прошла, номера пропустив,
Тяжелым засовом пробрякав.
По лестнице тел спускается тиф
В глухой колодец барака.

Мы с ним остаемся с глазу на глаз
В ночном барачном удушье.
Он тучами вшей наползает на нас,
Горячкой немислимой душит.

Колючая проволока высока,
И так далеко до дому!
За лагерем сонно бормочет река
Под белым навесом черемух.

Весна поднимается в поле травой,
Курчавится каждый кустик.
Но, верный уставу, стоит часовой, —
Он в лагерь весну не пустит.

Двойными запорами дверь заперта.
На окнах двойные решетки,
И нас обступает кругом духота,
Жара обжигает глотки.

И душит кошмар,
От него не уйти.
Лохмотьями не укрыться.
В далеком углу мигалка коптит,
А может быть, это снится?

А может быть, это предутренный бред
В больной голове сгорает?
Шагает дневальный.
И рядом сосед
В беспамятстве умирает.

Гудит над бараком ржавая жесть.
Собаки воют в тревоге.
Холодным потом покрылись уже
Большие солдатские ноги.

Сосед умирает.
Косматый пожар
Ему перед смертью снится.
...На ощупь спускается с верхних нар
Кронштадтский минер Синица.
Он гладит рукой
По липким кудрям.
Он шепчет в холодное ухо:
— Черненко, годок!
Отдаешь якоря?
Встаешь на прикол, братуха?
Да что ж это?! —
Сонно бормочет река
На старых мельничных плечах,
В последний поход снаряжает братка
Кронштадтский минер Синица.

Синица! Где злое веселье твое?
Скажи мне прямо и честно.
Из серых потемок
Тихо встает
Тюремная песня.

Кронштадтский минер Синица
Проклятую песню поет:

«Не спится мне,
Не ложится,
И сон меня не берет...»

Коптилка чадит,
Мигая,
Больным лепестком огня.

«Приди же,
Приди, дорогая,
И успокой меня...»

Годок! Перестань. Не надо.
И так тяжело.
Пусти!
Не эта песня.
В отряде мы знали другой мотив.
В нем ветер распахивал знамя.
Хорошая песня, брат!
Мы били кадета, и с нами
Победа шагала в ряд.

Нам в ночь светили пожары,
Куда мы попали, брат?
Голодные сумерки,
Нары...
Не так бы нам умирать!

Не так бы, годок Синица...
Проклятая песня врет!
«Не спится мне,
Не ложится,
И сон меня не берет...»

Песня допета.
Последний куплет

Душу мне точит и точит.
Знаешь, браток!
В девятнадцать лет
Кто умирать захочет?

А по земле
Проходит весна,
Шумная,
Молодая,
А на земле
Родная страна
Борется,
Побеждает.

Прожектора
Обтекают пути,
Нервничая,
Беспокоясь.
В рыхлую ночь
Без огней летит
Взмыленный бронепоезд.

Ветер степной
В проводах поет.
Рвется весна в бойницы.
У пулемета
Место твое,
Пленный минер Синица!

Версты стремглав
Под откос летят.
Память уйти не хочет.
В черном бушлате
Входит Кронштадт
В сырость октябрьской ночи.

От Петропавловки
Смотрит рассвет

В окна царского дома.
Красногвардеец
Читает декрет —
Первый декрет
Совнаркома.

Первым снарядом
Сбит семафор.
Первая цепь ложится...
На бронепоезде
«Красный террор»
Место твое, Синица!

Подлое прошлое
Надо карать
Бешено и упрямо.
Мы не сгнием.
Мы выживем, брат,
В этой постылой яме.

. . . . .

Входит рассвет
Сквозь колющий забор,
Настороженный,
Зыбкий.
Мне улыбается
Мертвый минер
Ясной такой улыбкой.

1932

ШЕСТОЙ

Хорошие были ребята:
Кремневые, на подбор.

Трава на тропе примята,
Зарос лопухами двор.

Синест в траве колокольчик.
Кузнечик стрижет в тишине.
Переглянулись молча
И молча встали к стене.

Хорошие были ребята:
Кронштадтские. Моряки.

Одетый медью заката,
Конвой подравнял штыки.
Подул ветерок с заречья,
И сразу стало свежо.
В высокой траве кузнечик
Стрижет себе да стрижет.

Хорошие были ребята,
Ребята были на «ять».

Замедленно падал пятый.
Шестой остался стоять.

Шестой шатнулся сутуло
(Шаг в сторону, шаг назад)
И рыжему есаулу
Взглянул исподлобья в глаза.

Сказал, улыбаясь косо:
— И тут тебе не везет.
Ужо вот тебя матросы
Почище пустят в расход...—
Упал на мягкую мятую
Под выстрелами в упор.

Хорошие были ребята:
Кремневые, на подбор.

1933

Мир беседе!
Сядем вместе,
Поболтаем честь по чести
О твоём и о моём,
Вспомним молодость,
Споём
Нашу песню строевую,
Штурмовую,
Штормовую —
Песню знаменитую, —
Пулями прошитую.

С приговоркой,
С прибауткой,
С папироской-самокруткой,
С карабином на ремне.
На тачанке,
На коне
Эту песню пронесли мы
Вдоль по Гомелю
И мимо
Лозовой и Узловой
Перебежкой боевой.

Песенка видела
Были и небыли.
С песенкой где мы
Были и не были?
С песней кого мы
Били и не били?
В славных боях
За Советскую власть
Молодость наша
С песней сжилась.
По Волге ходили —

Летучки водили,
В Царицыне были —
Деникина били.
В Мурманске были —
Мюллера били,
В Гатчине были —
Юденича били.
В Таврии были —
Врангеля били.

. . . . .

Пологи пыли.
Лошади в мыле,
Пологи пыли.
Пуля навывлет.
Пологи пыли.
Шелест ковылей.
Беркут степной
На матросской могиле.

Душен покой
Земляного привала.
С пуль в груди
Спит запевала.
Спи, мой товарищ!
Живы слова.
Слава жива.
И песня жива.

1934

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Льется в уши неувовимо
Шепелявый лепет воды.
В молчаливых долинах Крыма
Зацветают в полночь сады.

Как ночной костер, догорая,
Гаснут в гавани голоса.

От Яйлы до Бахчисарая,
Не шелохнув, стоят леса.

Звезды правят ночную вахту,
Под рукой холодит штурвал.
Чуть баюкает нашу яхту
Черноморский ленивый вал.

Сновидений смутных чудесней,
Эта ночь живет наяву
В краснофлотской ласковой песне,
Опрокинутой в синеву.

Окрыленный парусом отдых
Гонит серые мысли прочь.
О больших делах и походах
Люди бредят в такую ночь.

Как ночной костер, догорая,
Песня падает в пепел сна.
От Яйлы до Бахчисарая
Бродят молодость и весна.

1934

ЧИТАТЕЛЮ

Что ж? Прожитых лет не воротишь вспять.
Мы взрослыми стали. А вспомнить по чести,
В семнадцатом, осенью, тридцать пять
Едва набегало обоим вместе.

Давай на границе семнадцати лет
В глаза своей юности взглянем спокойно.
Не наша ли жизнь обозначила след
В социализм сквозь невзгоды и войны?

Встань, молодость, песни походной сестра!
Под низким навесом пустой солеварни,
Обняв карабины, всю ночь у костра
Сидят восемнадцатилетние парни.

Разлапые сосны построились в ряд.
Окрашены заревом темные дали.
Безусые парни сквозь сон говорят
О жизни, какой никогда не видали.

Бушует набата полночного зык,
Горят на снегу кровавые пятна.
У юности нашей был строгий язык,
И мне и тебе с полуслова понятный.

Пусть говор орудий сегодня стих.
Любить свою Родину мы не устали.
Нет-нет — и блеснет непокорный стих
Четырехгранным упорством стали.

Ровесник!
Ты любишь Отчизну свою,
Российских полей бесконечную снежность.
Тебе, мой товарищ, я отдаю
Стиха своего угловатую нежность.

То песней веселой волнующий строй,
То в дыме костра склоненный над сводкой,
Идет по стихам мой армейский герой
Знакомой тебе молодою походкой.

Идет он,
И поступь его легка.
Идет он в шинели своей дырявой,
Но резкие грани его штыка
Овеяны нашей бессмертной славой.

И крепость присяги,
И тяжесть ружья
Познал он, измерив шагами войны,
И если его заметят друзья,
И если ты скажешь:
«Да это же я!» —
Исполнена будет задача моя,
Сердце мое спокойно.

1935

* * *

Черные косы склонив к пруду,
Неясную песню бормочет мать.
Ребенок у берега ловит звезду
И не может ее поймать.

Ребенок ладонью прикрыл звезду,
Колыхнулась рябью вода.
Круги разошлись, и снова в пруду
Неподвижно стоит звезда.

В глубине водоема синее ил.
Сиротливо стынут следы.
Так вот и я когда-то ловил
Отражение дальней звезды.

Зрелость пришла и сказала мне:
«Не туда глядишь, не туда!»
Я выпрямился и увидал: в вышине
Горит большая звезда.

По ней равняли бег поезда,
Шли народы сквозь дым ночей.
И остался в сердце моем навсегда
Жаркий отблеск пяти лучей.

1935

У других получается просто,
Без раздумий и без помех.
Что ни строчка — радости роста,
Что ни рифма — беспечный смех.

Не мудря особенно, дабы
Безмятежней плавать в земном,
Славят девушку и прораба,
Хлебосольный трест «Гастроном».

При посредстве оттенка грусти
Вводят комнатность и уют.
Пишут гимны цветной капусте,
Вдохновенно «румбу» поют.

Или, слушая охи-вздохи
Водовозных эстетских кляч,
Переводят громы эпохи
На язык подмосковных дач.

И иной молодой индивидуум,
Гладко выбрит и чисто одет,
Цедит мне со скучающим видом,
Что в стихах моих живости нет.

Что невзрачны у них наряды,
Что от них, говоря по душам,
Нет зарядки и нет отрады
Понимающим толк ушам.

Перед въедливым прокурором
(Он и критик, он и судья)
Ты стоишь с потупленным взором,
Ненарядная песня моя.

В гимнастёрке простого покроя
Ты в рядах пролетариев шла.
Ты себе поэффектней героя
Не искала и не нашла.

Ты с героем сдружилась сразу
И, законы дружбы храня,
Плоской фальши и громкой фразы
Опасалась пуще огня.

Нет нам, песня, пути другого,
Будем мужественны до конца.
Мы откроем простое слово,
Обжигающее сердца.

1935

ПЕСЕНКА

Нас не баловала смолodu
Пресловутая судьба.
Рано мы сaдились с голоду
На хозяйские хлеба.

В той юдоли, в той погибели,
У чужого верстака,
Из души пинками выбили
Все, чем молодость легка.

Злобный век рубил колени нам,
Спины гнул в бараний рог.
И сошлись мы в жизни с Лениным
На кресте больших дорог.

В нашу молодость постылую
Он вошел, как в тесный дом,

Нашу ненависть бескрылую
Окрылил своим умом.

Прозвенит в веках балладами
Время мужества,
Когда,
Не сгибаясь под снарядами,
Мы вступали в города.

Прозвенит в веках былинами
Время зрелости,
Когда
Над бесплодными равнинами
Мы воздвигли города.

Без числа дорог исхожено,
Солнце встало на крови,
Злое сердце растревожено
Первой радостью любви.

1935

НА РОДИНЕ

В лопухах и крапиве дворик.
За крыльцом трещит стрекоза.
Терпкий корень полыни горек,
Как невыплаканная слеза.

Тополя и березы те же,
Та же пыль на кресте дорог,
В повечерье, как гость заезжий,
Я ступил на родной порог.

В этот тихий канун субботы,
Так знакомы и так близки,

Руки, жесткие от работы,
Не коснутся моей щеки.

Робкой радостью и тревогой
Не затеплится блеклый взгляд.
Над последней твоей дорогой
Отпылал последний закат.

Жизнью ласковой не пригрета,
Ты не верила, не ждала.
И у самой грани рассвета
Приняла тебя злая мгла.

Все, о чем ты мечтать не смела,
Все, что грезилось нам во мгле,
Вешним паводком, без предела,
Разлилось по родной земле.

Встань, изведавшая с избытком
Доли мучениц-матерей,
Выйди в сени, открой калитку,
Тихим словом сердце согрей.

...Не порадует небо синью,
Если дым залепил глаза.
Песня встала в горле полынью,
Как невыплаканная слеза.

1936

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

*Памяти товарищей моих,
убитых неволей, тифом
и голодом в Пяскюльском
лагере военнопленных
в Эстонии в 1919 году.*

*«Пепел Клааса стучит
в мое сердце!»*

Шарль де Костер

1

Ночь проплывает по звездному плесу.
Сердце сегодня бьется сильней:
Снова ко мне явилась без спросу
Тема затерянных в прошлом дней.

Спутник бессонниц моих бессменных,
Воспоминаниями мозг полоня,
Пяскюльский лагерь военнопленных
Из темноты пошел на меня.

Злыми слезами солдатского горя
Стынет на ржавых решетках роса.
Ветер доносит с Балтийского моря
Разбушевавшихся волн голоса.

Пламя коптилки тщедушно и косо,
Нет мне покоя, куда ни пойду.
Артиллеристы, стрелки и матросы
Корчатся всюду в тифозном бреду.

Душит нас мозглая сырость колодца.
Смерть не устанет нас сторожить.
Как с этой гостьей безносой бороться,
Как не остыть, до рассвета дожить?

Мы молодые... Мы чувствуем рядом
Теплую близость весенней земли.

Родина! Красноармейским прикладом
В щелы тяжелую дверь расколи.

Глухо безмолвствует темень сырая.
Кто нам подаст команду: «В ружье!»
Родина! В зное тифозном сгорая,
Мы произносим имя твое.

2

Баракы. Проволока в три ряда.
Бетонный мусор крепостных развалин.
Идут дожди. Проходят поезда
Три раза в день из Гапсаля на Таллин.

Все наизусть изучено давно:
Конвойного ленивая походка,
Двойные нары, узкое окно,
Отеки стекол, ржавая решетка.

День пленного однообразно прост.
Живи и умирай по трафарету.
Покойник, отправляясь на погост,
Сдает живым страданья эстафету.

Живи и жди, пока в чужом краю
Перед тобой раскроется могила...
Здесь смерть пытала молодость мою
И не осилила — и отступила.

3

Ночь ведет по закоулкам бреда.
Душно мне в барачной конуре.
Долгая агония соседа
Медленно погасла на заре.

Все теснее злая петля круга.
День, другой... и очередь моя.
Смерть явилась и столкнула друга
В земляную сырость небытья.

Смерть свела последние итоги.
Ни вперед дороги, ни назад.
Он лежит задумчивый и строгий,
Недвижим его спокойный взгляд.

Что ему глухая клетка плена,
Серых дней тупая суета!
Ждет его могила, но нетленна
Молодая дерзкая мечта.

Наша жизнь сгорает, как солома,
Но, мечте и юности верны,
Перекаты пушечного грома
Слышим мы с восточной стороны.

Пусть, не затуманена слезами,
Встанет скорбь в почетный караул.
Этот парень серыми глазами
В будущее смело заглянул.

4

Все ночь и ночь, а сердце скоро
Отчаянье наполнит всклянь.
Шипы колючего забора
Вгрызаются в живую ткань.

В ночном азарте смерть все чаще
Снимает ставки со стола.
И мы приносим уходящим
Запас последнего тепла.

И все, чью юность на рассвете
Срезает ржавая коса,

Передают по эстафете
Родных и близких адреса.

И все, кто гибнет на рассвете,
Как по цепи приказ в бою,
Передают по эстафете
Любовь и ненависть свою.

. . . . .

Я нынче слышал в час восхода
Друзей ушедших голоса.
Теряет память год от года
Их имена и адреса.

Но в сердце, обогретом песней,
Я, уцелевший, берегу
Их нежность к Родине чудесной,
Их злую ненависть к врагу.

5

Раностайки зяблика свист
Раскололся, ударясь оземь.
Прогоняя ночь, тракторист
Боронует пашню под озимь.

За его стальной бороной
Залегают тумана клочья.
А родился он той весной,
Что меня посетила ночью.

Он веселый и молодой,
И ему по ночам не снится
Пулеметчик Федор Седой
И не снится минер Синица.

Счастлив я, что не знает он,
Что такое тоска и голод,

Что глубок его крепкий сон,
Что полет его песни молод.

Повстречав меня на стану,
Догадается он едва ли,
Что ребята наши в плену
О таких сыновьях мечтали.

Невдомек ему, что тогда
Мы видали в смертном томленье
Эти радостные города,
Этот край в весеннем цветенье.

Юный друг! В атаках, в плену,
В душных клубах походной пыли
Мы родную свою страну
Беззаветно, как ты, любили.

Кровь бойцов хранит рубежи
И просторы Отчизны милой.
Встань и голову обнажи
Перед их безвестной могилой.

1936

ИЗ ЦИКЛА «ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА»

ЗА СНЕЖНЫМ БАРЬЕРОМ ЯЙЛЫ

Снега по оврагам серы и рыхлы.
В пару приазовская даль.
У моря, за снежным барьером Яйлы,
Цветут абрикос и миндаль.

У моря, за снежным барьером Яйлы,
Когда багрянеет восток,
На жесткой лозе винограда шаслы
Проглянул несмело листок.

Сквозь прель выгоняют ростки семена.
Смолой истекают стволы.
В спокойное море глядится весна
За снежным барьером Яйлы.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Летний вечер. Середина года.
Хороши в июле вечера!
Синее свечение небосвода,
Отблески заречного костра.

Голоса срываются с причала
И уносят слово по реке.
Песня без конца и без начала
Теплится и гаснет вдалеке.

Этой песни светлые осколки
Бережно баюкает трава.
В чуткий сон заречной комсомолки
Лентами вплетаются слова.

И на миг, над снами молодыми,
Как звезда, проглянет с высоты
Сердцем облюбванное имя
Сплавщика, ведущего плоты.

Много в сердце радости. И много
Будет спето песен у костра.
Далека у сплавщика дорога.
Хороши в июле вечера!

В ПОЛЕ

Это детство вернулось, что ли?
Небо, марево. День хорош.
За широким прогоном в поле
Расплеснулась, как море, рожь.

Ветерок пробегает робко
И нигде не найдет межи.
Незаметно уводит тропка
В беспокойную кипень ржи.

Где мы, в море или на суше?
Всплески, всплески со всех сторон.
Затаи дыхание и слушай
Металлический тихий звон.

Спелый колос взглядом лаская,
Сам с собой говорит полевод:
— Видишь, силища-то какая
Расшумелась на полный ход!

Да! Такой красоты, бывало,
Не видало наше село.
Только б ливнем не подломало,
Только б вёдро не подвело.

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ

Не торопись, не спеши, подождем.
Забудем на миг неотложное дело.
Смотри: ожила трава под дождем
И старое дерево помолодело.

Шуршит под ногами влажный песок.
Чиста синева над взорванной тучей.
Горбатая радуга наискосок
Перепоясала дождик летучий.

Сдвигаются огненные столбы,
Горят облака... В такие мгновенья
Из прели лесной прорастают грибы
И песенный дар обретают растенья.

И камни и травы поют под дождем,
Блестят серебром озерные воды.
Не торопись, не беги, подождем,
Послушаем ласковый голос природы.

1935—1936

НА ГРАНИЦЕ

Тишина обступила могилу, и слышно,
Как листки расправляет весенняя вишня,
Как ползет муравей по синей тычинке цветка,
Как пульсирует кровь в напряженных жилах виска,

Как на шее дивчины дрогнули крупные бусы.
Тут выходит с правого фланга безусый,
Самый статный,
В солнце от шпор до накатистых плеч,
Мнет фуражку в руках, начинает тихую речь:
— Вот, Сергей, по-весеннему чисто небо,
И цветы, как юность твоя, распустились едва.
Не тебе бы лежать на лафете. Не мне бы
У могилы твоей говорить неживые слова.
Еще в прошлую ночь мы стояли с тобой в карауле,
Сторожили рубеж. Замышляли большие дела,
Но кусты расступились внезапно,

и пуля

Сквозь твое комсомольское сердце прошла.
Как тяжелая кладь, гнетет твоя домовина,
Сердце сушит и жжет неживая улыбка твоя.
Вот... Сергей... головой нерожденного сына
Я клянусь, мы клянемся, ровесники и друзья...
Этим полем, несущим весенние всходы,
Этой вишней, склонившей над гробом цветы,
Мы клянемся хранить города и заводы —
Радость жизни твоей и твоей бессмертной мечты.
Трубы глухо запели

«Вы жертвою пали».

Троекратный салют

колыхнул при дороге кусты.

Трактор шел через луг.

В селе ребята кричали.

Как всегда,

на границе

в полдень

сменялись посты.

1936

ДВАДЦАТИЛЕТНИМ

После дня на сенокосе,
После вечера в запевках
Крепок сон двадцатилетних
В синем пологе ночей.

Сны являются без спросу
И уходят без причины...
Русака гоня, на лыжах
Ты влетел в июльский день.

В поле выжженном, безлюдном
Ты во сне увидел деда.
Как надломленный подсолнух,
Он стоял на полосе.

Он стоял на раздорожье,
Одинокий, бездорожный.
Он грозил в бессилье небу
Узловатым кулаком.

Над землей струилось лето
Мутным зноем суховея.
Раскаленным глазом солнца
Страшный год смотрел в лицо.

Рвал посконину рубахи
Черный куст чертополоха,
Травы в ужасе шептали:
«Смерть над нами... уходи!»

Как надломленный подсолнух,
Дед стоял на раздорожье.
На обугленных ресницах
Стыли злые капли слез.

Ты пошел навстречу деду...
Но на площади колхозной
Гулко колокол ударил,
Разгоняя морок сна...

...Молодой, двадцатилетний,
Ты встречаешь песней утро.
С неба солнце, как родное,
Улыбается тебе.

На лугу, росой расшитом,
Травы под ноги ложатся.
Золотым дремучим лесом
Расступаются хлеба.

По опушке разметались
Кроны сосен желтостволых,
Возле выгона в овраге
Бьют холодные ключи.

Над поемными лугами
Серый жаворонок вьется,
Над цветущей гречихой
Пчелы медные жужжат.

«Твой покос», — стучит кузнечик.
«Твой посев», — шуршит пшеница,
«Твой налив», — лепечут листья.
«Все твое», — жужжит пчела.

В тихом шелесте колосьев
Ты ведешь свою бригаду,
Гордость нашего колхоза, —
Комсомолец, бригадир.

Это ты послушной плугу
Сделал злую землю деда.

Наготу полей убогих
Золотым ковром покрыл.

Внук голодных, одиноких,
Ты идешь хозяйским шагом
По расчищенной отцами
Нашей радостной земле.

1937

* * *

Все тяжелее день ото дня
Возраста ноша.
Реже друзья называют меня
Ласковым словом — «Алеша».

Я на судьбу не жалуясь. Что ж,
Так бывает со всеми.
Не переспоришь, не обойдешь
Неумолимое время.

Все на его перекличке равны.
Все сосчитаны чохом.
Встретим же первый намек седины
Первым тяжелым вздохом.

Впрочем, не рано ли?.. Погоди,
Грусть ни к лицу, ни к дому.
Сердце-то, сердце в твоей груди
Бьется по-молодому.

Снова весна завила плющи.
Дворик тополю тесен.
Песни в брожение... Не расплещи
Молодость этих песен.

1939

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Сам с собой останешься, проснется
В памяти бывшее иногда.
В нашем прошлом, как на дне колодца,
Черная стоячая вода.

Был порядок жизни неизменен,
Как дневной круговорот земли.
Но вошел в него Владимир Ленин
И позвал, и мы за ним пошли.

Стали силой мы и стали властью
В этот памятный и светлый час.
Хочешь знать, как зарождалось счастье, —
Мы расскажем. Спрашивай у нас.

1939

ДОРОГА

Дым над кадилом пахучий и едкий.
(Ладан для горя целебен!)
В складчину в церкви три бабы-соседки
Служат дорожный молебен.

Падают слезы в свяченную воду.
— Что ты реवेशь, бестолковый? —
Три безлошадные бабы подводу
Наняли за целковый.

— Кланяйтесь в пояс родному ночлегу.
Здесь вы родились и жили. —
Три сундучка положили в телегу,
Трех сыновей посадили.

Выгон. Булыжный большак. Переправа.
Барки. Буксир у прикола.

— Это, ребята, гимназия справа,
Это — торговая школа.

Вахтер в медалях стоит у порога.
Возьются сытые дети.
Боком обходит наша дорога
Зданья высокие эти.

Где они были, ключи нашей доли,
В омуте, что ли, глубоко?

. . . . .

Влаги просило сожженное поле,
Дождь обошел его боком.

1939

НА МЕРТВОМ ПОЛЕ

Трехдюймовки кричат за гатью,
Отзываясь гулом в яру.
Невеселое это занятие —
Под огнем лежать на юру.

Просочилась вода в опорки,
Промочила грунт на аршин.
Скучно слушать скороговорки
Высекающих смерть машин.

Дни и ночи в железном гаме,
Мы идем и идем сквозь ад.
Но заря за рекой, как знамя, —
Не дано нам пути назад.

1939

ОТРЯД ИДЕТ В АТАКУ

Всех пулеметов кривотолки
В свинцовый жгут атака вьет.
Матрос-балтиец на двуколке
Над смертью «Яблочко» поет.

На белый снег по кромке клеша
Густая кровь стекает вниз.
А ну-ка, мальчик мой Алеша!
Вперед, в штыки, за коммунизм!

Про молодость в чаду сраженья
Не вспомни и не пожалей,
Закон земного притяженья
Под пулями преодолей.

И в рост поднялся под шрапнелью.
И робость в сердце замерла.
Легко... Как будто над шинелью
Метнулись в небо два крыла.

1939

НА ВОКЗАЛЕ

На площади у вокзального зданья
Армейцы месили слякоть.
В глаза целовала в час расставанья,
Давала слово не плакать.

Шел снег. Поезда проходили мимо.
Гудками сердце кололи.
Зачем ты не плакала? Нестерпимо
Немое горенье боли.

Чуть северным ветром дохнет погода,
И боль оживет, упряма...
Кричу тебе в даль сурового года:
— Расплачься... Расплачься, мама!
1939

РЯДОВОЙ ЛИНЕЙНОГО БАТАЛЬОНА

ДОРОГА

Да будет по монаршей воле!
Шлагбаум поднят, путь открыт.
И колокольчик в чистом поле
Звенит заливчато, навзрыд.

На этой чертовой телеге
Доскачешь в ад наверняка!
Эфесом палаша фельдъегерь
Молотит спину ямщика.

Герр Виддер водку пьет с надсадом,
Что ни ночевка, то дебош.
Он на помазанника взглядом
И бакенбардами похож.

— Пошоль, каналья!.. Доннер-веттер! —
Поля, шлагбаумы, леса.
Который день сквозь пыль и ветер
Гремят четыре колеса.

Мужик, слышав колокольчик,
Свернет с дороги наугад
И вслед телеге бросит молча
Угрюмый пугачевский взгляд.

Простор, а тесно как в остроге.
Куда ни глянешь — вдаль и вширь,
Гремя цепями, по дороге
Плетется «каторга» в Сибирь.

— Земляк, здорово! Далеко ли?

— Туда, за гору Благодать.

— Никак попутчики?..

Доколе

Терпеть, покорствовать, страдать?

Не век в пыли трястись в телеге
И гнить в казарменном гробу.
Ты не обгонишь, герр фельдъегерь,
Мою крылатую судьбу.

Попомни, спутник мой случайный, —
Дождется песня той поры,
Когда над Русью и Украиной
Поднимет ярость топоры.

СОН

Разбитый зноем, спит солдат
В тени казенного сарая.
Вокруг, куда ни кинешь взгляд,
Пустыня без конца и края.
Кресты за крепостной стеной,
Шлагбаум, мертвая равнина
И беркуты... В полдневный зной
Солдату снится Украина.
Солдату снится: глохнет гром,
Трава в степи дождем примята;
Белеют хаты над Днепром;
Горит заря; поют девчата;
Скрипят чумацкие возы;

Над старым шляхом дым привала,
Улегся ветер, и грозы
И ливня будто не бывало.
От рубежа до рубежа —
Веков минувших великаны,
Преданья славы сторожа,
Стоят казацкие курганы.
И все кругом, как в дальний год,
Незабываемо и просто.
Слепого лирика ведет
Худой, в посконине, подросток.
И все кругом, как наяву,
Знакомо взгляду, сердцу мило.
Садится лирик на траву
Передохнуть возле могилы.
Как Днепр широк! Как даль ясна!
Как шелестят колосья в поле!
Чуть слышно дрогнула струна,
И песня стелется на воле.
У песни крылья широки.
Над морем чайка промелькнула.
Вразрез волне сечевики
Ведут байдаки до Стамбула.
Но болью ранена душа.
Укрыл байдаки сумрак серый.
Расшитый золотом паша
На Трапезунд ведет галеры.
Куда вас, хлопцы, занесло?
Что разлучило с Украиной?..
Скрипит тяжелое весло
Протяжной песней журавлиной.
А ветер поет,
А сердце зовет
От белого камня,
От синего моря
На тихие воды,
На ясные зори.

За взмахом взмах, за валом вал,
Тащись, судьба, худая кляча!..
Ну, что ж ты, старый, оборвал
Тоску невольничьего плача?
А в песню входит шляхтич-лях,
Твой враг заклятый и старинный.
Пылят постолы битый шлях
До Умани, до Чигирина.
Молись, шляхетчина! Дрожи!
Повстали наймиты, байстрята.
Блестят свяченые ножи...
И дым костров, и кровь заката...
Сегодня ты, а завтра он,
И с ним, под нож, его жандармы...

Рожок горниста гонит сон.
Вставай, солдат! Пора в казармы.
Опять на пытку и на горе.
Держись, Тарас! Лиха беда!
«Грай, море, добре море,
Добре буде, Галайда».

ОТЧАЯНИЕ

Так день за днем из года в год...
Как жжет в груди. Как в глотке сухо.
Опять тоска. Опять сивуха.
И снова черная старуха
Кривит усмешкой впалый рот.
Какая мертвая усталость...
Ужели силы не осталось?
Что позади? Что впереди?
Темно, как в яме. Душно. Глухо.
Густеет кровь, и слышит ухо,
Как в паутине воет муха.
Постой, проклятый, погоди!
Еще душа не вовсе смята

Свинцовой участью солдата.
Я жить хочу! Уйди, старуха!
Я петь хочу! Пусти, уйди!..
Разбит стакан. Течет сивуха.
И песня ширится в груди.
К тебе, родная Украина,
Сквозь версты рвется песня сына.

КОС-АРАЛ

Сгибает плечи груз неволи.
Седает ус. Идут года.
И не доверишь другу боли,
И не подашься никуда.
Лишь смерть сильна принять отставку,
Крепись, терпи, солдат-штрафник,
Сам царь на шею, как удавку,
Накинул красный воротник.
Во имя новых поколений
Мы ношу тяжкую берем.
Тарас не встанет на колени
Перед фельдфебелем-царем.
Недаром мать меня носила
На барщину, панов кляня.
Пусть у царя и власть и сила,
А правда, правда — у меня.
В сугробах кос-аральской глуши
Кипит ключом живой родник.
И песню-правду не задушит
Солдатский красный воротник.
И, не подвластная острогу,
Она всплывет со дна морей
И через головы царей
К простым сердцам найдет дорогу.

ПЕСНЯ ТАРАСУ

Повита рассветным туманом
Седого Днепра ширина.
Над каневским старым курганом
Шумит молодая весна.

По зову весны над могилой
Крылом соколиным взмахни.
В просторы Украины милой
Открыто и гордо взгляни.

Сровняли рабочие руки
Глухих лихолетий следы.
Выходят Тарасовы внуки
В цветущие счастьем сады.

Одели весенние всходы
Украйну в зеленый наряд,
И красные флаги свободы
Над каневской кручей горят.

Бессмертно Тарасово имя
В кругу нашей дружной семьи.
Гремят над полями твоими
Бессмертные песни твои.

1939

ДЕКАБРЬСКИЙ ДНЕВНИК

С. А. Кривс

* * *

Шелестит за окном молодая листва,
Только стих мой сегодня на стуже продрог.
И, ровняясь, встают на бумаге слова,
Что полгода я в сердце ревниво берег.
Голос долга настойчив и неотвратим.
Расскажу, как под ветром шумела тайга,
Как зимой, по гранитным увалам крутым,
Шли полки по горячему следу врага.
Есть и радость, и боль, и усталость в бою —
Горек дым беспокойных походных огней.
Друг поймет откровенную песню мою
И людей этой книги полюбит сильней.

* * *

Время, что ли, у нас такое?
Мне по метрике сорок лет,
А охоты к теплу, к покою,
Хоть убей, и в помине нет.

Если буря шумит на свете —
Как в тепле усидеть могу?
Подхватил меня резкий ветер,
Закружил, забросил в тайгу.

По армейской старой привычке
Трехлинейка опять в руке.

И тащусь к чертям на кулички
На попутном грузовике.

Пусть от стужи в суставах скрежет.
Пусть от голода зуд тупой.
Если пуля в пути не срежет,
Значит, жив, значит, песню пой.

Только будет крепче и метче
Слово, добытое из огня.
Фронтowej бродяга-газетчик —
Я в любом блиндаже родня.

Чем тропинка труднее, ўже,
Тем задорней идешь вперед.
И тебя на ветру, на стуже
Никакая хворь не берет.

Будто броня на мне литая.
Будто возрасту власти нет.
Этак сто проживешь, считая,
Что тебе восемнадцать лет.

* * *

Лица в ожогах мороза, бессонницей долгой измяты.
Радости, скорби, печали замкнуты в тесном кругу.
Снова, железными дятлами, в чаще стучат автоматы,
Снова, сжимая винтовки, лежим на шершавом снегу.

И нарастает волнение до нервного тика, до боли,
Посвисты пуль над окопом. Тусклые вспышки в лесу.
Встали бы в рост на поляне! Вышли в атаку бы, что ли.
Мы бы рванулись навстречу, штык вынося на весу.

Сдвинута набок литая каска на ближнем соседе.
Невозмутимо спокойна эта большая спина.

Он не торопится. Знает — враз не прорваться
к победе —
Вытерпеть, выдюжить надо. Тяжко? На то и война.

* * *

Мандолина выводит тоненько, тоненько
С переборами гопака.
Не смущает веселого, ладного конника
Перевязанная рука.
Пусть чужие дозорные шляются около,
Пусть над озером ветра вой,
Он летает по кругу соколом, соколом
С гордо поднятой головой.
И мигает в такт коптилка неяркая,
Язычок змеинный деля.
И по черному полу, шаркая, шаркая,
Пишут валенки вензеля.
А за стенкой гремят, как удары молота,
Залпы спрятанных батарей...

Хорошо мне сегодня, просторно, молодо
В этом братстве богатырей.

* * *

Тела друзей разметаны во сне,
На валенках сапера сохнет глина.
И рядом с автоматом, на стене,
Безмолвная, уснула мандолина.

А я не сплю. Под шум тайги седой
Я слышу шелест мерного дыханья.
Передо мной бескрайной чередой
Далекie встают воспоминанья.

От песенки, пропетой невзначай,
От пляски, своевольной и задорной,
Вином прошел по жилам жидкий чай,
Каморка наша сделалась просторной.

Нас в этот братский, тесный круг свела
Одной любви и ненависти сила.
И полночь у разбитого стола
Беседой тихой дружбу закрепила.

Иссякло сало в тусклом ночнике.
Не спится мне... Все кажется, что рядом
Скуластый лыжник ходит налегке,
Сбивая снег с кустарника прикладом.

Умолкли пушки. Тьма и тишина.
За дверью лес настороженный, строгий.
Спят юноши... Пусть крик ночной тревоги
Не прозвучит и не нарушит сна.

* * *

Осторожно пощупал — кисет не промок,
Вынул бережно щепоть махорки,
Завернул, закурил. И поднялся дымок,
По-домашнему теплый и горький.

Черным дегтем внизу клочкотала река.
В белом инее стыла береза.
По холодному небу текли облака, —
Может быть, от родного колхоза.

Он устало присел на подрубленный ствол
Возле самого края обрыва.
А по мосту, который он за ночь навел,
Горный полк проходил торопливо.

Грохотали орудия разных систем,
Шелестели по наледи шины.
Он сидел, и курил, и завидовал тем,
Кто ведет боевые машины.

Завивался и таял табачный дымок,
Как тепло задушевной беседы.
Он был плотник. И было ему невдомек,
Что за ним половина победы.

* * *

Сердце бьется тревожно. Ко мне
Снова мать приходила во сне.
Будто в детстве, тиха и светла,
Целовала, куда-то звала.

Слыша взрывы сквозь сон, за стеной,
Я ответил печальной, родной:
— Не зови меня, погоди.
У меня еще жизнь впереди.

* * *

Еловая ветка, в костре догорая,
Подернулась пеплом. Не видно ни зги,
И кажется, нет ни конца и ни края
У полночи этой, у этой тайги.

Не спится сегодня комбригу седому.
Он слышит, как снег шелестит на сосне,
Как юноша летчик, тоскуя по дому,
«Марусенька... Маша...» — шепчет во сне.

Мы знали комбрига. Суров и спокоен
Он был на привалах, в походе, в бою.

Но вспомнил сегодня испытанный воин
Далекую, буйную юность свою.

Припомнил таежное мшистое ложе,
Друзей у костра, партизанский привал.
Припомнил, как бредил он девушкой тоже,
По имени тоже ее называл.

Дозор по тропинке прошел осторожно.
Взметнулась ракета, потемки дробя.
Комбриг приподнялся и вздрогнул тревожно
За юношу летчика, не за себя.

* * *

Звенит под лыжами стеклянный наст,
По перелеску выстрелы блеснули.
Мы под огнем. И кто-нибудь из нас
Не обойдет летящей финской пули.

И навзничь рухнет в редком сосняке,
И потускнеет взгляд под бровью строгой.
И только чье-то сердце вдалеке
На эту смерть откликнется тревогой.

Есть высшее из всех гражданских прав:
Во имя жизни встретить ветер боя
И, если надо, смертью смерть поправ,
Найти в огне бессмертие героя.

* * *

Друг мой! В таежной ночной тишине
Вспышки ракет осветили окно,
Ты на минуту нагнись ко мне,
Я тебе слово скажу одно.

Если порвет пулеметный дождь
Жизни моей непрочную нить, —
Вынь мое сердце! Ты в нем найдешь
Песню, которая будет жить.

* * *

Он не стонал. Он только хмурил брови
И жадно пил. Смотрели из воды
Два впалых глаза. Капли теплой крови
В железный ковш стекали с бороды.

С врагом и смертью не играя в прятки,
Он шел сквозь эти хмурые леса.
Такие молча входят в пекло схватки
И молча совершают чудеса.

* * *

Дорогая, хорошая, сердце мое!
Как медлителен времени бег!
Третий раз эта ночь поднимает в ружье
И бросает на черный снег.

Успокоилось. Лег. Задремал слегка.
Вижу в дымке поволжский плес.
Слышу шелест шагов. И твоя рука
Чуть коснулась моих волос.

Мы над волжским простором вдвоем стоим.
В складках туч проступил рассвет.
И молчаньем твоим, и дыханьем твоим
Я на свежем ветру согрет.

Журавли улетают на юг, трубя,
Тянет холодом зимних дней.

Никого я не знаю лучше тебя:
Ближе, ласковей, родней.

Журавли улетают на юг в вышине.
Разве мы их вернем назад?..
Вновь команда: «В ружье!» Опять по стене
Хлещет крупный свинцовый град.

Если снайпер чужой облюбует меня,
Гряну навзничь, руки вразброс, —
Вспомни крик журавлиный, рождение дня,
Ветер, молодость, волжский плес.

* * *

Домик наш мал. Продырявлен пулями. Около
Бьют батареи, за озеро, круглые сутки.
С жалобным звоном сыплются битые стекла.
Жесткое шарканье валенок. Иней. Дым самокрутки.

Мы здесь как дома. Оружие на руки выдано.
Время замкнулось в порядок размеренно-строгий.
Все, что казалось романтикой, стало обыденно.
Боем кончается день, начатый криком тревоги.

Стелется дым от костров над крутыми обрывами.
Падают бомбы. От взрывов снега почернели.
Глаз наметался по вспышкам следить за разрывами.
Ухо привыкло к звенящему лёту шрапнели.

Кто нам подскажет — какими путями-дорогами
Выйдем к победе в лесном бездорожье и стуже?
Враг норовит измотать, обессилить налетами.
Что же! Посмотрим, чьи нервы покрепче, чья хватка
потуже.

* * *

Жизнь в этом доме больше не жилища.
Здесь смерть проходит, костылем стуча.
Из фонаря оплывшая свеча
Чуть освещает пасмурные лица.

Сюда приносят тех, кому не встать.
В пазах белеет снеговая проседь.
И дверь скрипит сухой сосне под стать.
За эту дверь покойников выносят.

Войдя однажды в эту тишину,
Увидя смерть в обыденном обличье,
Ты, задрожав, почувствуешь войну
Во всем ее трагическом величье.

* * *

Пусть железо сечет с высоты.
Кто нас может со смертью сдружить?
В час атаки, у смертной черты,
Лишь неистовой хочется жить.

* * *

Было холодно, было невесело.
Злился ротный, кусая усы,
По дорогам пурга куролесила;
Тонко выли за озером псы.

И стучали часы, как кузнечики,
И костер дотлевал в шалаше.
Но ввалились с мороза разведчики, —
Сразу стало теплей на душе.

От беседы, от жидкого чая ли
Растопилась ночная тоска.
Мы их видеть живыми не чаяли,
А они привели «языка».

* * *

В три часа пополуночи подняли взвод.
Он ушел в неизвестность, в беззвездную тьму.
На рокадной дороге чужой пулемет
Бросил синие трассы навстречу ему.

Полевой телефон не смолкал до утра.
А к рассвету, как снежный обвал, как волна,
Из тайги долетели раскаты «ура!»
И по следу атаки прошла тишина.

Мы там были в начале неяркого дня.
Было пусто и тихо. Лишь кровь на снегу,
Да сумятица многих шагов, да лыжня,
Торопливо бегущая в чащу, в тайгу.

* * *

Кружилась метель возле тощих берез,
Свивала в жгуты серебристую пыль.
И ветер неожиданно из лесу принес
Знакомую песню, поволжскую быль:

Как Волга-река по весне, в тишине,
В крутых берегах, извиваясь, текла;
Как, плавно качаясь на зыбкой волне,
Разбойничья легкая лодка плыла;

Как в пене и в брызгах играло весло;
Как в терем вернулся разгневанный муж...

Какими судьбами тебя занесло
С Поволжья в таежную финскую глушь?

Был голос поющего звонок и чист.
То птицей взлетал, то в метели тонул.
Шагал целиной ярославец-связист
И с песней меж елками провод тянул.

* * *

Поднимаясь за облако круто,
Истребитель гудит в вышине.
Эшелоны по южным маршрутам
Пробегают в ночной тишине.

На теплушках узоры из хвои —
Близкий сердцу армейский уют.
Это с севера едут герои,
Наши песни в дороге поют.

За платформой, у самого края,
Бесконечный ромашковый плес.
Грустно слушаю, как, замирая,
Удаляется дробот колес.

Ветер. Ночь. Путевые огни.
Водокачка. Тень семафора.
Песня! Ты их в пути догони
И скажи, что встретимся скоро.

*Сев. Финляндия.
Суомуссалми — Москва
XII. 1939—V. 1940*

ПОЛК ВСТУПАЕТ В ВОЙНУ

Вот здесь начинались
Истории нашей страницы.
День короток, сер,
А ночь бесконечно долга.
Пылают костры
От карельских озер до границы.
Потоки шумят,
И ропщет под ветром тайга.

Поджарые лоси
Косятся на звездные шлемы.
Подальше от шума
Уходит в трущобы зверье.
Устав от работы,
Лежим на промерзлой земле мы,
Готовые к бою
По первой команде «в ружье!»

Звезда не блеснет.
Не прорежется месяц двурогий.
И скучно и зябко
Меж елок березке нагой.
Мы ночью и днем
Пробиваем сквозь чащу дороги.
Киркой, топором и лопатой
Воюем с упрямой тайгой.

Тайга валуны громоздит,
Под напором полка отступая,
Бросает нам под ноги
Топи зыбучих болот.
И ноги в ознобе,
И боль в пояснице тупая.
А взвод наступает.
А взвод, наступая, поет.

Стрелкам и саперам
Любая работа по росту.
Дружнее наляжешь —
И выдюжишь бремя, не сдашь.
Так прадеды наши
Карабкались к Чертову мосту.
Так наши отцы
Штурмовали соленый Сиваш.

Грохочут по гатям
Тяжелых машин вереницы
В краю, где конем не проехать,
Пешой не пройти.
Сквозь топи болот,
По угрюмой тайге, до границы,
Легли километры
Пробитого нами пути.

Чужая застава
За просекой — вот она, рядом.
Обманчива ночь,
И лжива в тайге тишина.
Рассыпалась в небе ракета,
И первым снарядом
Над горным полком
Протрубила в потемках война.

1939

ТОВАРИЩИ

В далеком восемнадцатом над нами
Железным шквалом пронеслись бои.
Сквозь ветер боя, поднимая знамя,
Шли побеждать товарищи мои.

Земля от залпов яростных дрожала,
Росла большая, дружная семья;

Под пулями окрепла, возмужала
Разбуженная молодость моя.

И вот — февраль сорокового года.
Штыки бойцов по-прежнему остры.
В тайге финляндской воеет непогода,
И на лесных привалах жгут костры.

Звезда пятиконечная над нами.
Как в том году, опять гремят бои.
Октябрьское прославленное знамя
Несут вперед товарищи мои.

Нас бой ведет по огненному следу.
С отцами делят подвиги сыны.
Отец и сын перед лицом победы
И возрастом и мужеством равны.

1940

* * *

Толпы людей без конца и числа
Шли нам навстречу в предутренней рани.
Помню: старуха козленка вела,
Девочка в тонких ручонках несла
Маленький чахлый кустик герани.
Гнал их из города ужас ночной,
Пламя ревело за их спиной.

Западный фронт. 1941

* * *

Детей не ждет тепло родного крова.
В наплывах крови мертвая трава.
И вот в мои стихи приходят снова
Прямые и жестокие слова.

Нет твари бессердечней и бесчестней,
Чем злобный Гитлер, враг моей земли.
О, если бы поэты гневной песней
Врага, как сталью, поражать могли!

Всю ненависть, что в сердце наikipела,
Прямым ударом, яростно, сплеча,
Как сталь кинжала, я вонзил бы в тело
Пресыщенного кровью палача.

Но песне быть кинжалом не дано...
Шагай же, песня, с воинами вместе!
Пусть ненависти горькое зерно
В сердцах бойцов взойдет ростками мести.

Лишь в день победы мы вздохнем свободней,
В цветах увидим Родину свою.
Во имя этой радости сегодня
Я месть, и гнев, и ненависть пою.

Западный фронт. 1941

* * *

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет:
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

Западный фронт. 1941

Грузовики, рыча, неслись куда-то,
 Валялись трупы беженцев в пыли.
 Два пехотинца пленного солдата
 С передовых в армейский штаб вели.

У самого шоссе, воронку вырыв,
 Убила бомба четверых ребят,
 И, побледнев, один из конвоиров
 Занес над немцем кованый приклад.

Другой взглянул в глаза и понял сразу.
 И на плечо легла его рука:
 — Уйми себя... Не надо... По приказу
 Мы в штаб живым доставим «языка».

Был день. Был зной. Горела ярко хата,
 Вой «мессершмиттов» замирал вдали.
 Два пехотинца пленного солдата,
 Скрипя зубами, по шоссе вели.

Западный фронт. 1941

В ИЮЛЕ

Танк прошел, железными лапами звякая.
 Опустило шоссе. Мы снова одни.
 Мы с тобой постарели. Мы видели всякое
 На военных дорогах в июльские дни.

Были плотно забиты арийскими ордами
 Большаки и проселки. И зной неживой
 Плыл над беженским горем, над конскими
мордами,
 Над взбесившейся пылью и мертвой трагедией.

Радость легкой победы, заране угаданной,
 В эти черные дни утонула в крови.

Стыд по сердцу прошел обжигающей ссадиной.
Что нам делать?

— Замолкни ты, душу не рви!

1941

ДВОЕ

Их было двое. Враг их окружал.
Один, крича и плача, побежал.
Четыре вспышки выстрелом блеснули,
И в спину беглеца впились четыре пули.
Другой боец не отступил ни шагу.
Он встретил в лоб орущую ватагу.
Поднялся в рост над рыжим бугорком,
Спружинил мышцы сильные упруго,
Разил гранатами, колол штыком
И вырвался из замкнутого круга,
Десятерых на месте уложив.
Он жизнь любил. И он остался жив.
Западный фронт. 1941

* * *

Мой сын синеглазый!
В тревожные, грозные дни
Прочти эти строки
И в памяти их сохрани.
Я жить, побеждая, хочу,
Но война есть война.

И если фашистская пуля
Мой путь оборвет,
Заменит отца тебе
Наша большая страна,
И сердце мое
В твоей груди оживет.

Я в трудное время
Исполню свой долг до конца.
Тебе не придется краснеть,
Вспоминая отца.

Западный фронт. 1941

* * *

Стали в августе ночи длинные, темны,
Осень в стекла стучит дождем.
Дочка шепчет: — Мама, дойдем до войны
И его домой приведем.

— Что ты, ласточка! Слышишь, как плачет
дождь!

Заплутала в дожде луна.
Разве ты его в дальних лесах найдешь?
Ночь сегодня темным-темна.

Спи, забудься, касатка! Дыши легко.
Перепутала ночь пути.
Ты совсем еще крошка. Война далеко.
И тебе до нее не дойти.

Мы в письме нарисует ручку твою,
А письмо отдадим стрижу.
Хочешь, доченька, песню тебе спою?
Хочешь, сказочку расскажу?

Глухо капли дождя по стеклу стучат.
Притаился ребенок, смолк...
— На добычу поджарых своих волчат
Вывел тощий немецкий волк.

Волк ползет по просторам твоей земли,
Хочет крови твоей добыть.

Чтобы войны наши домой пришли,
Надо злого волка убить.

Твой отец с победой вернется домой,
Приласкает дочку свою.
Ты уснула, пушистый зайчонок мой,
Баю-баюшки, баю-баю!..

Западный фронт. 1941

РАЗВЕДЧИК ПАШКОВ

Видно, был я в тот вечер в разведке плох,
Видно, хитростью был я слаб.
Заманили в засаду, взяли врасплох,
Притащили к начальству в штаб.
Парабеллум приставили мне к виску:
— Говори, подлец, не крути!
Сколько русских в лесу?
— Как в море песку!
— Сколько пушек?
— Пойди сочти! —
Тут начальник в сердцах раскрыл мне бровь,
Приказал щекотать штыком.
— Отвечай на вопросы, собачья кровь,
Не прикидывайся дураком!
В трех соснах, — говорит, — подлец, не кружись,
Отвечай, подлец, не грубя.
Скажешь правду — в награду получишь жизнь,
Утаишь — пеняй на себя... —
Если бьют тебя наотмашь, боль сильна.
Это надо, браток, понять.
Я прикинул в уме — дорога цена
И решил на себя не пенять.
Рвали руки мне раз, и другой, и пять...
Били в спину и по плечу.
Мне о том, понимаешь, жуть вспоминать.

Я о том вспоминать не хочу.
Видит главный — пытка меня не берет;
Разорвал протокол со зла.
Дали в руку лопату:
— Топай вперед!—
Повели меня из села.
Сам себе я взбивал земляную постель,
И меня торопил приклад.
Для неважных стрелков хорошая цель —
Безоружный русский солдат.
Разомкнули они над могилой кольцо.
Бить в упор — не большая честь!
Сколько вспышек ударило мне в лицо,
Я не мог, понимаешь, счесть.
Я в готовую яму упал ничком.
Под рубахой жжет горячо.
Офицер подошел, ударил носком,
Сверху пулей обжег плечо.
Я лежу, не дышу, мертвяк мертвяком.
Порешили, что амба мне.
Застучали лопаты. Глиняный ком
Холодком прошел по спине.
Закопали в могилу, ушли в село.
Тяжким грузом сдавило грудь.
Шевельну ногами, а ноги свело;
Глиной рот забит, не вздохнуть,
Задохнуться в могиле какая сласть?
Стал пытаться я судьбу-каргу.
И откуда вдруг сила во мне взялась,
До сих пор понять не могу.
Повернулся. Землю руками разгреб,
Сам себя ощупал — живой!
Под ногами холодный глиняный гроб,
Небо в звездах над головой.
Целовал я сырые комья земли,
Уползая к ребятам в лес.
В десять тридцать меня враги погребли,

А в одиннадцать я воскрес.
Отлежался я после тех похорон
И про раны свои забыл.
И опять досылал в патронник патрон,
И своих могильщиков бил.

Западный фронт. 1941

СВЯЗИСТ

Памяти комсомольца Новикова

Он линию едва срастить успел,
Когда, вплетаясь в посвист ветровой,
Чужой свинец пронзительно запел
Над низко наклоненной головой.

Осенний день был облачен и хмур.
Дрожал от взрывов подмосковный лог.
Связист зажал зубами тонкий шнур
И за сугроб, отстреливаясь, лег.

Лишь через час его в снегу нашли.
В больших глазах застыла синева.
Меж мертвых губ по проводу текли
Живой команды твердые слова.

Связист и в смерти не покинул пост,
Венчая подвигом свой бранный труд.
Он был из тех, кто, поднимаясь в рост,
Бессмертие, как города, берут.

Под Москвой. 1941

Устали... Отчаянный выпал денек!
Шесть танков спалили у склона.
На корточках сидя, заснул паренек
В землянке разведбатальона.

Снаряды кромсают чернильную тьму,
И поле снегами одето.
А парень разнежился. Снится ему
Весна, уходящая в лето.

Такая вокруг тишина и покой,
Что слышны сердец перестуки.
Идет он над Волгой, сжимая рукой
Горячие девичьи руки.

Поет соловей на медной сосне.
Туманы колышутся зыбко.
И улыбается парень во сне
Совсем не военной улыбкой.

Западный фронт. 1941

М. Слободскому, О. Верейскому

В полях ревет, по-волчьи зла,
Седой пурги труба.
Под кровлю братства нас свела
Солдатская судьба.

Морщины не сотрешь с лица,
И не солгут глаза.
Сгибала волю, жгла сердца
Железная гроза.

Но на войне как на войне:
В жестоком, злом году
Плечо к плечу, спина к спине
Встречали мы беду.

Мы все делили на троих —
Сомненья, горечь, труд,
Едва созревший в сердце стих,
Блиндажный наш уют.

Мы ночью верили в рассвет,
Встающий на крови,
Мы знали, что без гнева нет
Ни счастья, ни любви.

И в редкий час, когда вина
Добыть нам довелось,
Мы пили залпом и до дна
За ненависть, за злость.

Тяжелый путь нам веком дан,
Но песню впрок готовь,
Придет пора поднять стакан
За братство и любовь.

Под Москвой. 1941

* * *

В дыму пожаров тонет даль седая,
Широк великой битвы разворот.
Колонны танков, с флангов наседая,
Неудержимо движутся вперед.

Саперы ищут под хрустящим снегом
Чужих сапер коварные следы.
Из белой роши конница набегом
Врубается в орущие ряды.

И пехотинцы в грохоте орудий
Идут, не наклоняя головы.
Запомни их, товарищ! Эти люди
Фашистов отогнали от Москвы.

Под Москвой. 1941

* * *

Как долга эта зимняя ночь!
Ждать урочного часа невмочь.
Таает в облаке трепетный свет
Осторожных немецких ракет.

Грянет залп — и опять тишина.
А стрелкам в эту ночь не до сна.
Примыкая к винтовкам штыки,
Ждут сигнала атаки стрелки.

Хрустнул снег. Покачнулся плетень,
Промелькнула разведчика тень.
Над седой от мороза травой,
Стиснув зубы, стоит часовой.

Под Москвой. 1941

* * *

Подошла война к Подмоскovie.
Ночь в накале зарев долга.
Будто русской жертвенной кровью
До земли намокли снега.

По дорогам гремят тачанки,
Эскадроны проходят вскачь,
Приготовились к бою танки
Возле стен подмосковных дач.

Стук подков на морозе четче.
В пар укутан блиндажный лаз.
У околицы пулеметчик
С темной рощи не сводит глаз.

Будто руки окаменели,
Будто вкопан он в грунт, во рву...
Этот парень в серой шинели
Не пропустит врага в Москву...

Под Москвой. 1941

* * *

Декабрь по дорогам гонит пургу.
Немецкий мертвец лежит на снегу.
Русская мать с потемневшим лицом
Склонилась над мертвецом.
Глухо сказала, платок теребя:
— Нечем мне, парень, оплакать тебя:
Высохла слез моих горьких река —
Ты заколол моего старика.
Сын у меня единственный был —
Ты его, волчье отродье, убил...

Под Москвой. 1941

* * *

Вот бомбами разметанная гать,
Подбитых танков черная стена.
От этой гати покатила вспять
Немецкая железная волна.

Здесь втоптаны в сугробы, в целину
Стальные каски, плоские штыки.
Отсюда, в первый раз за всю войну,
Вперед, на запад, хлынули полки.

Мы в песнях для потомства сбережем
Названья тех сгоревших деревень,
Где за последним горьким рубежом
Кончалась ночь и начинался день.

Под Москвой. 1941

* * *

В громе яростных битв пролетают над нами
Беспокойные, грозные, трудные дни.
Встань, поэт, перед строем, под красное знамя
И в глаза современникам прямо взгляни.

Ты сопутствовал каждому нашему шагу.
Все мы вместе встречали тревожный рассвет.
Как отчизне на верность приносят присягу,
Присягни нам на песню, окопный поэт.

Все движенья солдатской души карауля,
Кровью сердца пиши нам про наши дела,
Чтобы песня заклатьем от боли и пули
На солдатское верное сердце легла.

Чтобы после великого часа победы
Молодые наследники нашей земли
Песнь о том, как сражались и верили деды,
Красным знаменем славы в века унесли.

*Западный фронт.
1942*

МОСКОВСКАЯ КАРТИНКА

На город, зловеще окрашенный заревом,
Срывается ярость грохочущих глыб.
А небо над ним как гигантский аквариум,

Где плавают стаи диковинных рыб.
Сирена, несчастий и бедствий пророчица,
Рычаньем к земле прибывает траву.
И бедному разуму верить не хочется,
Что это Москва не во сне — наяву.

1941

ВСТРЕЧА

Хрустит снежок морозный, жесткий,
Взбегают сосны на бугор.
Сквозь лес, минуя перекрестки,
На запад держит путь дозор.
Таятся лисы в снежных норах.
За тучей «юнкерс» воет зло.
Дозорный ловит каждый шорох,
Входя в отцовское село.
Здесь с детства все ему знакомо,
Здесь тропка каждая мила.
Был дом родной. Не стало дома;
И детства нет. И нет села.
По пепелищу вьюга рыщет.
Под серым пеплом черный сруб.
На тополе, над пепелищем,
Качается тяжелый труп.
Качается понурый, синий,
Опоры нет ему нигде.
Сжат черный рот, и белый иней
Застыл в дремучей бороде.
Как над открытою могилой,
Дозорный сгорбился, скорбя.
Он глухо шепчет: «Батя... милый...
Хороший... как они тебя...»
И, пересиливая муку,
Он гладит зипуна обшлаг,
Целуя ледяную руку,

Упрямо сжатую в кулак.
А русский снег кругом — как море.
А даль зовет: пора идти!
И он идет вперед. И горе
Тому, кто встанет на пути.

Западный фронт. 1942

СОВРЕМЕННОКИ

Мы — современники трудного века.
Путь наш начертан полетом свинца.
Мы защищаем честь человека
И беспощадны в бою до конца.

Слушайте, дальние наши потомки,
Слово вступающих с гибелью в спор.
Ночью, в порывах февральской поземки,
К мосту сползает ваш предок-сапер.

Боль обожгла его сердце простое.
Платит он времени страшной ценой.
Руки, сложившие эти устои,
В бездну свергают пролет кружевной.

Слушайте, дальние наши потомки,
Слово того, кому гибель грозит.
Наст прогибается тонкий и ломкий.
Предок-разведчик на лыжах скользит.

Миг неожиданной схватки недолог.
С ходу гранату поставив на взвод,
Он, жизнетворец, ученый-биолог,
Ткани живые осколками рвет.

Войны вести не легко и не просто,
Горько шагать по кровавой росе.

Люди обычного, среднего роста,
Мы — жизнетворцы, строители все.

Выбора нам не давала эпоха,
Силой и сталью решается спор.
Вот почему до последнего вздоха
Будет сражаться ваш предок-сапер.

Слушайте, дальние наши потомки,
Песню, которую предок поет.
К свету лицом, раздвигая потемки,
Мой современник с винтовкой встает.

В том простом и напористом малом
Скрыт неизмеренной силы запас.
Он, окрещенный огнем и металлом,
Мир отстоит для себя и для вас.

Западный фронт. 1942

СЛОВО БУДУЩЕМУ

Сталь кромсает ночную тьму,
Человечью жизнь карауля,
И никто не скажет, кому
Завтра в поле встретится пуля.

Беспокойный мы все народ.
С нами всякое может случиться.
И желаем мы наперед
Перед будущим отчитаться.

И свою судьбу и мечту
Огрубелыми голосами
Мы потомкам начистоту,
Без утайки, расскажем сами.

Нам сулили в спины ножи
Проклинающие кликуши,
Не жалели яда ханжи,
Чтобы ранить большее души,—

Все за то, что в годину бед
Мы уверовали в человека
И пошли за Лениным вслед
Против ветра старого века;

Что дорогу в кромешной мгле
Мы нащупать сами сумели;
Что о рае здесь, на земле,
Мы всерьез помыслить посмели;

Что от всех обуз и помех
Мы сердца свои расковали;
Что для общего счастья всех
Личной радостью рисковали.

Коммунизм — наша жизнь и честь.
Нам не жить при иных режимах.
Принимай нас таких, как есть,
Неуживчивых, одержимых.

Мы в бою познали себя,
Продираясь сквозь холод смерти.
Эту жизнь земную любя,
За нее деремся как черти.

С гордо поднятой головой
Мы любой ураган встречаем
И за каждый поступок свой
На земном суде отвечаем.

Тот не прячет стыдливо глаз,
Кто для жизни презрел химеры.
Ведь такой, какая у нас,
Нет прочнее и чище веры.

Западный фронт. 1942

КЛЯТВА НАД КРОВЬЮ

До полей Подмосковья от Березины
Я прошел по дорогам войны.
Много горечи жгучей на сердце легло,—
Как поднять эту тяжесть сердце могло?
Я видал, как пылали в ночи города;
Как тянулись гуртами к востоку стада;
Как смолкали над нивами птиц голоса;
Как зверье покидало родные леса;
Как в расплавленном мареве, в едкой пыли
Толпы беженцев, горем прибитых, брели;
Как в полях, осененных июльским теплом,
Смерть витала над ними холодным крылом.
Не забуду, пока я живу на земле,
Крючья черных крестов на железном крыле.
Слышал я по ночам леденящие кровь
Плач и стоны малюток у дымных костров.
Слышал я, как вплетались в гром батарей
Причитанья сраженных тоской матерей.
Детской кровью дымились пути на восток.
Как свидетелей сердца на суд позови —
Молодечно и Брест, Волковыск, Белосток,
Слоним, плававший в детской невинной крови.
Те, кто выжгли из сердца и совесть и честь,
Лили кровь из ребячьих разорванных жил.
На дорогах народного горя не счесть —
Безыменных, затерянных детских могил.
Помню — лес белорусский в полдневной красе,
Чуть трепещет под ветром кленовый листок,

На клубящемся пылью оршанском шоссе
Человечьего горя бескрайний поток,
И над плачем детей, над мычаньем коров,
Над примятой ногами пожухлой травой
Возникает моторов пугающий рев,
Посвист пуль и пронзительный бомбовый вой.
«Мессершмитты» ушли за сосновый лесок
О воем, волчьего воя лютей.
Разрывая ногтями горячий песок,
Хоронили живые убитых детей.
Подойди к матерям!

Загляни в их глаза!

Им в сверкающий солнечный полдень темно,
Не смягчит материнского горя слеза,
Если горькие слезы иссякли давно.
На дорогах войны, под немецким свинцом,
Продираясь сквозь бомбовый чад,
Поднимаются тени, на запад лицом,
Криком сердца о мщение кричат.
Если был ты на крестном народном пути,
Слышал зверя железного рык,
Никогда не забудь, никогда не прости
Этот, сердцем исторгнутый, крик.
Можно снова из пепла поднять города,
Песней радость строительства взвить,
Но убитых детей не вернуть никогда,
Раны сердца не заживить.
Слышу девочки раненой жалобный стон,
Сироты бесприютного плач.
Наша месть бесконечна, как смена времен.
Не уйдешь ты от мести, палач!
Ярость в сердце народном клокочет ключом.
Слушай воинов, родина-мать:
Мы клянемся над кровью —
Огнем и мечом
Наше будущее отстоять!

1942

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Видно, уж нам дорога такая —
Жить на земле от войны к войне.
Плещет речушка, у ног протекая,
Ласточки гнезда вьют на стене.

В золоте полдня сосен верхушки,
Солнца звящего — край непочат,
А из-за леса тяжелые пушки,
Не уставая, кричат и кричат.

Кто запретит в этот полдень кричать им?
Что им до радостной боли зерна?
Им ведь не слышно, что вешним зачатьем
Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе,—
Мы не хотим под ярмом одичать.
Ради цветенья и радости ради
Мы заставляем железо кричать.

Пусть наше время жестоко и дико,—
Вытерпи! Землю ногтями не рви.
Мы для детей из железного крика
Выплавим светлую песню любви.

Западный фронт. 1942

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Чужих указателей белые стрелы
С высоких столбов срывают бейцы.
Над пеплом сырым, по ветвям обгорелым
Тревожно снуют погорельцы-скворцы.

К знакомым местам из-за теплого моря
Они прилетели сегодня чуть свет,

А здесь — пепелища в крови и разоре,
Ни хат, ни ребят, ни скворечников нет.

Ну как это птичье бездомное горе
Отзывчивой русской душе не постичь?
Сощурясь от солнца, на вешнем просторе
Волнуется плотник — сапер-костромич.

— И людям мученье, и птицам несладко
На этих пропащих дорогах войны.
Я так полагаю, что новую хатку
Саперы срубить погорельцам должны...

Звенят топоры. Зашуршали рубанки
Над прелью пропитанной кровью земли.
Горелые доски, и старые планки,
И ржавые гвозди в работу пошли.

Червонного золота желтые пятна
Весна разбросала по плоским штыкам.
Сегодня мы плотники. Любо, приятно
Стругать эти доски рабочим рукам.

И кровля и стенки отструганы гладко.
Соленые капли набухли на лбу.
Над пеплом пожарища новая хатка
Уютно белеет на черном дубу.

Мы снова появимся в местности здешней
И дружно под теплым весенним дождем
Посадим дубы и под новый скворечник
Венцы человеческой судьбы подведем.

Западный фронт. 1942

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

На совесть отрыта землянка,
Сосновый накат в три ряда.
И хлеб, и консервная банка,
И русская злая вода.

Не скоро мы выйдем из драки
И встретимся в доме своем.
Давайте, за час до атаки,
Паек фронтовой разопьем.

По-братски в железные кружки
Сердитую воду разлей.
Со смертью в стальные игрушки
Всем вместе играть веселей.

В неистовом лязге и вое
Мы кружки осушим до дна
За сердце солдата живое,
За будущие времена.

За мужество — наше богатство,
За пушечный грозный набат,
За наше окопное братство
Прямых и упрямых ребят,

За наши рабочие руки,
За радость, за творческий труд,
За время, которому внуки
Сравнений не подберут.

Западный фронт. 1942

КЛЮЧИ К СЕРДЦУ

Привычной меркой без толку не мерьте
Все, что грозой войны потрясено.
Тому, кто ходит близко возле смерти,
На свете видеть многое дано.

Мы стали все придирчивей и резче,
Изведав треволнения войны.
Для нас теперь поступки, люди, вещи
Дрожащим светом битв освещены.

Мы видим все отчетливей и дальше
В годину потрясений и разрух.
Ревниво ловит дребезжанье фальши
В литых словах наш обостренный слух.

Когда снега багрились кровью ало,
С души солдатской, что таить греха,
Как мертвый лист по осени, опала
Красивых слов сухая шелуха.

Душа бойца взыскательно сурова,
Не ей витийству пышному внимать.
Мы стали молчаливей. С полуслова
Привыкли мы друг друга понимать.

На сквозняке больших событий стоя,
В звезду свою поверив до конца,
Лишь слово правды, честное, простое,
Готовы мы принять в свои сердца.

И если ты встаешь под наше знамя,
В дверь блиндажа уверенно стучи.
Тот, кто печаль и радость делит с нами,
К душе солдатской подберет ключи.

Западный фронт. 1942

ДРУЖБА

Ник. Тихонову

Такой уж у нас беспокойный характер —
Веселый, крутой, закаленный в грозе.
Нам любо искать на каком-нибудь тракте
Пометки опознанных сердцем друзей.

Нам любо, упрямым в исканьях и споре,
Людей узнавать по широким делам.
Нам любо солдатскую радость и горе
С героем из песни делить пополам.

Немало травы мы примяли ногами,
Большого, плечистого века сыны,
Желая скорее измерить ногами
Размах географии каждой войны.

Забыли мы мирного быта причуды,
Привыкли к огню и привыкли к свинцу.
И тихая смерть от случайной простуды
Едва ли солдатам придется к лицу.

И если найдет меня пуля у флага,
Ты выбери время — друзьям напиши,
Что прожил как надо веселый бродяга,
Доверенный честной солдатской души.

Западный фронт. 1942

ПЕСНЯ О СЛЕПОМ БАЯНИСТЕ

Посвящается Мише Попову,
слепому баянисту
воздушно-десантной бригады
имени Кирова

ЗАПЕВ

Немного в жизни надо нам.
Мы мертвым полем шли,
И в поле том нежданно
На песню набрели.

Солдатских дум избранница,
Она и здесь жива,
И здесь к ней сердце тянется,
Как к солнышку трава.

Над песней ветер крутится —
Задира и буян.
Сквозь снежную распутицу
Ее ведет баян.

Старинная, не новая,
Она цветет в груди,—
Ведь зарево багровое —
За Нарой, впереди,

Ведь снег чернеет пятнами,
А за спиной Москва...
И стали вновь понятными
Старинные слова.

Огонь метнулся и погас
В кустах между ветвей.
«Настал, настал тяжелый час
Для Родины моей».

**«Настал, настал тяжелый час
Для Родины моей.
Молитесь, женщины, за нас,
За ваших сыновей».**

**Сечет струя упрямая
По снежной целине:
«Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне».**

**Осколки падают к ногам,
А с песней ночь тепла.
Откуда ты в железный гам
К нам в гости забрела?**

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

**Шуршит свинец в несжатой ржи,
В некошеной траве.
Мы защищаем рубежи
На подступах к Москве.**

**Над речкой Нарой черный дым,
Сечет железный град.
А мы по грудь в земле сидим
И ни на шаг назад.**

**Невзрачен день, а ночь длинна,
А непогода зла.
В такую непогоду война
К нам гостя привела.**

**Пришел парнишечка чудной
В наш неуютный стан.
Тяжелый ящик за спиной,
В том ящике баян.**

Сосновой палкой впереди
Нащупывает путь.
Зовет и просит:

— Проводи
К бойцам куда-нибудь!

Я на дожде насквозь промок,
Шагая налегке.
Мой подмосковный городок
Отсель невядалеке.

Мне не держать в руках ружье —
Глаза мои темны,
Но сердце зрячее мое
Не терпит тишины.

Быть может, песенка моя
Придется ко двору!
А если надо будет, я
Со зрячими умру.

Рабочей, золотой души
Был комиссар у нас.
Сказал он писарю:
— Впиши
Товарища в приказ.

В полях, освистанных свинцом
Военных непогод,
Баян зачислен был бойцом
В стрелковый первый взвод.

С дороги тропка завилась
В блиндажную нору.
И вправду — песенка пришла
Бригаде ко двору.

Поднявшись спозаранку,
Товарищ наш слепой
Все ходит по землянкам
Натоптанной тропой.

На черный ящик сядет:
— Концертик, что ли, дам?—
Ремень к плечу приладит,
Ударит по ладам.

День гулко рвется миной,
Снарядом воеет зло,
А с песенкой старинной
Не страшно и тепло.

Средь боевого шума
Напев высок и чист...
— О чем на сердце дума,
Товарищ баянист?

— Подсядь ко мне поближе.
Про молодость свою,
Про все, что сердцем вижу,
Я песенку спою.

За прибережной кручей
Угрюмые леса.
Баян ты мой певучий,
Стальные голоса.

За прибережной кручей
Сожженные сады.
Баян ты мой певучий,
Послушные лады.

Над прибережной кручей
На ветлах воронье.
Баян ты мой певучий,
Оружие мое!

У края жизни смело
Лады баяна тронь,
И кажется — запела
Далекая гармонь.

Мила она, как вести
О дальней стороне,
Как вести о невесте,
О друге, о жене.

И кажется — в небесной
Холодной вышине
Душа летит за песней
К потерянной весне.

Та песенка простая
Понятна и близка,
И тает, отлетая,
Окопная тоска.

Тоска, как льдинка, тает,
И не страшна пурга.
Подснежник прорастает
Сквозь черные снега.

Поля росой умылись,
Ручьи светлей слюды,
И зеленью покрылись
Сожженные сады.

Играй, баян мой старый,
О солнце и весне

Над русской речкой Нарой
В железной тишине.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

Не долго до рассвета
Над лесом стыть луне.
Зеленая ракета
Сгорает в вышине.

Морозные иголки
Летят с большой сосны,
Как ломкие осколки
Разбитой тишины.

Взлетели из метели
Железные стрижи.
Землянки опустели,
Притихли блиндажи.

Огня струей багровой
Кустарник опален.
В ружье, на смерть готовый,
Поднялся батальон.

Все ближе рев и топот,
Все резче ветра свист.
На ощупь из окопа
Выходит баянист.

Сечет свинец горячий,
Над полем сталь гудет,
А он вперед, как зрячий,
Уверенно идет.

Над полем небо в звездах,
От залпов ночь глуха.

Баян глотает воздух
В просторные меха.

В снегах долины тесной,
Где берег Нары крут,
Сквозь смертный вихрь за песней
Товарищи идут.

Провыла мина волком,
Рассвет качнулся, мглист,
И, раненный осколком,
Споткнулся баянист.

Но в грохоте и вое
Та песня не умрет.
К слепцу подходят двое,
Ведут его вперед.

Как ураган на воле,
Как снежных глыб обвал,
Бушует в мертвом поле
«Интернационал».

Звенит над болью жгучей
И гонит забытье...
Баян ты мой певучий,
Оружие мое!

Западный фронт. 1942

НОЧЬ НАД ОСКОЛОМ

Над колючим, ржавым частоколом
Трассами изрезанный зенит.
Меловые скалы над Осколом
Зарево пожара кровянит.

Бригадир седобородый, древний
Говорил той душной ночью мне:
— Видишь, наши русские деревни,
Умирая, корчатся в огне.

Ты скажи мне, по какому праву —
Ради дьявола или Христа,
Мой посев, мои степные травы
Топчет чужеземная пята?

Говорят, ты в песнях наторелый.
Припади к моей высокой ржи,
Про тоску деревни погорелой
Песню для сынов моих сложи.

Чтоб коса чужая не косила
Русских трав и нашей русской ржи,
Душу, сердце, песенную силу
Ты в слова железные вложи,—

Чтоб слова той честной песни звали
За Отчизну биться до конца,
Чтоб от песни слезы застывали
Каплями смертельного свинца.

Чтоб от песни сердцу было тесно,
Чтоб гремела песня та трубой,
Чтоб за край родной под эту песню
Шли сыны мои на смертный бой.

На Осколе. 1942

ГОРОД О.

В синеву, в безоблачный простор
Город руки мертвые простер.
У подножья обгорелых труб
В прах лицом зарылся женский труп.

Город был живой еще вчера,
Слушал шелест струй и плеск весла.
На дворах играла детвора,
Липа в парке над рекой цвела.

Женщина, что вниз лицом лежит,
Просыпаясь, слышала в ночи,
Как фугаска, падая, визжит,
Как кирпич расколотый кричит.

Бросилась бежать -- и в этот миг
Смерч железный женщину настиг,
И она, перед родным крыльцом,
Мертвая упала вниз лицом.

В дымном зареве вставал рассвет.
Город был. Сегодня нет его.
Лишь на картах он оставил след —
Маленький кружок и надпись: «О».

Этот черный маленький кружок
В сердце пламя ярости зажег.
Зреньем сердца мы могли прочесть
Под кружком на карте слово — «мечь».

На Осколе. 1942

НА МЕЖЕ

У межи сожженной ночью ржи
Человек застреленный лежит.
Обгорелый синий василек
На лицо морщинистое лег.
Под волнистым облаком, в выси,
Жаворонок плачущий висит.

Человек всю жизнь не отдыхал —
Все косил, и сеял, и пахал.
Приходил сюда, в густую рожь,

Слушать ветер и колосьев дрожь.
Эту рожь он дать врагу не мог.
Он ее своей рукой поджег.

Немец у межи его настиг.
Выстрел. Стон. Короткий тихий вскрик.
Человек, подкошенный свинцом,
На траву свалился вверх лицом.
На земле, которую любил,
На которой скоротал свой век,
Спит убитый пахарь.

Это был
Работающий русский человек.

На Осколе. 1942

ДЕВОЧКА И СОЛДАТ

В небе, от зноя полдневного звонком,
Мечется рыжего пламени клочок.
Рядом с дрожащим от страха ребенком
К дубу припал запыленный стрелок.

Снизу в глаза ему жалобно глядя,
Бледные ручки сцепив на груди,
Девочка шепчет:

— Дяденька! Дядя!
Миленький, родный, не уходи.

Рокот катился по пыльной дороге,
Грозно рычал раскаленный металл.
Встал пехотинец, суровый и строгий,
Неторопливо бутылки достал.

В самую прорву растущего рева
Кинул бутылку широким броском,
Дух перевел. Огляделся. И снова
Выбросил спящего пламени ком.

Пламя вставало из облака пыли,
Плавало сталь, обжигало кусты.
Перед глазами двоились и плыли
В дымной завесе чужие кресты.

Пуля залетная взвизгнула тонко,
Ткань разрывая и кости дробя.
Раненый тихо склонился к ребенку:
— Доченька, я не уйду от тебя.

На Дону. 1942

ИЮЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Жарища жаждой глотки обожгла,
Скоробила рубахи солью пота.
По улицам притихшего села
Проходит запыленная пехота.

Вплетенные в неровный стук подков,
Шаги пехоты тяжелы и глухи.
Зажав губами кончики платков,
Стоят у тына скорбные старухи.

Стоят, скрестив на высохшей груди
Морщинистые, старческие руки.
Взгляни в глаза им. Ближе подойди.
Прислушайся к немоу крику муки,
Неотвратимый материнский взгляд
Стыдом и болью сердце ранит снова.
Он требует: «Солдат, вернись назад,
Прикрой отвагой сень родного крова!»

«Остановись, солдат!» — кричит земля
И каждый колос, ждущий обмолота...
Тяжелыми ботинками пыля,
Уходит в поле, на восток, пехота.

На Дону. 1942

ПОРА!

Сгущаются ночные тени.
Не сесть и не разжечь костра.
В душе обида поражений
Еще свежа, еще остра.

Мы слишком долго отступали
Сквозь этот черный, страшный год.
И кровь друзей, что в битвах пали,
Сердца стыдом и болью жжет.

Путем от Прута и от Буга
Нас на восток гнала гроза.
Ну как мы взглянем друг на друга?
Как глянем Родине в глаза?

На всем пути дымятся хаты,
На всех полях войны печать.
Что ж мы молчим? Ведь мы солдаты.
Нам надо кровью отвечать.

Пора! Уже в донских станицах
Враги пытаются нашу честь.
Ведь порох есть в пороховницах,
И ярость есть, и сила есть.

За то, что нам всего дороже,
За боль и горечь всех скорбей,
Рукой, не ведающей дрожи,
Ты малодушного убей.

Пора! Бестрепетно и смело
Пойдем вперед сквозь кровь и дым,
И Ленина святое дело
На поруганье не дадим.

На Дону. 1942

ГВАРДЕЙЦЫ ИДУТ В АТАКУ

Топча густую рожь и васильки,
Вдоль Дона, по некошеной траве,
Под пулями гвардейские стрелки
Идут в прорыв за танками КВ.

Идут в разрывах мин и дымной мгле,
Плечисты, коренасты и крепки,
Над пылью вынося, игла к игле,
Свои четырехгранные штыки.

В пустых станицах, выжженных дотла,
Где мертвый лист роняют тополя,
Сердца гвардейцев зноем обдала
Обугленная, горькая земля.

Им снилось ночью дымное село,
Разбитый город и горелый лес.
Подумай: как им было тяжело,
Когда они взрывали Днепрогэс!

Им было б легче встретить сто смертей,
Чем смять посевы и разрушить кров.
Среди людских страданий всех лютей
Отцовское страданье мастеров.

И потому, хотя в крови по грудь,
Хоть вплавь в стремнинах огненной реки,
К победе и бессмертной славе путь
Пробьют штыком гвардейские стрелки.

На Дону. 1942

РОССИЯ

Все, как прежде, как в древние войны:
Поселяне уходят в леса,
И звучат в деревнях беспокойных
Причитающих баб голоса.

В тайники зарывают пшеницу,
На восток угоняют стада,
Пьет и грабит, и жжет и глумится
Захлестнувшая землю орда.

Ночью зарев кровавых свеченье,
Днем по селам расправа и суд.
Упокойников вниз по теченью
Тихо русские реки несут.

Трупы стынут в молчании строгом
На пути проходящих колонн;
Россиян по разбитым дорогам
Крестоносцы уводят в полон.

Но из русского ратного стана
Стежки к стану врага не видать:
К сапогам чужеземного хана
Не приходят послы припадать.

Пусть зашли чужеземцы далече
В шири русских лесов и полей, —
Жив народ наш! От сечи до сечи
Мы становимся крепче и злей.

От обиды, утраты и боли
Не ступились ни сердце, ни меч.
С Куликова старинного поля
Веет ветер невиданных сеч.

На Дону. 1942

ПОЛЕ БОЯ

За селом трава по колено.
Дон течет, берегами сжат.
В сладком смраде смертного тлена
Вражьи трупы лежат.

Где — в Варшаве или в Париже —
Первый раз обагрил тесак
Этот, нами убитый, рыжий,
Конопатый пруссак?

Будет гнить он вот здесь, в долине,
Или раков кормить в Дону?
Пусть рыдает жена в Берлине!
Мне не жалко жену!

Стало сердце, как твердый камень,
Счет обиды моей не мал.
Я ведь этими вот руками
Трупы маленьких поднимал.

Гнев мне сердце сжигает яро.
Дай, судьба, мне веку и сил!
Я из дымной прорвы пожара
Братьев раненых выносил.

Смерть! Гони их по мертвому кругу,
Жаль их тысячью острых жал!
Я ведь этими пальцами другу
В миг кончины веки смежал.

Ненавижу я их глубоко
За часы полночной тоски
И за то, что в огне до срока
Побелели мои виски.

Ненавижу за пустошь пашен,
Где войной урожай сожжен,
За тоску и тревогу наших
Одиноких солдатских жен.
На Дону. 1942

ПОСЛЕ АТАКИ

Был этот летний день на редкость светел,
А командира уносила ночь.
Спросил он строго: — Отогнали прочь?
— Да, отогнали, — глухо полк ответил.
1942

ПРИВАЛ ПЕХОТЫ

Густого леса черная стена
Белесой дымкой осени одета.
Ночная тишина напряжена
Тревожным ожиданием рассвета.

Перед атакой беспокойным сном
Спят пехотинцы на ночном привале,
Не так ли деды под Бородином
В канун своей бессмертной славы спали?
1942

* * *

Софье Кревс

Положи мне на плечи руки
И в глаза прямее взгляни.
Если б знала ты, сколько муки
Сердце приняло в эти дни!

Не легко ходить без оглядки,
Не мигая, в огонь смотреть.
Возле губ наших горькие складки
Будет трудно стереть.

Даже если к полкам и ротам
Мир придет в окопную глушь,
Мы не скоро назад воротим
Равновесие наших душ.

Сменит вспышки ракет зарница,
Зарастут окопы травой,
А солдату все будет сниться
Рев мотора и бомбы вой.

Все же верю — пройдет война.
И над выжженными полями
Оживет убитая нами
В этот страшный год тишина.
Западный фронт. 1942

* * *

Дорога — и трепет ракет над ней.
Под утро в лесу разгорается бой.
Сегодня минуло четыреста дней,
С тех пор как война разлучила с тобой.

Я вновь испытаю судьбу поутру,
Согретый прощальным приветом твоим.
Четыреста дней на железном ветру
Мы в рост, не сгибаясь, в окопах стоим.

Стоим, несмотря на мороз и дождь,
Где нам указала место война.
Убьют — и могилу мою не найдешь:
У нас ведь такая большая страна.

Западный фронт. 1942

Полукружьем положим выгнут
 Каждой пули быстрый полет.
 Если пуля меня настигнет,
 Друг открытку тебе пришлет.

Под полночный грохот зенитки,
 Сотрясающий ветхий вокзал,
 Друг расскажет в этой открытке
 Все, что я бы тебе сказал:

Что в дыму и вязком тумане
 Я лишился последних сил;
 Что до самой смерти в кармане
 Твой портрет над сердцем носил;

Что в бою на твоём портрете
 Смертный след оставил металл;
 Что в глухую ночь в лазарете
 Друг мне письма твои читал;

Что, согретый словами твоими,
 Я затих у всех на виду;
 Что твоё короткое имя
 Называл в предсмертном бреду.

Не о смерти думают люди,
 Проходя сквозь ветер атак.
 Ну а если такое будет, —
 Будет так.

Западный фронт. 1942

Знаю — ты тоскуешь, дорогая,
 На крыльцо выходишь, ждешь меня,
 Только письма греют, помогая
 Жить надеждой завтрашнего дня.

Этих «завтра» накопилось много,
 Как дождинок в облаке седом.
 А на картах — вечная дорога,
 И разлука, и казенный дом.

Без намеков каждому понятно,
 Чем в такие дни душа жива,
 Почему все чаще в письмах пятна
 Размывают бодрые слова.

Чтоб не застили ночные тени
 Путь солдатский пуле и штыку,
 Сами приравняли мы к измене
 Усталъ и окопную тоску.

Уставать нельзя в такую пору,
 Вешать голову нельзя вдвойне.
 Да, война окончится не скоро,
 Но придет ведь и конец войне.

Вот тогда поверь счастливой карте,
 Встрече, ожидаемой давно.
 Будет это в мае или в марте,
 Разве важно? Будет все равно!

Западный фронт. 1942

От пушки на лугу косая тень.
 Над лугом ласточки скользят легко.
 Сегодня — твоего рожденья день.
 А ты за Камой где-то, далеко.

Иван-да-марья, и ромашки цвет,
 И васильки в пшенице на пути.
 Нарвать бы здесь большой-большой букет
 И к изголовью тихо принести.

Поцеловать бы руку и уйти
 Опять сюда, к истоптанным лугам.
 Да нам пока заказаны пути
 С полей войны к родимым очагам.

Жар-птица чертит не для нас круги,
 И серый волк не ждет меня в тайге.
 Солдату скороходы-сапоги
 С царевичевых ног — не по ноге.

Проснись и платье светлое надень,
 А в косу — колокольчик голубой.
 Сегодня твоего рожденья день.
 Ты не одна — душа моя с тобой.

Западный фронт. 1942

Трупы в черных канавах. Разбитая гать.
 Не об этом мечталось когда-то.
 А пришлось мне, как видишь, всю жизнь

воспевать

Неуютные будни солдата.

Луг в ромашках серебряных сказочно бел,
И высокое облако бело.
Здесь мой голос на резком ветру огрубел,
Да и сердце мое огрубело.

Ничего не поделать! Такая судьба
Привалила для нашего брата.
Оттого и робка и немного груба
Неуклюжая нежность солдата.

Но и мы ведь заявимся в отческий дом
Из землянки, холодной и тесной.
Может, сердцем тогда в тишине отойдем
И напишем веселые песни.

Западный фронт. 1942

* * *

Над умытым росой кирпичом
Клонит горькие грозди калина.
Неизвестно, о ком и о чем
На закате грустит мандолина:

То ли просто в ней звон камыша,
То ли скорбь по недавней утрате.
Все равно. Потеплела душа,
Подпевая струне на закате.

И грустя, и скорбя, и любя,
И томясь ожиданьем в разлуке,
Сердце воина слышит себя
В мимолетном серебряном звуке.

Под Ржевом. 1942

У КОСТРА

День к вечеру клонился. Чуть дрожа,
Зной обтекал сухого пепла горы.
Поодаль от пустого блиндажа
Привал разбили под стеной саперы.

Пшено варилось в черных котелках,
На дно мучнистым слоем оседая.
С трехлетним мальчуганом на руках
К ним подошла крестьянка молодая.

Огонь лизал промасленную жечь.
Косматился, играл меж котелками.
Ребенок плакал: — Мама... хлебца... есть... —
И пар ловил опухшими руками.

Мне очень трудно продолжать рассказ.
Мне сердце жгут слова ребячьи эти.
Мы все отцы. У каждого из нас
Остались дома маленькие дети.

Что б ты ни делал, где бы ты ни жил,
Их образы встают, как из тумана...
Сапер миноискатель отложил,
Сухарь и сахар вынул из кармана.

Я видел, как сапер от слез ослеп,
Когда ребенок, и смеясь и плача,
Схватив ручонками солдатский хлеб,
Его жевать, захлебываясь, начал.

Ты не забудешь никогда, солдат,
Опухшие, бессильные ручонки,
Блуждающий, совсем не детский взгляд
И синий ротик этого мальчонки.

Твой горький труд его от смерти спас,
Вернул для жизни щупленькое тело.
Тебе и мне, и каждому из нас
Страна прощать обиды не велела.

Когда фашиста встретишь за рекой,
В такой же вот блиндажной черной яме,
И ничего не будет под рукой, —
Ты в глотку вражью вцепишься зубами.

Западный фронт. 1942

* * *

Завывают по-волчьи осколки снаряда
В неуютном просторе несжатых полей,
Но, когда на минуту замрет канонада,
В небе слышен печальный крик журавлей.

Вот опять — не успели мы с летом проститься,
Как студеная осень нагрянула вдруг.
Побурели луга, и пролетная птица
Над окопами нашими тянет на юг.

На поляне белеют конские кости.
В клубах черного дыма руины видны.
Не найдете вы нынче, залетные гости,
На просторной земле островка тишины.

Под Ржевом. 1942

За окопами — серая лента реки,
 Дальше — черный выжженный город.
 Желтой жижей по каскам бегут ручейки
 И ознобом стекают за ворот.

Впору волком завывать от погоды такой
 И палить в облака из нагана.
 Только то и отрадно, что им за рекой
 Так же сыро и так же погано.

Под Ржевом 1942

НОЧЬ В СЕНТЯБРЕ

Леса пожаром осени горят,
 От северного ветра порыжев.
 За косогором сорок дней подряд
 Пылает старый русский город Ржев.

Навстречу отлетающим грачам
 Штурмовики летят из-за леска.
 Над городом, над Волгой по ночам
 Вполнеба багровеют облака.

Вот ты стоишь в окопе над рекой,
 Глядишь туда, где кровенится тьма.
 Ты здесь родился. Ты своей рукой
 Садил деревья, возводил дома.

И там, где ты в спокойный, теплый быт
 Едва впервой порог переступил,
 Сейчас огонь прожорливый бежит
 По крыше и по дереву стропил.

Там, в городском предместье, над рекой,
 Отец твой распят на кресте дорог.

Свое жилище ты своей рукой,
Как хворост на ночном костре, поджег.

Огонь бежит по черным ребрам крыш.
Дрожат ракиты в лунном серебре.
Ты злому чужеземцу не простишь
Бессонной этой ночи в сентябре.

Под Ржевом. 1942

МАТЬ

Дым костра. Сырых шинелей груды.
Неуютный наш солдатский быт.
Женщина, пришедшая «оттуда»,
По убитой дочери скорбит.

Голос — шороха лесного глуше —
Шелестит, как жухлая трава.
Болью обжигают наши души
Тихие и скорбные слова.

Будто вдруг на нас упали горы.
Будто вымер шумный наш привал.
Только кто-то скрежетом затвора
Тишину ночную разорвал.

1942

* * *

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую лямку тяну.
Черeda лихолетий текла надо мной,
От полночных пожаров красна.
Не видал я, как юность прошла стороной,

Как легла на виски седина.
И от пуль невредим и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать непомерным страданьем своим
Откупила у смерти меня.
Испытало нас время свинцом и огнем.
Стали нервы железу под стать.
Победим. И вернемся. И радость вернем.
И сумеем за все наверстать.
Неспроста к нам приходят неясные сны
Про счастливый и солнечный край.
После долгих ненастий недружной весны
Ждет и нас ослепительный май.
Под Ржевом 1942

* * *

Сторожко приникая к черным зданьям,
Проходит по руинам тишина.
Глухая к человеческим страданьям,
Плывет меж звезд холодная луна.

В воронках на ночь залегли секреты,
Саперы мост наводят на реке,
Зеленые немецкие ракеты,
Качаясь, догорают вдалеке.

Потрясены величием вселенной
И слушая беззвучный звездный хор,
Мы шепотом заводим сокровенный,
Взволнованный, сердечный разговор.

Не сетуя, не злясь на жребий лютый,
Припомнив близких, теплое жилье,
Мы верим в эти краткие минуты
И в счастье и в бессмертие свое.

Под Ржевом. 1942

На нашу долю выпал трудный век.
Железом выжжены рождений наших даты.
С пеленок привыкает человек
К своей грядущей участи солдата.

Горячий ветер войн шумит над ним.
И он сквозь время, хищное такое,
Идет, от одичания храним
Мечтой о мире, братстве и покое.

Таков удел. С железом подружись.
Созреет утро в черной прорве дыма.
Ведь мы, и умирая, славим жизнь,
А жизнь бессмертна и непобедима.

Под Ржевом. 1942

Трассой пулеметной и ракетой
Облака рассечены в ночи.
Спи ты, не ворочайся, не сетуй
И по-стариковски не ворчи.

С юности мечтали мы о мире,
О спокойном часе тишины.
А судьба подбросила четыре
Долгих, изнурительных войны.

Стало бытом и вошло в привычку —
По полету различать снаряд,
После боя, встав на перекличку,
Заполнять за друга полый ряд.

Скорбь утрат, усталость, боль разлуки,
Сердце обжигающую злость —
Все мы испытали. Только скуки
В жизни испытать не довелось.

Под Ржевом. 1942

* * *

И опять на заре померещилось мне:
В нимбах зарев ночных города,
Трупы танков и пушек... Даже во сне
От войны не уйти никуда.
Даже к самым глухим, заповедным местам,
Где незыблем покой голубой,
Эта страшная гостья, как тень, по пятам
Неотступно идет за тобой.
Помню — лег мой товарищ под старую ель,
Сенью веток от зноя храним,
И уснул, утомленный дорогой. И шмель
Зажужжал, пролетая над ним.
То ли гул самолета почудился вдруг,
То ли звонко свистящий снаряд.
Затаив в запыленных ресницах испуг,
Резко с места сорвался солдат.
Посвист бомбы, сирены пронзительный крик
Рвет наш слух наяву и во сне.
После мира не сразу солдат-фронтовик
Безмятежно уснет в тишине.

Под Ржевом. 1942

* * *

Сегодня пушки замолчали рано,
В палатке шелесты листвы слышны.
А нам не спится, как это ни странно,

От этой необычной тишины.
Жизнь наша вывернута наизнанку,
Все не попад и все наоборот.
Разбитому, заржавленному танку
Зеленый плющ заглядывает в рот.
Наш быт морским узлом завязан туго.
Страданий нам отпущено втройне.
И счастлив тот, кто чует локоть друга
В бою и в этой грозной тишине.
Придет и к нам победа, как награда
За тернии жестокого пути,
И нам с тобой к такому часу надо
Тепло в солдатском сердце пронести.

Под Ржевом. 1942

* * *

Константину Симонову

Луна висит над опаленным садом,
В ночном тумане тает синий дым,
Рассвет не скоро. Сядь на бурку рядом.
Поговорим. На звезды поглядим.

Здесь, у костра, не скрыть ночному мраку
Всей разницы повадок, вкусов, лет.
Когда я первый раз ходил в атаку,
Ты первый раз взглянул на белый свет.

Своей дорогой шел сквозь годы каждый,
Мечтая счастье общее найти.
Но буря к нам нагрянула однажды,
Слила в одну дорогу все пути.

Тем знойным летом, слыша танков топот,
Мы побратались возрастом в бою,

Помножив мой сорокалетний опыт
На твой порыв и молодость твою.

Когда пробьет урочный час расплаты,
На запад схлынет черная беда, —
В высоком званье старого солдата
Сольются наши жизни навсегда.

Испытанные пулей и снарядом,
Виски свои украсив серебром,
Мы на пиру победы сядем рядом,
Как в эту ночь сидели над костром.

Под Ржевом. 1942

ФАНТАЗИЯ

Стена артогня придавила окопы.
Для пороха рельс не прочнее соломы.
А что, если в этот вот миг телескопы
Направили с Марса на нас астрономы?

Глядят они сверху на пушки, на танки,
На рыжий огонь истребительно-жгучий,
На наши траншеи, на наши землянки
Под низкой, пронизанной вспышками тучей.

Быть может, их губы дрожат от испуга.
Им странно: зачем в городах, на дорогах
Стреляют, и жгут, и калечат друг друга
Огромные стаи разумных двуногих?

Как им рассказать, чтобы поняли разом?
Наш голос еще не окреп для ответа.
Немотствует ясный, немеркнувший разум,
Когда утонула в страданиях планета.

Мы меньше бактерий на вашем экране.
Наш стон не доходит до вас из эфира.
И вы не поймете, друзья марсиане,
Всю горечь трагедии нашего мира.

1942

ПЕРЕВЕРТНИ

Скрежеща, разрывая ткани, круша,
Вломились ночного громилы грубей.
И тогда у иных задрожала душа,
Как испуганный воробей.

Когда берлинский убийца крал
Города и пространства нашей Руси,
Они, переваливая за Урал,
Шептали: — Господи, пронеси!

Позабыв довоенные клятвы и лесть,
Эта шваль уползала с дрожью в ногах,
Предоставив солдатам высокую честь
Умирать в подмосковных снегах.

Под уютным солнцем теплых широт,
На свободе считая ослов,
Эта шваль набивала слюнявый рот
Мешаниной английских слов.

Променяв без грусти наш северный край
На манящий рай абрикосов и слив,
Эта шваль лебезила авансом: — Гуд бай!
Хау ду ю ду? Лонг лив!

Но солдаты берлинскому пошляку
Поломали череп, спесь и ребро.
Шваль, возринув, потребовала, чтоб к штыку
Приравняли ее перо.

По штабным тылам порхнув петушком,
Выше тучи взмыл беззаветный нахал,
На афиши выполз «фронтовиком»
И кричит:

— Я пахал!

Я пахал!!

Я пахал!!!

1942

КОГДА ДОЛГО ИДЕТ ДОЖДЬ

Болотная мутная ночь белобрыса.
На влажных гнилушках зеленая цвель.
Тоска, как облезлая, старая крыса,
Опять в темноте заползла за шинель.

Опять ей помучить меня захотелось.
Луну утащила с подзвездных высот,
Под влажной шинелью на теле пригрелась,
Безжалостно, медленно сердце сосет.

Крысиные зубы прогрызли аорту,
По капле из жил утекает тепло...
Да сгинь ты, проклятая, ну тебя к черту!
И без тебя на войне тяжело.

1942

* * *

Все надо пережить, все вынести
Во имя торжества родной земли.
Певец всеобщей воинской повинности,
Ты труд войны с солдатом раздели.
В степи, в лесах, в горах, в болоте гибленьком
Вкуси от будней ратного труда

И не жалея, что с Редьярдом Кипплингом
Тебя не поравняют никогда.

Не на один покров шинели скроены:
Вы люди разных статей и пород.
Твои герои — ратники и воины,
За свой очаг воюющий народ.
В своей стране, пожаром битв охваченной,
Они вершат суровый, грозный суд.
Свой труд, монетой звонкой не оплаченный,
Как знамя, наши воины несут.
Их путь чернеет селами сожженными
И трупами на снежной целине.
Они в ночах бомбежных бредят женами
И детям улыбаются во сне.
Пусть пахнут руки их родной избой еще,
Но их стопой тропа проторена
К Полтаве от Мамаева побоища
И к Сталинграду от Бородина.
Мы все вернем — и города и области,
Железный град пришельцев посетит.
Но удали, и подвигам, и доблести
У нас, у русских, свой, особый счет.

Москва. 1942

ЗАЩИТНИК СТАЛИНГРАДА

В зное заводы, дома, вокзал.
Пыль на крутом берегу.
Голос Отчизны ему сказал:
— Город не сдай врагу. —
Верный присяге русский солдат,
Он защищал Сталинград.

Гулко катился в кровавой мгле
Сотой атаки вал.

Злой и упрямый, по грудь в земле,
Насмерть солдат стоял.
Знал он, что нет дороги назад —
Он защищал Сталинград.

Сто пикировщиков выли над ним
В небе, как огненный змей,
Он не покинул окопа, храним
Верностью русской своей.
Меж обгорелых черных громад
Он защищал Сталинград.

Танк на него надвигался, рыча,
Мукой и смертью грозил.
Он, затаившись в канаве, сплеча
Танки гранатой разил.
Пулю — за пулю. Снаряд — за снаряд.
Он защищал Сталинград.

Смерть подступала к нему в упор.
Сталью хлестала тьма.
Артиллерист, пехотинец, сапер —
Он не сошел с ума.
Что ему пламя геенны, ад?..
Он защищал Сталинград.

Просто солдат, лейтенант, генерал —
Рос он в страде боевой.
Там, где в огне умирает металл,
Он проходил живой.
Сто изнурительных дней подряд
Он защищал Сталинград.

Время придет — рассеется дым,
Смолкнет военный гром.
Шапку снимая при встрече с ним,

Скажет народ о нем:
— Это железный русский солдат,
Он защищал Сталинград.

Москва. 1942

НОЧНОЙ СОБЕСЕДНИК

Бывают же такие в жизни встречи!
Перегорала полночь. Чуть дрожа,
Неверным светом освещали свечи
Неструганные стены блиндажа.
Дверь хлопала и открывалась снова.
Входили люди, и врывался пар.
В семь сорок пять стрелковый полк Орлова
По флангу немцев наносил удар.
В углу, над телефонным аппаратом,
Хрипел связист: «Ока»... «Ока»... «Ока»...
Последнее напутствие комбатам
Давал над картой командир полка:
— От хуторов ведет атаку Бочин,
Лойк и Плетнев ударят от реки. —
Был каждый слог негромкой речи точен.
Был скуп и точен каждый жест руки:
— Врываемся в окопы ровно в восемь,
Идем вперед, его тылам грозя.
Учесть — удар мы первые наносим.
Ни сдрейфить, ни замешкаться нельзя.
Раз вышел срок с фашистом по квитаться,
Так бей с расчетом, силы не дробя.
А кто душой обмякнет, может статься,
Так пусть такой пеняет на себя.
Немало враг лютовал, ребята,
Пора его как следует потрянуть... —
И встал. И обнял каждого комбата.
И всем сказал:
— По ротам! В добрый путь! —

Вот он стоит над картой и над планом.
Стан перехвачен поясом тугим.
Три золотых полоски над карманом.
Три ордена солдатских над другим.
Он говорит мне:
— От последней встречи
Воды и крови много утекло.
А мы себе, как в тот июльский вечер,
Живем, безносой спутнице назло.
А мы себе, такие, как вначале,
Хоть повидали много страшных дней,
Хоть огрубели, да не одичали,
Душой и телом сделались сильнее.
А хлопотно, скажу тебе по чести:
Война ведь все же не отцовский дом.
Давай вздремнем полчаса и вместе
Перед атакой роты обойдем. —
И лег он, улыбаясь виновато,
На полушубок возле камелька.
В углу связист хрипел у аппарата:
«Ока»... «Ока»... Ты слушаешь, «Ока»?...
И полутьма. И желтых свеч мерцанье...
И запахи оттаявшей земли.
Я не уснул... Меня воспоминанья
К далекой нашей встрече увели.

. . . . .

Глухой проселок, и пустые хатки.
Ночная тень соснового леса.
Здесь, на ночевке, я нашел остатки
Раздавленного танками полка.
В ночи бездонной, как в глубокой яме,
Дремали пехотинцы до утра.
Тяжелый, перепаханный боями,
Им снился путь от Буга до Днепра.
Им снились рощи в грохоте орудий,
Багрянец зарев в предрассветной мгле,
Им снились изувеченные люди

На черной, изувеченной земле.
И снилось им, что на окопы роты,
Как смерть неотвратима и грозна,
Вминая в грунт орудья и расчеты,
Литая надвигается стена.
Незабываем первый трепет страха
И первый трепет радости, когда
Горит, крутясь, стальная черепаха
У самой кромки твоего гнезда.
Как выбросить из памяти мгновенья,
Когда, после атаки, под горой,
Ты, как стальной осколок отделенья,
Один встаешь на перекличке в строй...
И, вкус свинца и запах рваной стали
Изведав полной мерой на войне,
Стрелки во сне зубами скрежетали,
И плакали, и мучились во сне...

. . . . .

Проверив документы для порядка,
Посомневавшись — свой или не свой,
В штабную командирскую палатку
Меня провел по стежке часовой.
При двух неярких, трепетных коптилках,
Сняв снаряжение, отцепив наган,
Лежал в пустой палатке на носилках
Седой тридцатилетний капитан.
Нетронутым валялся скудный ужин:
Консервы, сало, хлеба два куска.
От неотступных дум своих разбужен,
Встал мне навстречу командир полка.
Я вскрикнул, отступая удивленно:
— Сергей Орлов!.. Да что с тобой, родной? —
Веселым командиром батальона
Я капитана знал перед войной.
Он всем по сердцу приходился сразу —
Красавец, балагур и острослов,
Черноволосый, статный, кареглазый,

Крестьянский парень, капитан Орлов.
Как изменился он за три недели!
Какой бедой прошла над ним гроза!
Из темных впадин на меня глядели
Усталые, глубокие глаза.
Узнал меня. И твердо и упруго
Шагнул навстречу дружеской руке.
— Вот это встреча! Левая для друга,
А правая... четвертый день в лубке. —
Он улыбнулся весело и горько:
— Шарахнуло железным кирпичом... —
Обрызганная кровью гимнастерка
Топорщилась над раненым плечом.
Концом окурка снял нагар с коптилки.
— Устал с дороги? Выпьешь? Хочешь есть? —
Сел полуоборотом на носилки
И жестом пригласил на ящик сесть.
— Уж если ты сюда направил лыжи,
Здесь тишь да гладь. Ну, чем тебе Крым!
Сверни сигарку да присядь поближе.
Про жизнь и про войну поговорим. —
За лесом ночь от выстрелов кололась.
В селе вихрилось пламя над стрехой,
А я сидел, курил и слушал голос
Взволнованный, то звонкий, то глухой.
— Чудно и странно! Только три недели
Идет за нами по пятам беда.
А многие изрядно поседали.
Со многими расстались навсегда.
Нет комполка. Нет Васина, комбата.
Майор разорван бомбой на куски.
Какие были славные ребята,
Геройские, лихие мужики!
Душа горит... Хотя разуму понятно,
Что без утрат и крови нет войны,
Что просто так мы не вернем обратно
Ни равновесья душ, ни тишины,

Но мы привыкли жить, не отступая,
Мы не хотим ни шагу отступать!
Но силища железная, тупая
Нахлынула и потеснила вспять.
Земля нам больно обжигает ноги.
Стыд застывает холодом в груди.
Ведь каждый куст и камень у дороги
Кричит нам след: «Солдат, не уходи!»
Поля полны беззвучным криком этим.
Роса течет, как слезы, по штыкам.
Что мы России, Родине ответим?..
Что мы ответим нашим старикам?..
Когда пожар сливается с закатом
И враг ведет на виселицу мать,
Не подвиг — честно умереть солдатом.
Не подвиг — боль без крика принимать.
Вот ранило. А я плюю на рану.
Другая рана, в сердце, глубока.
Мутился разум. И не раз к нагану
Сама тянулась в эти дни рука.
Когда с утра кругом снаряды рвутся,
А бомбы прошивают вышину,
Так тянет все забыть и окунуться
В бездонную, как омут, тишину.
И все ж в боях и на ночевках душных,
Когда у самых ног чернел провал,
Я пулю — утешенье малодушных —
Рубить узлы своей судьбы не звал.
Мы от границы отошли за Припять,
А нынче ширь днепровская видна.
Растаял полк. Как трудно было выпить
Всю эту горечь залпом и до дна.
Сушила сердце каждая утрата —
Ведь я не из железа, не стальной.
Я командир. За каждого солдата
Мне отвечать перед моей страной.
Мы на реке не удержали брода.

От города с боями отошли.
Я командир. Перед судом народа
Мне отвечать за каждый клочок земли.
Вот и не сплю под этим шатким кровом,
Жду не дождусь, когда придет рассвет.
Кто прояснит мой разум мудрым словом?
Кто выслушает, спросит, даст совет?
Что взять себе для разума опорой,
Когда кругом сумятица везде?
Кто даст совет решительный и скорый?
Как голову не потерять в беде?
Но враг не ждет. Он тут вот, рядом, близко.
Запомни это. Камень сбрось с души.
Прими на совесть всю опасность риска,
Как поступить — за всех один реши.
Мы ночью с комиссаром бой обсудим,
А утром, снова сильный и живой,
Я из палатки твердо выйду к людям,
К семье своей солдатской, боевой.
Я загляну в глаза им ясным взглядом.
Я им скажу, как отрублю клинком,
Что немец здесь, за переправой, рядом;
Что вражьи танки рыщут за леском;
Что вражья сила прет железным строем,
А от полка уже осталась треть;
Что лучше в схватке умереть героем,
Чем холуем немецким умереть;
Что словом ласки Родина готова
Нас поддержать в тяжелый этот час...
И все бойцы поймут меня с полслова
И, стиснув зубы, выполняют приказ.
Вот так живем... —

Раздумчиво-спокоен

И к тридцати годам белоголов,
Навстречу дню поднялся русский воин,
Простой пехотный капитан Орлов.
Рассвет ударил по дубам картечью.

Танк протаранил утренний туман.
Сложив планшет, судьбе своей навстречу
Пошел широким шагом капитан.

1941—1943

РОДИНА

Осинник зябкий, да речушка узкая,
Да синий бор, да желтые поля.
Ты всех милее, всех дороже, русская,
Суглинистая, жесткая земля.

Деревни за березами и елками.
В асфальте и бетоне города.
И глушь, где стародавними проселками
В веках прошла монгольская орда.

Не оранная дедовскими сохами,
В чертополохе диких пустырей
Лежала ты, овеечная вздохами,
Омытая слезами матерей.

Пылало небо дымными закатами,
Горели села русские в ночи:
Псы-рыцари, сверкающие латами,
В крови купали копыта и мечи.

Холодный пепел стыл над крутоярами,
И оглушал наемных сабель звон.
Тебя пытали кровью и пожарами
И швед, и шляхтич, и Наполеон.

За данью, за поборами богатыми
На Русь дружины жадные вели,
Увенчанные шлемами пернатыми,
Магистры, полководцы, короли.

Где слава их? Где гордость их надменная,
Орел на шлеме, сокол на щите?
А ты жива, бессмертная, нетленная,
Загадочная в мудрой простоте.

А ты лежишь, бескрайняя пределами,
Ковры своих просторных нив стеля,
Сынами возвеличенная смелыми,
Родная сердцу, русская земля.

Над славными курганами старинными
Мы взвили к небу красный флаг труда.
Течение рек умили плотинами,
В лесной глуши воздвигли города.

И вот опять струится дым по пажитям,
Свинцом освистан мирных нив простор.
Добром твоим, в трудах безмерных нажитым,
Утробу жадно набивает вор.

Потопан лог железными копытами.
Лес притаился. Птичий гомон смолк.
И над твоими ранами открытыми
Склонился Гитлер, как голодный волк.

И заросли поля чертополохами.
И дик простор горелых пустырей.
И ты лежишь, овевая вздохами
Солдатских жен и скорбных матерей.

Над головнями влажными и черными,
Как наша кровь, краснеют кирпичи.
Но кузнецы, склоненные над горнами,
Уже куют победные мечи.

Уж по земле, во власть пожара отданной,
Заветам славы дедовской верны,

На ратный подвиг посланные Родиной,
Твоих врагов теснят твои сыны.

Их ждут осинник и речушка узкая,
И синий бор, и желтые поля.
Ты им дороже жизни, радость русская,
Суглинистая, жесткая земля.

Пока сверкает звездами вселенная
И солнце не померкнет в высоте,
Ты будешь жить, бессмертная, нетленная,
Загадочная в мудрой простоте.

Москва. 1943

НА ПРИВАЛЕ

Росная вечерняя прохлада.
Молодые сосны при пути.
Как немного человеку надо —
Сбросить скатку, дух перевести,
Снять ботинки, размотать портянки,
Развязать засаленный кисет...
Кажется, что на земле полянки
Краше и уютней этой нет.
Кажется, что полной горстью милость
Людам щедро раздает весна;
Что тебе попритчилась, приснилась
Злая, пустоглазая война;
Что земля и травы пахнут домом
И соленой свежестью морей.
Добродушным, уходящим громом
Кажутся раскаты батарей.
Ветровые синие просторы
Все бы ты душой своей впитал.
...Не вини товарища, который
При пути портянки размотал.

Помнит он, что этих зорь алее
Кровь на узких листьях камыша.
Не размякнет, только станет злее
Верная солдатская душа.

1943

НА РОССИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

На российской земле, у слияния рек,
Где отец поднимался в атаку в двадцатом,
Сжав гранату, в траншее стоит человек.
Человека того называют солдатом.

Над солдатом беснуется рваная сталь.
Третий год оглушает его канонада.
А солдатское сердце, как хрупкий хрусталь, —
Чтоб разбить его, много металла не надо.

Лаской, Родина, душу его охрани,
Чтоб тоска негасимый огонь не украла.
У солдатской души нет уральской брони,
Ни кольчуги, ни рыцарских лат, ни забрала.

1943

* * *

Сверля туннели по сугробам талым,
Ручьи, звеня, стремятся в лоно рек.
А при пути, измученный металлом,
Как свечка, догорает человек.

Его убийц тесня и настигая,
За горизонт товарищи ушли.
Слепит глаза голубизна нагая,
Тревожит запах тающей земли.

Кровь застывает, по виску стекая,
Взгляд застывает дымка полусна.
И зреет бред... Так вот она какая,
Последняя, двадцатая весна.

До тех, что скрылись за горбом пригорка,
Не докричишься, сколько ни кричи.
Баюкает ручьев скороговорка,
Картавят рядом черные грачи.

И весь в свеченье небосвод высокий.
И степь под снегом празднично светла.
Ты слышишь? — В травах оживают соки
От каждой капли твоего тепла.

Под Белгородом. 1943

* * *

Снег в накрапе кровавой росы,
Пулеметной метелью иссеченный.
Бродят сонные, толстые псы,
Обожравшиеся человечиною.

Вверх прикладом маячит ружье.
По пригорку окопы уступами.
Черной тучей висит воронье
Над промерзлыми, желтыми трупами.

У подножий степных ветряков,
На курганах, насыпанных дедами,
Гренадеры немецких полков
Полегли впережку с гонведами.

Мимо них, торопя лошадей,
Вслед за теми, за самыми первыми,
Мы идем с равнодушьем людей,
Притерпевшихся сердцем и нервами.

В приоскольской степи ветровой
Мы идем, о домашнем калякая.
Эка невидаль! Нам не впервой.
Мы солдаты. Мы видели всякое.

На Осколе. 1943

ВЗГЛЯД ВПЕРЕД

Савве Голованивскому

Под старость, на закате темном,
Когда сгустится будней тень,
Мы с нежностью особой вспомним
Наш нынешний солдатский день.
И все, что кажется унылым,
Перевалив через года,
Родным и невозвратно милым
Нам вдруг представится тогда.
Странички желтые листая,
Мы с грустью вспомним о былом.
Забывших чувств и мыслей стая
Нас осенит своим крылом.
Перележав на полках сроки
И свежесть потеряв давно,
Нас опьянят простые строки,
Как многолетнее вино.

Белгород. 1943

И БУДЕТ ТАК

Когда умолкнут пулеметы,
Наступит мир в миру честном.
Артиллерийские налеты
Покажутся далеким сном.

И, слушая рассказ солдата,
Раскрыв от удивленья рот,
Тайком подумают ребята:
«Вот старичина!

Лихо врет!»

Белгород. 1943

* * *

При орудийной перебранке,
В неверных отблесках костра,
Солдат ложится спать в землянке
С мечтой: «Дожить бы до утра!»

А поутру, в четыре тридцать,
Порвав ночных видений нить,
Мечтает: как бы ухитриться
С утра до вечера прожить.

Скрипит ноябрьский первопуток.
Весна шумит во всей красе.
А люди по ступеням суток
Бегут, как белки в колесе.

Так сутки к суткам. Понемногу
Они привыкли ко всему.
Но им не позабыть дорогу
К родному дому своему.

Не все ль равно — село, станица,
Хлеба, сугробов целина?
Уснет солдат — ему приснится
Дом над прудом, в доме жена.

И знает он, что сны такие
Ему не раз видать в пути.
Ведь через Минск, Смоленск и Киев
Придется нам домой идти.

Харьков. 1943

* * *

Незрячие глаза остекленели.
И, как густое терпкое вино,
На старенькой заношенной шинели
Расплеснуто багряное пятно.

Теперь штыку о котелок не брякать —
Штык и винтовка старшине сданы.
Предсмертной мукой руки вмяты в мякоть
Земли, набухшей соками весны.

Земля родная легкой сенью клена
Накрыла тело бренное твое.
Своей солдатской кровью из полона
Ты в это утро выкупил ее.

1943

* * *

Мост. Подъем. И с крутого взгорья
Вид на выжженное село.
Зачерпнули мы злого горя,
Сколько сердце вместить могло.

Мы в походе не спим недели,
Извелись от гнилой воды;
Наши волосы поседели
От своей и чужой беды.

Мы идем, врагов настигая
На развалинах городов.
Ширь отбитых полей нагая
Нам дороже райских садов.

Будет нами прожит и выжит
Этот третий, жестокий год,
Нашу нежность злоба не выжжет,
Если в сердце любовь живет.

Брянское направление. 1943

* * *

В косом дожде по косогорам
Сквозит полей осенних грусть.
В грозе и буре шагом скорым
Идет карающая Русь.

Идет, гневна и непреклонна.
Тяжелый меч ее остер.
Ярмо немецкого полона
Она собьет с родных сестер.

Уже раскована равнина
На юг и запад от Кремля.
Жди и надейся, Украина!
Жди, белорусская земля!

Не век врагам глумиться лютю.
Дни чужеземцев сочтены.
С Днепра нам виден берег Прута
И плесы Немана видны.

Брянское направление. 1943

Под вечер в гестапо ее привели.
 Прикладами били сначала.
 Стояла она чернее земли,
 Как каменная, молчала.
 Когда ей руки стали ломать
 На исходе бессонной ночи,
 Плюнула партизанская мать
 Немцу в бесстыжие очи.
 Сказала

(были остры, как нож,
 Глухие ее слова):
 — Труд твой напрасный. Меня убьешь —
 Россия будет жива.
 Россия тысячу лет жила,
 Множила племя свое.
 Сила твоя, ледащий, мала,
 Чтобы убить ее...

Москва. 1943

БЕЛОРУССИЯ

1

Это в память зарублено на века:
 Днепр-река,
 Сож-река,
 Припять-река
 И лесная Березина.
 А вода, как злая полынь, горька,
 Как людская слеза солона.
 На дорожных присадах трупы висят
 Пепел — мертвых рук холодней.
 День за днем,
 День за днем,

Восемьсот пятьдесят
Нестерпимых, жестоких дней.
День за днем,
День за днем —
Без конца.
Каждый день — тяжелей свинца.
Из суглинка бьют кровавые ключи.
Красный дым застлал небосклон.
А бездомный ветер поет в ночи
Про немецкий полон.
Восемьсот пятьдесят ночей и дней
Кровь отцов и слезы сирот.
Есть ли мера великой муке твоей,
Белорусский народ?

2

Перед ними знамена склонят века.
Днепр-река,
Сож-река,
Припять-река
И лесная Березина.
А вода, как мстящее пламя, жарка,
Как разящая сталь холодна.
Скат высокой, желтой насыпи гол.
Глаз прожектора. Стук колес.
Но кричит разрывающий рельсы тол,
Под откос летит паровоз.
Над лесным большаком в ночной синеве —
Запоздалой ракеты свет.
И лежат в траве,
Голова к голове,
Те, которым прощенья нет.
По дремучим пущам, по диким местам,
Где туман и трава дурман,
За немецким волком, как тень, по пятам,
Невидимкой идет партизан.

Восемьсот пятьдесят ночей и дней,
Реки — вплавь, а болота — вброд.
Есть ли мера ярости правой твоей,
Белорусский народ?

3

Эта осень легендой уйдет в века.
Днепр-река,
Сож-река,
Припять-река
И лесная Березина.
А вода, как резкие грани штыка,
От немецкой крови красна.
По-над Сожем-рекой и рекой Днепром,
По-над Припятью и Березиной —
Артиллерии нашей железный гром,
Наших танков галоп стальной.
Это ярость идет с пехотинцем в ряд
И зовет и торопит вперед —
За разбитый дом, за убитый сад
Покарать ненавистный сброд.
Через Днепр, через Припять летит снаряд,
Настигает, разит врага.
На лесистых угорьях костры горят,
Под ногами гудят луга.
Дождалось Полесье добрых вестей.
Звонок первый декабрьский лед.
С первопутком встречай дорогих гостей,
Белорусский народ!

Западный фронт. 1943

Войны имеют концы и начала...
Снова мы здесь, на великой реке.
Села в разоре. Земля одичала.
Серые мыши шуршат в сорняке.

Мертвый старик в лопухах под забором.
Трупик ребенка придавлен доской...
Всем нас пытали — и голодом и мором,
Жгучим стыдом и холодной тоской.

В битвах пропитаны наши шинели
Запахом крови и дымом костра.
В зной наши души не раз леденели,
В стужу сердца обжигала жара.

Шли мы в атаку по острым камням,
Зарева нас вырывали из тьмы.
Впору поднять десяти поколениям
Тяжесть, которую поднимали мы.

Ветер гуляет по киевским кручам,
И по дорогам, размытым дождем,
Наперекор нависающим тучам
Мы за весной и за солнцем идем.

Только бы буря возмездья крепчала,
Гневом сильней обжигала сердца!
В красном дыму затерялись начала,
Трубам победы греметь у конца.

Москва. Ноябрь. 1943

РОЖДЕНИЕ СОЛДАТА

Пали сумерки. Бой утих.
Ты пришел отдохнуть в блиндаж.
Я читаю в глазах твоих
То, что в песне не передашь.

Что слова? Пустоцвет и тлен.
Тесно в песне судьбе живой.
Ты сегодня у пункта Эн
Был огнем окрещен впервой.

Лог дрожал от разрывов бомб.
Нарастал орудийный шквал.
Будто кто-то железным лбом
Толщину земли пробивал.

Сто снарядов ложились в ряд,
Перекрытья в щепы дробя,
И казалось — каждый снаряд
Непреренно ищет тебя.

И когда ты в жару продрог,
Стер холодных капель накрап,
Бой наполнил широкий лог
Лязгом ржавых танковых лап.

На тебя, по пеплу лачуг,
По развалинам блиндажа,
Как огромный навозный жук,
Черный танк напелзал, жужжа.

Будет помниться до седин,
Как в разбитом гнезде своем
Ты стоял перед ним один
С неуклюжим длинным ружьем.

Как с кинжалом врага кинжал,
Ты со смертью скрестил свой взгляд.
Пальцем твердо на спуск нажал,
Такт отдачи отбил приклад.

В синей дымке увидел ты,
Как металл умирал в огне,
Как белели в чаду кресты
На горячей черной броне.

Ты стрелял и стрелял опять
Из окопа, из-за бугров.
И они повернули вспять
И, слепые, сползали в ров.

И тогда ты поднялся в рост.
Вслед за ними бежал, крича.
Подожженный снарядом мост
Над ручьем пылал, как свеча.

От разрывов воздух стонал.
Шквал свинца шумел над тобой.
Ты про все позабыл. Ты знал,
Что сегодня выиграл бой.

Вечер солнце свалил в кусты,
По ярам туман разметал.
В этот миг почувствовал ты,
Что оглох и страшно устал.

Обессилен, голоден, тих,
Ты, шатаясь, вошел в блиндаж.
И прочел я в глазах твоих
То, что в песне не передашь.

1943

СОЛДАТ

Стирая рукавом
Со лба густую кровь,
Перед бойницей вражеского дота,
Укрыт глубоким рвом,
Он целится и вновь
Сечет разящей строчкой пулемета.

Взрывается снаряд,
Земля летит вразброс,
Осколки рвут бугры промерзлых кочек,
А пули все летят,
Как будто в землю врос
Ожесточенный боем пулеметчик.

Смешался с кровью пот
Солдатского труда.
Несутся с лязгом танки по полянке.
Метелица метет,
И красная звезда
Мерцает на заснеженной ушанке.

И динамит, и тол,
И воющий металл,
И злая лихорадка автомата...
Он в этот ад вошел,
Он в пламени познал
Свой трудный долг пехотного солдата.

Ведя за годом год
Жестокую борьбу,
Он, в громе исполинских наступлений,
На сотни лет вперед
Устраивал судьбу
Рожденных и грядущих поколений.

Для радости труда
Отвагою храним,
Он Родине несет победы дар чудесный.
Душа моя горда,
Что жил я рядом с ним,
Что помогал ему своей солдатской песней.

1943

СЕВАСТОПОЛЬЦЫ

«Вахт ам Райн» внизу гнусит гармошка.
Темень. Тень немецкого штыка.
В полночь старый черноморец Кошка
Будит краснофлотца Шевчука.

И идут они от Инкермана,
Сквозь потемки мертвой тишины,
До высот Малахова кургана,
Мимо Корабельной стороны.

Часовым глаза слепят туманы.
Что-то там мелькнуло впереди?
То ли тени, то ли партизаны —
В темноте попробуй разгляди.

Шорох. Всплеск. И тело неживое
Принимает ржавая вода.
Вдоль причала в ночь уходят двое,
Не оставив на камнях следа...

На скалу карабкаются ловко,
Раздирают заросль камыша,
Гулкая старинная кремневка
Вторит автомату ППШа.

...Смерть из глаз орлиных свет украла.
В темном склепе не видать ни зги.

Слушают четыре адмирала
Легкие матросские шаги.

И сказал Нахимов Пал Степаныч,
Славный севастопольский орел:
— Это Кошка, адмиралы, на ночь
На охоту правнука повел.

Ужас на пришельцев навевая,
Воздухом бессмертия дыша,
Ходит по развалинам живая,
Гневная матросская душа.

Чует сердце — скоро дрогнут скалы
От стального крика батарей.
Мы еще услышим, адмиралы,
В бухтах грохот русских якорей...

Звездный мир над бухтами огромен.
Штык качнулся и упал во тьму.
Лазарев, Корнилов и Истомин
Отвечают другу:
— Быть тому!

Москва. 1943

ЖИЗНЬ И МЕЧТА

Умолкнет гром, пройдут года,
Мы постареем вдвое, втрое,
И будет сложена тогда
Легенда-сказка о герое.

Как шел он, не жалея сил,
Против жестокого теченья
И в смертный час произносил
Высокопарные реченья,

Как предавался он мечте
В ночи, перед кровавой сшибкой...
Мы будем слушать сказки те
С веселой старческой улыбкой.

Ведь мы к героям тех годин
В землянки запросто входили,
И ели с ними хлеб один,
И из одной баклажки пили.

Без нимба светлого на лбу,
Глотая пыль, топча порошу,
Они несли свою судьбу,
Как кирпичей тяжелых ношу.

Таскали сумки на горбах,
Со смертью в прятки не играли,
И с грубым словом на губах,
Когда случалось, умирали.

Их явь и их ночные сны
Цвели цитатами едва ли.
А вот судьбу своей страны
Они в обиду не давали.

Пусть их прикрасят — не беда.
Воображение любит мощи.
Ведь человечья жизнь всегда
Была грязней, святей и проще.

Харьков. 1943

УТРО В ОКОПЕ

Когда по окопам прошла перекличка,
Когда мы за чаем беседу вели,
Порхнула хохлатая, серая птичка
Над кромкой ничьей, одичалой земли.

На ближней раките листву колыхнула,
И отзвуком прежних, спокойных времен
Над полем, оглохшим от грома и гула,
Рассыпался тихий, серебряный звон.

Просторно вдохнули солдатские груди
Весеннего воздуха влажную прель.
Сердцами и слухом окопные люди
Ловили нежданную, чистую трель.

И самый старейший из нашего круга
Сказал, завивая махорочный дым:
— Вот, тоже, не бог весть какая пичуга,
А как заливается! Рада своим.

Москва. 1943

ГЛОТОК ВОДЫ

До чего же бывает речная вода хороша,
Если пить ее в полдень большими глотками из каски.
Отлетает усталость. Теплеет живая душа,
Как в недавнее время теплела от девичьей ласки.

А когда ту реку называют, к примеру, Днепром,
И снаряды у борта ложатся все чаще и чаще,
И двенадцатый «юнкерс» заходит в пике на паром,—
Вам водица покажется меда пчелиного слаще.

Мы сотрем рукавами холодного пота следы,
Вспомним прошлое лето — и Волгу, и Маныч, и Терек,
И, хмелея от ветра и чистой днепровской воды,
Ураганом атаки сорвемся с парома на берег.

1943

ТОВАРИЩ

Мать над ним не склонилась, чтоб веки
смежить,—

Так и смотрит, мертвый, во тьму.
А ему бы, веселому, жить да жить.
Умирать бы ему к чему?

На стволе пулемета лежит ладонь.
И ладонь холодней ствола.
Встать ему бы, кудрявому, взять гармонь
И вести девчат вдоль села.

Просыпаться бы парню ни свет ни заря,
Плыть, рукой рассекая рябь,
Молотить бы в погожий день сентября,
Чернозем бы пахать под зябь...

Но война нас накрыла дымным крылом,
А свинец несговорчив, лют.
Мы зароем солдата здесь, за селом,
Отдадим прощальный салют.

И пойдем, на заре, по обломкам шпал,
Через речку вброд, через гать,
Чтоб за каждого, кто за Россию пал,
Десять вражеских жизней взять.

Москва. 1943

ПЕСНЬ О СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

За пустой околицей,
За Донец-рекой
Вздрагнет и расколется
Полевой покой.

Неоглядно поле то
За седой межой,
Жаркой кровью полито
Нашей и чужой.

Далеко от поля-то
До Буран-села.
А над кровью пролитой
Черный дым и мгла.

В дали затуманенной
Как узнать о том,
Что лежу я, раненный,
В поле под кустом?

Что меня жестокая
Тянет боль во тьму?
Милая! Далекая!
Жутко одному.

Под бинтом-тряпицею
Голова в огне.
Обернись ты птицею,
Прилети ко мне.

Наклонись, прилежная,
Веки мне смежи,
Спой мне песню прежнюю,
Сказку расскажи:

Про цветочек аленький,
Про разрыв-траву,
Будто вновь я, маленький,
На земле живу...

То ли шелест колоса,
Трепет ветерка,

То ли гладит волосы
Теплая рука.

И не чую жара я.
И не ранен я.
Седенькая, старая,
Светлая моя!

Москва. 1943

ПОДРУГЕ ВОИНА

К чему рыдания, жалобы и пени?
Смири себя и думай о другом.
Да! Никогда не проскрипят ступени
Под кованым солдатским сапогом.

Да! Никогда сквозь снеговую замять
Не проблеснут любимых глаз огни.
Его письмо последнее, как память
О невозвратном счастье, сохрани.

Утерян счет утратам и разлукам.
Прожорлива голодная война.
Быть может, к нашим сыновьям и внукам
Придут любовь, и мир, и тишина.

Мы верим и надеемся... А ныне,
Наперекор всевластию свинца,
Ты сохрани в своем малютке сыне
Солдатское бессмертие отца.

Белгород. 1943

ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ,

ИЛИ КРАТКИЙ ОТЧЕТ ОБ ОЧЕРЕДНОЙ КОМАНДИРОВКЕ
ВАШЕГО СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Д. Вадимову Оргенбергу

1

Зимой это было как-то,
На третьем году войны.
Дремал генерал-редактор,
Смотрел батальные сны.
Он видел: летят тачанки
В разливе дымных долин;
На страшной скорости танки
Таранят ночной Берлин;
Фонтанят землю разрывы,
Всю ярость тола собрав;
В штабном блиндаже торопливо
Стучит, стучит телеграф.
А сам он, рыча медведем,
Девиц доводя до слез,
В газете штатским соседям
Опять утирает нос.
Пусть срезан спецкор снарядам,
И «газик» смят, как ведро,
Но очерк заверстан рядом
Со сводкой Информбюро.
Ночь вправо сдвинулась малость,
А слева зардел рассвет.
И вдруг ему показалось —
Спецкора на месте нет!
И в свете этого факта,
В тоске, в холодном поту,
Проснулся герой-редактор
На славном своем посту.
Девиц телефонных юбки
Пошли коридоры месть.

И вскоре голос из трубки
Уныло проямлил:— Есть!—
Звонком выбивая такты
(Так здесь повелось всегда),
Пошел генерал-редактор
Спецкору «давать дрозда».
Пускай тогда до Берлина
Был путь далек и тернист,
К Валуйкам был мощно двинут
Разбуженный журналист.
Был лих измышлять заданья
Редактор тот, супостат...
Вот в сумке шуршит предписание,
И литер, и аттестат.
Мчит «газик», и снег летучий
Вбивается в жесткий тент.
На «утке» ныряет в тучи
Ваш собственный корреспондент.
Пробив черту горизонта,
«Пробрив» овраги и лес,
В районе Н-ского фронта
Он сваливается с небес.

2

Болтая и споря яро,
Укутана в дым и шум,
Пасется в штабе отара
Властителей наших дум.
Ведут дебаты и споры
И в завтраки и в обед
Скучающие собкоры
Всех агентств и всех газет.
В АХО добывают водку
И ссорятся из-за пайка,
А вечером шиплют сводку,
Как жирного индюка.

По ветру настроив лютни,
В сироп макают перо
Собкоры из ТАСС и трутни
Из улья Информбюро.
Зовутся фронтовиками
Вдали от солдатских дел.
У них всегда под руками
Оперативный отдел.
На фронт? Извиняюсь! Боком!
Им дорог штабной уют,
А там, гляди, ненароком
Подранят или убьют.
В Москве же приладят каски
К свинцовым своим башкам
И будут рассказывать сказки
Доверчивым чудакам.
Куриным мозгам наседок
От басен их не урон.
За них не краснеет предок,
Один брехунец барон.
От этой дешевой фальши,
Как от зачета студент,
Пугливо бежит подальше
Ваш собственный корреспондент.
Он птахой порхнул с порога,
Над ним небосвод, как зонт.
От штаба ведет дорога
Туда — на войну, на фронт.

3

Мороз и ветряка жесткий.
В студеный февральский день
На фронтовом перекрестке
Маячит бледная тень;
Тоской и стужей томима,
Стоит с поднятой рукой.

Но мимо, мимо и мимо
Текут машины рекой.
Полуторки, ЗИСы, «доджи» —
Мечта и счастье твое!
Хоть в кузов бы сесть. Так вот же
Водители все — зверье,
Язвительно скалят зубы:
— С дороги прочь, баламут!—
Ругаются очень грубо
И резко на скорость жмут,
Как будто их в тартар гонит
Взбесившаяся судьба.
Их черствых сердец не тронут
Ни «шпалы» твои, ни мольба.
Рвет стужа тело на части.
В поземке степной простор.
Но вот у ЗИСа, на счастье,
Чихнул и заглох мотор.
На кучу всяческих грузов,
Тюков, газет, кинолент,
Корягой валится в кузов
Ваш собственный корреспондент.
Шофер за баранкой снова,
Считай себя ныне ты
Счастливее М...
Удачливее В...

4

Метели на белом свете
Степного волка лютей,
Колючий, зубастый ветер
Прохватывает до костей.
Развилки. Вешки. Кюветы.
Бензиновый едкий чад.
А зубы, как кастаньеты,
Стучат себе да стучат.

Все члены ветру открыты,
Смерзаясь, пальцы нудят.
А чертовы «мессершмитты»
Гудят себе да гудят.
Шатаются, будь им пусто!
И так уж волчий уют...
То пару снарядов пустят,
То очередью польют.
Червяк, прицельная точка,
Ныряй в канаву, в овраг!
А тут еще эта бочка,
Проклятый внутренний враг!
Привычная к жутким играм,
Безжалостная в борьбе,
Она через кузов тигром
Подкрадывается к тебе,
То мелкой трусцой, то рысью —
Попробуй уйди, дружок!—
То вдруг, невзначай, по-рысьи
Метнет из угла прыжок.
Борясь со зверьем ребристым,
На ловкость выбрав патент,
Становится эквилибристом
Ваш собственный корреспондент.
Когда ты в неравном споре
Душой и телом ослаб,
Мелькнет, как маяк, на взгорье
Желанный армейский штаб...

5

С гусиным крапом на теле
От каторжного пути
Мечтаешь в политотделе
Приют и уют найти.
Но ты новичок. Профан ты.
Привыкни жить не спеша.

Пока найдешь коменданта,
Примерзнет к ребрам душа.
Он тянет вино из фляжки,
В поджарку упрятав нос.
Мусолит твои бумажки,
Лениво ведет допрос.
Утрет слюнявые губы,
Пыхнет дымком и потом,
Рыгнув перегаром грубо,
Пространство проткнет перстом.
И ты, ругаясь по-русски,
Послав его в те места,
Бежишь по селу впритруску
По азимуту перста.
Уж больше не ждешь ты чуда,
Не веришь, что мир хорош.
Сто изб обойдешь, покуда
Начальство свое найдешь.
«Смирись ты, судьба тупая,
Окончен страданиям срок!»—
Ты думаешь, переступая
Заветной избы порог.
Но тут встает величавый
(Лихач, сердцеед и франт!),
Умытый, побритый, прыщавый
Начальничий адъютант.
От власти своей в восторге,
Он басом на всех орет.
Начпроды и военторги
Суют ему яства в рот.
Хоть все ордена и медали
Звонят на твоей груди,
Смирись и к прыщавой швали
Почтительно подойди.
Снеси униженья молча,
Лизни в подходящий момент,
С волками воет по-волчьи

Ваш собственный корреспондент.
Что стал, от стыда сгорая?
Ломать себя нелегко?
Привыкнешь, дружок, до рая
Еще шагать далеко...

6

Пропел я это начало
(Быль молодцу не укор!),
И вроде как полегчало
На сердце моем с тех пор,
И вроде как оборвалась
Моей жестокости нить,
Хотя бы и полагалось
Еще кой-кого казнить.
Предчувствую я заране —
Блюстители скажут мне:
«Как смел ты о всякой дряни
Писать на святой войне?
На место баталий дивных,
Как смел ты, жалкая тварь,
Воздвигнуть свалку противных,
Похожих на маски харь?»
Обстрелян вопросов градом,
Отвечу я, не таясь:
«Нередко с доблестью рядом
Гнездятся плесень и грязь.
Святое мы не порочим,
Но нам ли таить грехи?
А о святом, между прочим,
Писали и мы стихи.
Что в нашей жизни отлично
И дряни какой процент —
Об этом знает прилично
Ваш собственный корреспондент.
Кто песне своей заранее

Лишь доблесть дает в удел,
Тот сам расчищает дряни
Дорогу для грязных дел».

1943

ПИСЬМО

С. К.

Пишу тебе издалека,
Из маленького городка,
Где подо льдом течет Донец,
Где в камышах шуршит свинец,
Где зло ревут на берегу
Орудий длинные стволы,
Где пятна крови на снегу,
Когда коснешься их, теплы.
Гул канонады, как прибой,
Дымок разрыва, как цветок.
И между мною и тобой
Не километры на восток,
А эта кровь и этот бой.
На мертвом дереве листок
Пробит неистовством свинца.
Как быть нам со своей судьбой?
Как через огненный поток
Живыми пронести сердца?

1943

НАДПИСЬ НА КНИГЕ «ТРИ ТЕТРАДИ»

Еще не кончена война,
Еще сердца разлукой раним,
И все ж в иные времена
Давай, назло войне, заглянем.

За гранью будущих годов
Давай найдем у горизонта
Дымки военных поездов,
Последний раз бегущих с фронта.

Вообразим, что не шрапнель,
А ливни хлещут по долинам,
Что гимнастерка и шинель
Погребены под нафталином.

Что в мире мир и тишина,
Что спят деревья, люди, зданья,
Лишь нам, счастливым, не до сна,
Как в вечер первого свиданья.

Что слышит сонная трава,
Как возникают в нашей речи
Полузабытые слова
Неповторимой первой встречи...

Да будет так... Пройдут года.
Мы сбросим с плеч войны вериги.
И сном покажется тогда
Нам злая правда этой книги.

1943

РАЗВЕДЧИКИ ВЫШЛИ К ДНЕПРУ

Встал в тени разбитого зданья,
Будто к серой стене прирос,
И глядит, затаив дыханье,
На широкий днепровский плес.

Берегов крутизна нагая
К небу тянется, боль тая,
И, на отмели набегая,
В камышах шелестит струя.

А над шелестом струй текучих,
Городов наших старший брат,—
На днепровских зеленых кручах
Возвышается Киев-град.

Над пучиной Днепра бездонной
Он стоит на крутом бугре,
Гордый, гневный, непобежденный,
Как седой Тарас на костре.

Год стоит, и другой, и третий...
Все глядит сквозь пламя костра —
Не летят ли соколы-дети
Грозной стаей из-за Днепра?

И дождался... Осенью ранней,
Там, за Дарницей, за Днепром,
Неурочный, жданный, желанный
Раскатился весенний гром.

Будто с треском твердь раскололась
От свинцовых туч до земли.
И из грома — знакомый голос:
— Чуешь, батько! Сыны пришли!

1943

* * *

И день и ночь — и сутки прочь.
Последние заслоны пали.
Мы трое суток день и ночь
На этот город наступали.

Лежит танкетка на боку,
Опалена дыханьем тола.
Глядятся в светлую реку,
Сквозь зелень, башенки костела.

У ближних западных застав
Еще судачат автоматы.
Но, в рост над пепелищем встав,
По городу идут солдаты.

По-над рекой, сквозь едкий дым,
Они проходят на рассвете.
Из-за руин навстречу им
Выходят женщины и дети.

И гладит волосы детей
Гвардейский старшина усатый.
Нет благородней и святей
Отцовской нежности солдата.

Она чиста, она ясна,
Как это солнце в дымной раме.
Гордись, родимая страна,
Своими смелыми сынами.

Они, свершая правый суд,
Идут на запад неуклонно
И до Берлина донесут
Твои победные знамена.

1-й Прибалтийский фронт. 1944

* * *

Частоколы, колючка, траншеи, рвы.
От пожарниц в глазах черно.
А вокруг погляди — по полям Литвы
Наливное зреет зерно.

Нынче жито в полях в человеческий рост,
Лен высок, и усат ячмень.
На горе село, за селом погост,
На погосте прохлада, тень.

Под крестами погоста пехотный взвод
В летний полдень встал на привал.
Он пылит по дорогам четвертый год,
Он и Волгу и Дон знавал.

Смерть изгрызла железом его ряды,
Но живуч, упрям человек!
Поклялись бойцы зачерпнуть воды
Из незнакомых немецких рек.

Взвод шагал три года сквозь дым и тьму,
Позабыл и сон и покой.
И сказали вчера, что теперь ему
До границы подать рукой.

Он сегодня в поход поднялся чуть свет.
Он идет, не жалея сил.
И на свете такого заслона нет,
Чтобы смелых остановил.

Он равняет шаг, суров, как судьба,
Этот, все испытавший взвод.
Вдоль дорог Литвы поднимались хлеба
И торопят его вперед.

1-й Прибалтийский фронт. 1944

НОЧНОЙ МАРШ

Сейчас бы, как в детстве, сном на кровать,
В уют обжитого тепла.
Но нам запретила беда уставагы
И в долгий поход подняла.

Гудят провода на высоких столбах,
В соленой испарине лоб.
От мокрых портянок и влажных рубаш
По телу колючий озноб.

А в поле, как в братской могиле, темно.
Лишь вспышки ракет впереди.
Нелегкое счастье солдату дано,—
Другого не будет, не жди.

Прими это трудное счастье, солдат!
Ведь ты сквозь потемки и дождь,
Сквозь вой канонады и бомбовый ад
В бессмертие прямо идешь.

Пусть шаток судьбы беспокойной настил,
Пусть в мире темно, как в аду.
Ты солнце усталой земле возвратил,
Плечом отодвинув беду.

1944

ПИСЬМО

Я лежу в секрете за оградой,
Пули градом хлещут по стене.
Ты была мне солнцем и отрадой.
Отзовись! Письмом своим порадуй —
С письмами повадней на войне.

Третий раз весну не встретим вместе.
Отзовись! Любимым назови!
Из далеких городских предместий
Всех скорей сюда приходят вести
По прямому проводу любви.

Не прикинешь, сколько жить на свете.
Отзовись! С ответом поспеши:
Всякое случается в секрете —
Может оборвать железный ветер
Провод ожидающей души.

1944

Погляди-ка, не наши дети ли
Жгут костры на ночном привале?
Как состарились — не заметили,
Будто целый век воевали.

Воет степь орудийным голосом.
Хоть бы к ночи примолкла малость!
Седина просочилась в волосы,
Подступила к сердцу усталость.

Нынче громы гремят за Люблином,
Под Варшавой, под Ригой где-то.
Сколько в юности недолюблено,
Недорадовано, недопето!

Нами убраны сора грудищи.
Ветер вел нас в дымные дали.
Мы за пять поколений будущих
В свой недолгий век отстрадали.

Дерзких дум добровольным пленникам
Тихих дней перепали крохи.
Вот что значит быть современником
Непомерно большой эпохи.

И к себе мы не знали жалости.
В наших песнях не было фальши.
Стиснув зубы, сквозь дым усталости
Мы упрямо шагали дальше.

По-солдатски справлялись с нервами,
И была наша жизнь согрета
Тем, что в мире самыми первыми
Мы встречали зори рассвета.

Пусть дороги в эпоху новую
Не разведаны и опасны,—
Мы свою судьбу сквозняковую
Ни на что менять не согласны.

1-й Прибалтийский фронт. 1944

УТРО ПОБЕДЫ

Где трава от росы и от крови сырая,
Где зрочки пулеметов свирепо глядят,
В полный рост, над окопом переднего края,
Поднялся победитель-солдат.

Сердце билось о ребра прерывисто, часто.
Тишина... Тишина... Не во сне — наяву.
И сказал пехотинец:

— Отмаялись! Баста!—

И заметил подснежник во рву.

И в душе, тосковавшей по свету и ласке,
Ожил радости прежней певучий поток.
И нагнулся солдат, и к простреленной каске
Осторожно приладил цветок.

Снова ожили в памяти были живые —
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немыслимых года впервые,
Как ребенок, заплакал солдат.

Так стоял пехотинец, смеясь и рыдая,
Сапогом попирая колючий плетень.
За плечами пылала заря молодая,
Предвещая солнечный день.

1945

ИЗ «ИРАНСКОГО ДНЕВНИКА»

С. Кривс

* * *

Облака, рыхлы и белоруды,
Как виденье Родины, вдали.
Горы, утомленные верблюды,
В мутной дымке зноя залегли.

Душный зной навис над Тегераном.
Нет в тени прохлады поутру.
Трудно нам, заядлым северянам,
Плыть сквозь эту плотную жару.

Бросят тень и проплывают мимо
В раскаленном небе облака.
И жара стоит, непроходима,
Пыль пустынь взвивается, горька.

Поживем денек, другой в накале
И с жарой освоимся вполне.
Мы и не к такому привыкали
У себя, в России, на войне.

* * *

На миг скупой паек прохлады
Приносит нам глухая ночь.
Неистово звенят цикады.
Уснуть бы! А уснуть невмочь.

Бредут по улице солдаты.
Гудок сирены. Стук ружья.

И звон цикад... Как далека ты,
Москва моя, страна моя!
Платан вскипел под ветром резким,
Фонарь качнулся и погас.
И вдруг звезда мелькнула блеском
Твоих родных, зеленых глаз.

И вдруг сместились расстоянья,
И в сонном зеркале воды
На миг почудилось мерцанье
Родной рубиновой звезды.

И словно над соседним садом
Взметнулась песня соловья.
Ты здесь, со мной, у сердца, рядом,
Москва моя, страна моя!

* * *

Здесь россыпь звезд жемчужная.
Кругом, куда ни глянь,—
Природы роскошь южная,
И розы, и герань.

Зовет ко сну сторукая
Густая сень ветвей.
Поет в саду, баюкая,
Иранский соловей.

А снится мне смородина,
Березки у окна...
Чем дальше наша Родина,
Тем нам милей она.

1946

ШИРАЗ

Желтый лев на фуражке сарбаза.
Тень сарбаза плывет вдоль стены.
Знаменитые розы Ширази
Увядают, жарой спалены.

Позолотой покрыв минареты,
Солнце медленно падает вниз.
В этом городе жили поэты
Саади, Кермани и Хафиз.

А теперь в этом городе старом,
Что от пыли веков поседел,
Проза жизни шумит над базаром
Суматохой обыденных дел.

Как среди этой прозы жестокой
Нежность речи певучей сберечь,
Если бархатный говор Востока
Заглушает английская речь;

Если нищий народ бессловесен,
А в богатых домах напоказ
Вместо старых, задумчивых песен
Ржет, скрежещет, мяукает джаз;

Если рыжим заморским банкирам
Льва и Солнце стащили в заклад;
Если нынешним Ксерксам и Кирам
Сшит в Нью-Йорке ливрейный наряд...

Старый город, воспетый в поэмах,
Дремлешь ты, о прошедшем скорбя.
Благодетели в пробковых шлемах
Опоили отравой тебя.

От недоброго, жадного глаза
Осыпаются роз лепестки.
И к могилам поэтов Ширази
Из пустынь подступают пески.

1946

ДОРОГА НА КЕРМАНШАХ

Полдень.
Ни тени, ни облаков.
Голый знойный зенит.
В желтом море шипящих песков
Колокольчик звенит, звенит.
Дымные смерчи.
Барханные груды.
Не замедлить шаг.
Не поднять руки.
Караванным путем шагают верблюды,
На высоких горбах несут тюки.
По пескам вожак ведет караван
Из Тавриза на Керманшах.
От усталости в мутных глазах туман.
Кровь звенит в висках и ушах.
Самолет пролетает — заморский гость.
Колокольчик плачет, звеня.
Сиротливо белеет верблюжья кость.
Скалит зубы череп коня.

Сквозь миражи пустыни,
Сквозь знойный ад,
Помышляя о барышах,
Торгаши, как тысячу лет назад,
Караваны шлют в Керманшах.
А погонщик верблюдов, как щепка сух,
За тюками бредет в тени.
От палящей жажды язык распух.

Нестерпимо горят ступни.
И погонщик поет
Колокольчику в тон,
На бархан взбираясь крутой.
И звучит эта песня,
Как вздох, как стон:
— О-о-ой... О-о-ой... О-о-ой...

Почему кровавый туман
Обнимает Азербайджан?
Почему над тобой, Тавриз,
Черный полог беды навис?
Почему не шумит арык
И над пеплом шакалий крик?
В пепле горя мой край родной...
— О-о-ой... О-о-ой... О-о-ой...

У Селима была жена —
От тоски умерла она.
У Селима был сын Керим —
Смерть навек разлучила с ним.
Сына, радость отцовских глаз,
Застрелил в Тавризе сарбаз.
Холм могильный порос травой...
— О-о-ой... О-о-ой... О-о-ой...

Почему в Тавризе тюрьма,
Пули, нищенская сума,
А у братьев моих в Баку
Детям — свет, почет — старику?
Разве гор снеговых гряда
Заслонила свет навсегда?
Где вы, зори, над ночью злой?
— О-о-ой... О-о-ой... О-о-ой...

В горле едко першит тоска,
А вокруг — океан песка.

И, как ветер пустыни, дик
Этой песни беззвучный крик.
Раскаленный зенит высок.
Под ногами шипит песок.
По наносам зыбучих груд
Тяжело шагает верблюд.

Жажда сушит грудь — не вздохнуть.
Кровь звенит в висках и ушах.
Мечен смертью проклятый путь
Из Тавриза на Керманшах.

1949

НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ПРИЕМЕ

Викторианский старый дом
На тихом лондонском бульваре.
Дипломатический прием,
Поближе к полночи, в разгаре.

Звон вилок, рокот голосов
В просторных залах и гостиных,
Набор породистых носов,
Латинских, эллинских, утиных.

Среди элиты золотой
Мелькают выскочки и хамы,
Слепят несвежей красотой
Декольтированные дамы.

Дымков сигарных синева
Тушует потолки и стены.
Разноязычные слова,
Разноплеменные джентльмены.

Здесь титулы и имена,
Известнейшие в высшем свете,

Мундиры, фраки, ордена,
Как в старой венской оперетте.

И мы с тобой, мой милый друг,
На эти редкости глаза,
Под праздник очутились вдруг
Меж восковых фигур музея.

И неуютно нам с тобой
В таком блистательном синклите
Лендлордов крови голубой
И лысых властелинов Сити.

Противно нам (который раз!)
Глядеть на выбритые морды
Тред-юнионовских пролаз,
За подлость возведенных в лорды.

Ругать себя (в который раз!)
За то, что горестно не гибок
В искусстве беспредметных фраз
И обязательных улыбок.

Вот старичок из экс-послов,
Проямлив имя Сталинграда,
В поток медоточивых слов
Учтиво впрыснул каплю яда.

Ему бы прямиком сказать,
Что подлость старцев не почтенна,
Припомнив бабушку и мать
Высокородного джентльмена.

Но, соблюдая протокол,
Свой гнев утопишь в чашке чая,
На обольстительный укол
Нежнейшей шпилькой отвечая.

Нет, мы привыкли, мой сосед,
Жить чище, искреннее, проще.
И тянет нас, сквозь этот бред,
В Москву, на Пушкинскую площадь.

Ведь в этот час в стране родной,
В канун великой годовщины,
Без бухгалтерии двойной,
Без маскарадной чертовщины,

Без лицемерья, без вранья,
Без этих мертвецов с погоста
С бокалами встают друзья
На слово праздничного тоста.

Там будет новый день с утра,
А здесь опять придет вчера.

1950

ЛОНДОНСКИЙ НИЩИЙ

В пиджаке, заношенном до лоска,
Толпами затолканный, понурый,
Дрогнет нищий около киоска
С пестрой ходовой макулатурой.

По асфальту пролетают кары,
Щерят «бобби» пасти крокодилы.
В сумерках рекламные пожары
Заревом висят над Пиккадилли.

Песенкой, похожей на рыданье,
Флейта просит милости несмело.
В непроглядном лондонском тумане
Даже горло флейты отсырело.

Пеструю сумятицу прохожих
Всасывает полусумрак зыбкий.
Лоснятся на выхоленных рожах
Масленные, сытые улыбки.

И не слышат плача флейты леди,
Не до жалоб нищего джентльменам.
О тепле камина и обеде
Время думать лондонцам почтенным.

Их сердца не жжет чужое горе
Зноем справедливого укора.
Не они, а ты купался в море
В черный день дюнкерского позора.

И когда, настигнутый снарядом,
Корчился в песках Эль-Аламейна,
Ты не их в атаке видел рядом,
Славящих Британию елейно.

В загородном доме спали эти
Счастьем не обиженные денди
В ночь, когда твои жена и дети
Были бомбой сожжены в Ист-Энде.

Вот и стой под ветром в отупенье,
Зябко сотрясаем дрожью мелкой.
Может быть, рабочий бросит пенни
На пустое дно твоей тарелки.

Коридоры улиц в мертвом свете
Затканы тенетами тумана.
Плачет флейта. Рвет свирепый ветер
Влажные лохмотья ветерана.

И пока о ласковых рассветах
Грезит флейты голос беспокойный,
В теплых министерских кабинетах
Незаметно созревают войны.

1950

ШАПКА ПО КРУГУ

Много традиций в Британии есть,
Но не забыть до последнего часа
Ту, что вместила и славу, и честь,
И благородство рабочего класса.
Если к соседу внезапно беда
Гостьей незваной нагрянет в лачугу,
В цехе и шахте пускают тогда
Шапку по кругу,
Шапку по кругу.

В черных, безрадостных буднях труда
Этой традиции славной начало.
Чувство рабочего локтя всегда
Жить помогало, в беде выручало.
Ежели стачкой берет в оборот
Труженик-раб фабриканта-хапугу,
В знак солидарности пустит народ
Шапку по кругу,
Шапку по кругу.

В Лондоне, в сорок девятом году,
В сумраке к Темзе сползающей ночи,
Случай занес нас в родную среду
Верных защитников мира — рабочих.
Митинг шумел. Переполненный зал
Хлопал ораторам дружно, упруго.
Здесь я услышал, как спикер сказал:
— Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Старый рабочий по краю стола
Стукнул ладонью увесисто, крепко:
— Шиллинг за мир! —

По рядам поплыла
Виды выдавшая серая кепка.
Скотланд, Уэллс, Йоркшир, Ланкашир
Передавали ту кепку друг другу.
Шиллинг за мир! Шиллинг за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Вот ветеран в отдаленном ряду
На ухо грузчику шепчет в смущенье:
— Все, что осталось в кармане, кладу —
Стертое пенни, последнее пенни.—
Кости не греет дырявый мундир.
Поясом брюхо подтянуто туго...
Пенни за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

Ну-ка, дождем золотым заглуши
Звон медяков, поджигатель-иуда!
Долларов смерти сильнее гроши —
Скромная лепта рабочего люда.
Черный Уэллс, хлопкопряд Ланкашир!
Передавайте кепку друг другу!
Шиллинг за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу!
Шапку по кругу!

1950

Зазолотилось взгорье за окном,
 В стеклярус капель дождевых одето.
 С плодами, с хмелем, с молодым вином
 В свои права вступает бабье лето.

Тепло ушло за горный перевал,
 И поутру, предвестием метели,
 Мороз колючим пухом оковал
 Дубы, каштаны, голубые ели.

Но изморози колкой до поры
 Лежать на хвое серебристо-синей.
 Чуть солнце выглянет из-за горы,
 Алмазом капель загорится иней.

Над чешуей старинных черепиц,
 Теплом лучей и в полдень не прогретых,
 Рассыплют стайки перелетных птиц
 Обрывки песен, летом не допетых.

Пусть под ногой с утра хрустит ледок
 И студит кровь внезапная прохлада,
 Мы возраста осенний холодок
 Погасим жарким соком винограда.

Шуршат шаги. Струится дым костра
 Над стиснутой нагорьями долиной,
 И в невозвратность летняя пора
 Летит, тоскуя песней журавлиной.

Встань над костром и проводи ее,
 Не омрачив упреком расставанье.
 Есть и у желтой осени свое
 Щемящее сердца очарованье.

1950

Когда устану или затоскую,
Взгляну в глаза, как в прозелень морскую,
Уйдет усталость, и тоска отпрянет,
И на душе заметно легче станет.

Вот так вся жизнь — то хлопоты, то войны.
И дни без войн, как прежде, беспокойны:
Сегодня в Минске, завтра в Тегеране, —
Попробуй встречу загадай заране.

А сколько в суматохе каждой встречи
Признаний выпало из нашей речи!
А сколько мы, прощаясь на вокзале,
Заветных слов друг другу не сказали!

За встречами, за проводами теми
Невозвратно пролетело время.
Мы в тишине вдвоем не насиделись,
Как следует в глаза не нагляделись.

И все ж, мой друг, сомненьями не мучась,
Не злясь на эту кочевую участь,
Взгляни в глаза мне, глаз не опуская,
Они все те же — как волна морская.

1951

Мир детства моего на дне морском исчез...
Где петухи скликались на рассвете,
Где зрела рожь, синел далекий лес,
Теперь в воде сквозят рыбацьи сети.

Ты грустным взглядом в глубину глядишь,
Без горьких сожалений и обиды.

Там чудится тебе солома крыш
Уснувшей деревенской Атлантиды.

Крепчает ветер. Между черных свай
Вскипает пены белоснежной вата...
Спи, Атлантида. Спи и не всплывай.
Тому, что затонуло, нет возврата.

1951

* * *

Умчалась пора физкультуры и спорта.
Вот осень пришла и умерила прыть.
Найти бы наивного, глупого черта —
За молодость душу ему заложить.

Но слышатся тут политграмоты вздохи.
Она просыпается, пальцем грозя:
Мол, черт — предрассудок минувшей эпохи,
И с ним коммунисту общаться нельзя.

И впрямь — разве юность воротится снова?
За Фаустом гнаться — смешить молодежь.
Единственный пропуск в бессмертие —

с л о в о.

Упорствуй — и ты это слово найдешь.

1951

* * *

Проходят годы, и приходят сроки,
И в памяти встают литые строки:
«Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег».

Ты мудрость этих строк не чувствовал вчера.
Они твоей душе напомнили в пути,
Что ты уже устал, что подошла пора
На краткий миг присесть и дух перевести.

Но тот, кто мысль взыскующей строкой,
Страдая и борясь и жадно жизнь любя,
Отринул навсегда и негу и покой
И на костре страстей испепелил себя.

И нам с тобой, мой друг, не отдыхать в тени.
Дорога далека, не кончился поход.
Когда уйдут твои товарищи вперед,
Попробуй их один, оставший, догони!

1952

* * *

Растеряв по дороге друзей и подруг,
Одинокий журавль улетает на юг.
И плывет под усталым крылом журавля
Опаленная боем земля.

Эти строки под Вязьмой, в сожженном саду,
Я нашел в сорок первом далеком году.
Десять раз с той поры над простором земли
Улетали на юг журавли.

Вот и нынче опять, после зноя и гроз,
Наша роща грустит в позолоте берез,
И над пожнями желтых, осенних полей
Пролетает косяк журавлей.

Постоим на ветру, дорогая моя.
За далекой чертой горизонта друзья,
Плеса Волги сдвигая к задонским полям,
Машут кепками журавлям.

Но душа моя острой тревоги полна:
Над Кореей война, над Вьетнамом война,
И сердцам наших братьев далеких близка
Журавлиного крика тоска.

Разве мы добывали победу в огне
Для того, чтобы вновь бесноваться войне,
Чтобы снова над мертвым простором земли
Исходили тоской журавли?

1952

* * *

В печи пылают весело дрова,
К полуночи окончена работа.
Из тишины ночной едва-едва
Доносится гуденье самолета.

Еще листок в календаре моем
Лег на душу, как новая нагрузка.
Кто объяснит мне — почему подъем
Бывает легче медленного спуска?

К чему пустые домыслы?

Светла

Луна в своей нарядной звездной раме.
Не надо думать — молодость ушла...
Подумай, что весна не за горами.

1953

* * *

Я дверь распахну, пойду на крыльцо,
И молодость ветром овеет лицо.

Я вижу ее среди беспорядка
Идущих не в ногу маршевых рот.

Упрямо бьет по бедру лопатка,
До крови шею натерла скатка,
Плечо натрудил ручной пулемет.

Я помню, как спуск нажимал впервые,
Как дикая кровь обожгла висок,
Как пыль свивали кнуты огневые,
Как люди, теплые и живые,
Ложились трупам на песок.

Я помню, как писарь наш осторожно
Считал потери — число к числу.
Как ливнем стали хлестали ножны,
Как было нашим сердцам невозможно
Привыкнуть к этому ремеслу.

И как мы все-таки привыкали
Стрелять, рубить и носить рубцы.
И радость больше была едва ли,
Когда нас впервой в разведку звали
Всею ротой признанные храбры.

Дыханье юности нашей знойно.
Ей Ленин подал команду: «В ружье!»
Она, как пруд, не гнила застойно.
Вернись она вновь, позови беспокойно,
Я тысячу раз повторю ее.

1955

* * *

И кажется мне иногда,
Что живу я на свете четыреста лет,
Что четыреста раз в ноябре замерзала вода,
Что четыреста раз опадал с наших вишен цвет.

И вспоминается мне иногда,
Что промчалась вся жизнь от войны к войне,
Что с детства, как тень, по пятам ходила Беда,
И Надежда светила в потемках безвременья мне.

И кажется мне иногда,
Что четыреста бездн пустотой обрывались у ног,
И сквозь заросли лет не прорвался бы я никогда,
Если б жизни не верил и был на земле одинок.

Снова снег белым пухом засыпал сухую траву.
Снова воду прикрыла стеклянная корочка льда.
Что бы там ни случилось, до главного дня доживу —
Вот что кажется мне иногда.

1955

КИТАЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Горизонт, оттененный отрогами гор,
Синей дымкой подернут слегка.
В паутине каналов, прудов и озер
Янцзыцзян — Голубая река.

От границы далеких, заоблачных стран,
Из-под панциря вечного льда,
По расселинам гор, по полям в океан
Неуклонно стремится вода.

Как виденье открытых морей, вдалеке,
Чуть приметный, дымит пароход.
Под коричневым парусом вверх по реке
Тупоносая джонка плывет.

Колыхает кусты над речной глубиной
Своенравный порыв ветерка,
И баюкает джонку ленивой волной
Янцзыцзян — Голубая река.

Не смыкая тяжелых, натруженных век,
Старый кормщик стоит у руля.
Изумрудным ковром перед матерью рек
Стелет ранние всходы земля.

1955

ДОМ В АЛЛОУЭЕ¹

*Наоми Мичисон,
Марте и Эмрису Хьюз*

Тонут в тонком кружеве ветвей
Розовые отблески рассвета.
Тихое местечко Аллоуэй —
Родина веселого поэта.

С окнами во двор крестьянский дом,
Остальных не ниже и не выше.
В лишае, зеленом и седом,
Вся солома на покато́й крыше.

Этот дом мне показался сном,
В дальнем детстве виденным когда-то.
Здесь, в пыли, возился под окном
Будущий батрак и арендатор.

Памятью совсем далеких лет
Старые дубы стоят поныне.
Здесь когда-то будущий поэт
Пролетал верхом на хворостине.

И отсюда, утерев слезу,
Горя и нужды хватив с излишком,
Старый Бернс, папаша, на возу
К новой жизни увозил мальчишку.

---

¹ Аллоуэй — деревня, где родился великий шотландский поэт Роберт Бернс.

От окраины этого села,
От калитки этой, от порога
В мир, большой и страшный, увела
Песню эта пыльная дорога.

Песня-жизнь вилась, как дикий хмель,
В темном прошлом потеряв начала,
А потом, за тридевять земель
Возрождаясь, много лет звучала.

Вешний ветер, встрепись, повей
Песенным дыханьем в час рассвета.
Слава тебе, тихий Аллоуэй,
Родина веселого поэта!

1956

ТРАКТИР ПРИ ДОРОГЕ

Не вдали от Аллоуэя
(Эль, романтика, сверчок!)
Мы вошли, благоговей,
В старый-старый кабачок.

Как везде в подлунном мире
С давних пор заведено,
В историческом трактире
Пили пиво и вино.

От соблазна нам удрать бы!
Но, радушны и милы,
Сразу две крестьянских свадьбы
Нас позвали за столы.

Мы, конечно, не спесивы,
Меж гостей уселись в ряд.
С головой ушли в красивый
Сельский свадебный обряд.

Оглушали нас волынки,
В буйных плясках пол гудел,
И на улей наш с картинки.
Хитро шурясь, Бернс глядел.

Был он рад, что в месте злачном
Новожены-женихи
Жарко шепчут новобрачным
Звонкие его стихи.

Был он рад, что москвиты
Заявились в Аллоуэй,
Что из двери, в ночь открытой,
Сыплет трели соловей.

Что внизу, сливаясь с далью,
Не мелка, не глубока,
Отливает синей сталью
Дун, красивая река,

Что заречный луг не кошен,
И туда, где тишина,
Как и прежде, переброшен
Мост, горбатый, как луна,

Что за мост летит с колдуньей
Тэм О'Шентер кавалер.

. . . . .

Светят звезды в новолунье
Над шотландским графством Эр.

Светят звезды. Светят окна.
Светят в море маяки.
Млечного Пути волокна
Серебристы и тонки.

Метеор летит и тает
В глубине небесных сфер.
Ветер лирики витает
Над шотландским графством Эр.

1956

ШОТЛАНДСКАЯ РЫБАЧЬЯ

Что ты бродишь ночью по песку?
Не развеет ночь твою тоску.
Мерный атлантический прибой
Хлопья пены стелет за тобой.
Из поселка слышен лай собак.
Где же синеглазый твой рыбак?

Ночь уйдет, но не забудешь ты,
Как вы шли к причалам сквозь кусты,
Как он был любовью окрылен,
Как тебя за плечи обнял он,
Как ты стала счастлива, смела
И на память шарф ему дала.

Шторм внезапный вырос, как стена.
Гроном раскололась тишина.
В вихревой сумятице седой
Молнии летали над водой.
Ты в толпе рыбачек на песке
Невозвратного ждала в тоске.

Толща волн темна и глубока.
Не вернуло море рыбака.
Только друг его у черных скал
Синий шарф на гальках отыскал,
Тонкий шарф, прозрачный, как вода, —
Жизнь твоя, любовь твоя, беда...

1956

Товарищ! —

    Это ласковое слово
Мы в баррикадном грохоте нашли,
Решив бесповоротно и сурово
Переписать историю земли.

За то, что было неразлучно с нами
То слово, прокаленное в огне,
Нас насмерть забивали шомполами,
Нам вырезали звезды на спине.

От смертного озноба леденя,
Переходя потоки крови вброд,
Мы делались отважнее, сильнее,
Услышав клич:

    — Товарищи, вперед!

Мы знаем — юность не вернется снова,
Но след ее в сердцах неизгладим.
Мы внукам это ласковое слово,
Как пропуск в коммунизм, передадим.

1956

— В социализм дорога далека,
Той высоты большой достигнут все ли?
И можно, парень, приустать слегка,
Покуда добежишь до дальней цели.

С годами можешь сердцем огрубеть,
Свернуть на шаг с крутой дороги боя,
Остаться одиночкой, захотеть
Почета, власти, славы и покоя.

Чтоб не скривить душой, себя любя,
Почаще вспоминай: не сообщал ли
Для всех, не для меня, не для тебя,
Мы добывали власть и защищали?

И проверяй, идя через года, —
Крепка ль в тебе рабочая порода.
Недаром нам Ильич твердит всегда,
Что большевик везде слуга народа.

...Так говорил, ровняя рысь коня,
В пути, теперь поэтами воспетом,
Боец, что поручился за меня
Рабочим сердцем друга и билетом.

Из юности моей, издавека,
Досель звучат слова святые эти.
Нарушу ли заветы старика,
Которого сегодня нет на свете?!

1956

* * *

Нет той березы, нет того крыльца
И нет скороговорки бубенца.

Нет той телеги, нет того коня,
Который в город увозил меня.

Густой травой дороги поросли,
И мать не встанет из сырой земли.

Над серой крышей не дымит труба —
Давным-давно разрушена изба.

Березу распилили на дрова,
А грусть в душе и до сих пор жива.

В тревожных снах я вижу до сих пор,
Как детство уплывает за бугор,

Как мать, не видя светлых красок дня,
От слез слепая, смотрит на меня.

Как рыбки блещут сквозь слюду воды,
Как, провожая нас, кричат дрозды,

Как из мальчишеской судьбы
Уходят полосатые столбы,

Уходят синий ельник и сосна
И все, чем в детстве наша жизнь красна.

. . . . .

Вот так в былые годы человек
Вступал в свой взрослый, беспощадный век.

1956

14 ОКТЯБРЯ 1959 ГОДА

По-за барьером четырех границ
Что день, то новый герб и новый флаг.
В Равенне, меж базилик и гробниц,
Вчера я сделал в старость первый шаг.

Колокола скликались в поздний час,
Как будто древний город говорил:
«Кто жил на свете беспокойней вас?
И так ли ты на свете счастлив был?»

Нет, не пристало жаловаться мне.
Я дружбу знал и знал удар врага,
Всю жизнь с друзьями шел по целине,
Где не ступала ни одна нога.

Я видел, как подрост вишневый сад,
Как новый город вырос на заре.
И не заметил я, как шестьдесят
Часы судьбы отбили в октябре.

Что дальше? Тихой гавани причал?
Дни старости в приятном холодке?
А ты не покорпел, не поскучал,
По-молодому жил на сквозняке.

Все шел, по-молодому, в полный рост,
Стремился раньше всех встречать рассвет,
Жег дни, как порох, думал — на погост
Таким, как мы, и в сто дороги нет.

Бьет колокол. Равенна спит во мгле.
Прибоя дальний, приглушенный гул.
Пусть все мы смертны. На своей земле
Я счастья полной горстью зачерпнул.

1959

ВЕНЕЦИЯ

Крылатый лев Сан-Марко с высоты
Кивает нам кудлатой головой.
Здесь Каналетто старые холсты
Бледнеют перед красотой живой.

Венеция все та же до сих пор —
Вместилище находок и чудес.
Палаццо дожей, сказочный собор,
Гондолы, чайки, мачт ажурный лес.

У горизонта силуэты шхун
За маревом осеннего тепла.
И малахитовая гладь лагун
Лучистее муранского стекла.

Где прикрывает старый особняк
Канала своенравный поворот,
Старик Гольдони над толпой гуляк
Кривит улыбкой тонкогубый рот.

Тут в самый раз и размечтаться мне б.
Но возле свай, реальные вполне,
Огрызки яблок и зеленый хлеб
Качаются в лазурной глубине.

Тут унести бы в высь подзвездных сфер.
Но, распознав мою страну и род,
«Бандьера росса» юный гондольер
Под скрип весла вполголоса поет.

Венеция! Как в пору дождей, ты
Живешь под плеск волны и скрип весла,
Но жизнь уже на старые холсты
Мазки иной эпохи нанесла.

Прошли века. Еще пройдут века.
И нас столкнут в водоворот года.
Но в море у подножья маяка
Для наших внуков будет петь вода.

1959

НОЧНАЯ УЛИЦА В РИМЕ

В кронах пышных романских пиний
Сединой серебрится иней.
Бродит шалый хмель по столам.
Смех с рыданиями пополам.
Ржут горластые трубы в баре.
А за баром, на тротуаре,
В беспощадном свете реклам
Дрогнут девушки по углам.

С жалким шиком они одеты.
Каблучки их, как кастаньеты,
Как клыки голодных волчат,
Торопливой дробью стучат.
— Прикури у меня, мужчина!
Посмотри на меня, мужчина!
Ночь длинна.
Холодна.
Я одна.
Голодна.

Сонно крутится пестрый глобус,
В стойле спит усталый автобус,
И трамвай возникает вдруг
В белом ливне вольтовых дуг.
Опустели ночные бары.
Растворились в подъездах пары.
Канцонетты давно пропеты,
Но упорные кастаньеты,
Как клыки голодных волчат,
По пустой мостовой стучат.
— Появись, как во сне, мужчина!
Наклонись ты ко мне, мужчина!
Ночь темна.
Холодна.
Я одна.
Я бедна.
Я одна.
Голодна...

В млечном море необозримом
Бледный месяц плывет над Римом.
Гаснет свет в последнем окне.
Древоточцем в старой стене
Каблуки стучат в тишине.
Пляска бликов на потолке.
Зябко ежится ночь-калека.

Скомкан влажный платок в руке.
Каблуки, как клыки волчат,
Все стучат, стучат и стучат.
Это бьется в ночной тоске
Сердце маленького человека.

1960

РАВЕННА

Сумерки затушевали крышу.
Расплылись мозаики круги.
Вслушаюсь в молчанье — и услышу
Путника усталые шаги.

Древних храмов вековые стены
Не разбудит месс органнй гром.
Сонными кварталами Равенны
Он идет, как призрак, невесом.

Отпирает запертые двери,
Пальцами ощупывает тьму.
У могилы Данта Алигьери
Ветер гладит волосы ему.

Он идет, гоним тоской высокой,
Спутник вьюги, по чужой земле.
Спит жена. Раскрытый томик Блока.
Лавр благоухает на столе.

1959

ВЕЧЕР В МИЛАНЕ

В сверкающем зале театра Ла Скала
Певица романсами души ласкала,
А возле подъезда, стушеванный нишей,
На скрипке пиликал оборванный нищий.
Болтал лоботряс в телефонной кабине;
Как мертвая кукла, шагал карабинер;
В готическом древнем соборе Милана
Гудели торжественно трубы органа,
И плакал над серыми крышами ветер
О всех неприкаянных людях на свете
В то время, когда на подмостках Ла Скала
Певица романсами души ласкала.

1959

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Чертовски ноет старая спина.
Бегут, бегут, торопятся года.
Но жаждет чуда белая стена,
Но ясен взгляд и кисть в руке тверда.

Борьба, любовь и неустанный труд.
Сменила мудрость молодости пыл.
И, вечности навстречу, «Страшный суд»
На белой штукатурке проступил.

Неистошимой силе кисти рад —
Какой мазок! Как точен каждый штрих!
Он, торжествуя, загоняет в ад
Своих врагов, хулителей своих.

Он вспоминает давние года,
Своей большой судьбы девятый вал,
Когда ваял Давида и когда
Здесь «Сотворенье мира» создавал.

Как в зимний холод и в июльский зной
Здесь слушал колоколен голоса,
Как, в исступленье гения, спиной
Четыре года шлифовал леса.

Как, подбородок задирая ввысь,
Язвил покойный Юлий свысока,
А он кричал с лесов:

— Поберегись! —

И возле папы падала доска.

Зовет к работе белая стена.
Не засти свет, усталость, отойди!
Чертовски ноет старая спина,
А четверть века жизни — впереди!

1959

СПИТ ДЕВОЧКА

Внучке Катюше

В поднявшемся из пепла Сталинграде
На днях, проездом, побывав опять,
Я вечерком армейские тетради
С далекой полки снял и стал листать.

И будто в комнату пахнуло чадом.
И будто с громом рухнула стена.
И из потемок беспощадным взглядом
Мне прямо в сердце глянула война.

И будто вновь январские метели
Взвихрили пепел мертвого села...
А рядом, в теплой комнате, в постели
Спокойно, крепко девочка спала.

Чуть трепетали длинные ресницы,
Скрывая синь ребячьих ясных глаз.
Спит девочка.

И ей не может сниться
То, что мне сердце обожгло сейчас.

В безоблачном ее ребячем мире
Нет ни предчувствий, ни кровавых тайн.
А мне тревожно.

Вновь звенит в эфире
Мотив разбойной песни «Вахт ам Райн».

Она, как волчий вой, невыносима.
В ней трупный дым Освенцима горчит.
Смертельным серым пеплом Хиросима
Мне в сердце беспокойное стучит.

Мне вновь разрывом кажется зарница,
И снова я встревожен тишиной.
Спи, девочка!

Пусть тебе не снится
То, что стоит сейчас передо мной.

Спи, девочка!

В горящем Сталинграде
Не зря твой дед до срока стал седым.
Тому, что кровью запеклось в тетради,
Мы снова повториться не дадим.

1960

* * *

Без малого пятнадцать лет назад
В кругу друзей, под мерный рокот саза,
Под лепет струй и страстный звон цикад
Сидели мы в ночном саду Шираза.

Луна висела ковшиком в выси,
Рой крупных звезд бесшумно плыл в зените.
Узором дружбы русский и фарси
Сплетала ночь, как две жемчужных нити.

Всплакнул шакал. Звезда скатилась вниз.
Плыл легкий звон над неподвижным садом.
И всем нам показалось, что Хафиз
Сел над арыком с музыкантом рядом.

Из-за далеких гор пришел рассвет.
Нет музыканта, и Хафиза нет.
С тех пор прошло уже пятнадцать лет.
Где ты сегодня, мой ночной сосед?

В Бандунге, как пятнадцать лет назад,
Мы братским кругом на земле сидели,
Плыла луна. Плыл страстный звон цикад.
Сплетался с песней перепев свирели.

Мерцал огнями город вдалеке.
Певец, чертя узоры на песке,
Пел песню на яванском языке
О счастье, о любви и о тоске.

И вдруг погасли в городе огни.
Сирена поперхнулась нотой строгой.
И перекличка голосов в тени,
Как эхо бед, отзывалась тревогой.

Еще тесней сомкнулся братский круг.
В густой тени кустов, за валунами,
Невидимый в потемках добрый друг
Щит верности своей простер над нами.

Да здравствует надежный этот щит!
Он будущего твердая порука.

Он и любовь и песню защитит
И в дом войне не даст войти без стука.

Где дружба беззаветна и верна,
Бессильны ярость, злоба и война.

1960

* * *

У каждого свой стиль и интерес.
Одним — покой, другим — всю жизнь движение.
А в жизни всюду — ворохи чудес.
А в жизни всюду — поиск. Напряжение.

В круговороте беспокойных дел
Не к месту как-то думать про могилу.
Хотелось бы иметь такой удел,
Который только сильному под силу.

Хотелось бы махнуть на целину
И трактором потрогать недотрогу.
Хотелось бы однажды на Луну
По первопутку проторить дорогу.

Хотелось бы неистово дерзать,
Во всех делах являть размах и смелость.
Ну, словом, очень трудно рассказать,
Чего бы мне на свете не хотелось.

Но мой двойник, докучный мой сосед,
Бубнит: — К чему разыгрывать героя?
Перекипи! Тебе не двадцать лет.
Пора уже костям просить покоя.

И нервы — дрянь, и сердце уж не то,
И юность, знаешь, не вернется снова.

Сиди за печкой да играй в лото,
Читай творенья Дольда и Шпанова.

Мечты пустые выбросив за борт,
Для мемуаров шук лови из Леты.
И так тебя, бродягу, носит черт
Туда-сюда — во все углы планеты.

Я выставил зануду-двойника —
Пусть квакает себе возле болотца!
Да, все мы, в общем, смертны. А пока
Шагай сквозь ветер — благо сердце бьется!

1961

БЕССМЕРТНАЯ ПЕСНЯ

Их подвиги в поэмах не воспеты.
У всех дорог, куда вели бои,
Спят в братстве мертвых воинов поэты,
Товарищи и сверстники мои.

С тех дней в июне, с самого начала,
В незабываемый, тяжелый год
Их совесть беспокойная послала
Туда, где встал с оружием народ.

Под Севастополем и Ленинградом,
Над белым снегом, над сухой травой,
Они шагали с воинами рядом
И совершили смертный подвиг свой.

С героями стихов в одной могиле
Товарищи мои погребены,
Но честных песен их не заглушили
Неистовые грохоты войны.

И в наши дни, когда растут все выше
Великого стронтельства леса,
Народ, штурмующий высоты, слышит
Своих поэтов верных голоса.

1961

* * *

Покров по округе прошел снегосеем,
Намел у околицы ранний сугроб.
Тогда ты родился, тогда Алексеем
Нарек тебя строгий егорьевский поп.

Травинки искрились нарядной порошей.
В избе тебя новая зыбка ждала.
Склонившись над зыбкой, впервые Алешей
Тебя несчастливая мать назвала.

На всю свою жизнь ты запомнил с пеленок,
Как в утренний час петухи гомонят,
Как лижет тебя мокроносыый теленок,
Как топают ножки курчавых ягнят.

Еще ты запомнил, уже подрастая,
Что мать утирает слезинки с лица,
Что в темном киоте старуха святая
Молчаньем своим осуждает отца.

Что где-то отец твой куражится пьяный,
Вконец замордованный злобной судьбой...
Мигает лампадка. Всю ночь тараканы
В щелястых полатях шуршат над тобой.

И матери тихой несмелая ласка —
Как солнечный зайчик на черной стене.
А все это вместе — жестокая сказка
О канувшем в дальнее прошлое дне.

1961

Все мы люди, все мы человеки.
 В космос огненным взлетаем змеем,
 Плавим сталь, обуздываем реки,
 Только с сердцем сладить не умеем.

Сердце шутит шутки с нашим братом,
 Разностями разными волнует.
 Гений, смело расщепивший атом,
 Женщину к ничтожеству ревнует.

То терзает нас слепая ярость,
 То тоска ночная сердце гложет.
 Даже оптимист, почуяв старость,
 Хочет улыбнуться и не может.

А любви неразделенной пытки?
 А разящий сердце нож разлуки?..
 Ну а переживши пережитки,
 Не прокиснем ли совсем от скуки?

Мысли надвигаются, тревожа
 Нашу беспокойную природу.
 Неужели будет жизнь похожа
 На дистиллированную воду?

Донимает нас проблема эта,
 Тонкой сеткой ткет на лбу морщины.
 На нее не получить ответа
 У кибернетической машины.

Думается, будет с нашим схоже
 Сердце внука — молодо и ново.
 Значит, и при коммунизме тоже
 Лирика свое получит слово.

1963

Людского счастья малою крупницей,
Усталый, я довольствоваться рад.
Беззвездной ночью

с красной черепицей
Шушукается дикий виноград.

Шершавыми ладонями по бревнам
Перебирает сонный ветерок.
Приворожен твоим дыханьем ровным,
Я дверь открыл, переступил порог.

Прислушался. А звуки ночи те же.
И те же ветки за слюдой стекла.
И оттого, что сон твой безмятежен,
Душа моя спокойна и светла.

Ночным теплом настоян сонный воздух.
Сквозь дымку сна, наверно, видишь ты,
Как на неведомых, далеких звездах
С рассветом раскрываются цветы

И влажный плющ кивает певчим птицам
Сквозь золотое кружево оград.
И этот сон холодным черепицам
Рассказывает дикий виноград.

1955—1965

ПЕСНИ

ПИСЬМО

Вьется сокол быстrokрылый,
Летний день хорош.
Что же ты меня забыла,
Весточки не шлешь?

Мы уходим спозаранку
С песнями в поход.
Только вечером тальянка
О селе взгрустнет.

Вспомню тополь на пригорке
Над своей избой,
И захочется до зорьки
Посидеть с тобой.

В лагерь путь прямой и гладкий,
Сосны по краям.
Не белеет ли в палатке
Весточка твоя?

1933

ДЕВИЧЬЯ ПЕЧАЛЬНАЯ

Рано-раненько, до зорьки, в ледоход,
Снаряжала я хорошего в поход.
На кисете, на добро, не на беду,
Алым шелком шила-вышила звезду.

Шила-вышила удалой голове
Серп и молот алым шелком по канве.
И уехал он, кручинушка моя,
Биться с белыми в далекие края.

Отгремела громом летняя страда,
Пастухи пригнали на зиму стада.
Только мне от дорогого моего
Ни ответа, ни привета — ничего.

Поздним вечером в студеном январе
Проскрипела подворотня на дворе.
Мне привез из-под Царицына сосед
Шитый шелком, кровью крашенный кисет.

Я кручину никому не покажу.
Темной ночью выйду в поле, на межу.
Буду плакать, буду суженого звать,
Буду слезы на порошу проливать.

Где падет моя горячая слеза —
Расцветут весной анютины глаза.
Я цветок печальный бережно сорву,
Соловья из рощи песней позову:

«Ты возьми, возьми, соловушка, цветок!
Далеко лети, далеко, на восток!
Цветик малый на могилу положи,
Про тоску мою девичью расскажи».

1934

КОНАРМЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.

Были сборы недолги,
От Кубани и Волги
Мы коней поднимали в поход.

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях на большие дела.
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.

На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости.
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши клинки.

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулеметным дождем, —
По дорогам знакомым
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем.

1935

ПОВОЛЖАНКА

Знойная ночь перепутала все
Стежки-дорожки.
Задорно звенят
На зеленом овсе
Серебряные сережки.

Синие сосны, синяя сонь —
Час расставанья.

Над Волгой-рекой
Расплескала гармонь
Саратовское «страданье».

Над тихой гречихой,
Над гривой овса
Девичью разлуку
Поют голоса.

Девчонке-подружке
Семнадцатый год,
Дружок у девчонки
Уходит на флот.

Над тихой гречихой,
Над гривой овса
Девчонке грустить
Не велят голоса.

Подружка подружке
Частушку поет,
Подружка подружке
Надежду дает:
    «Сирень цветет,
    Не плачь,
    Придет...»

Над тихой гречихой,
Над гривой овса
Сливаются
Девичьи голоса.

1935

РАССТАВАНЬЕ

Из колодца вода льется,
На душе моей печаль.
Провожала краснофлотца,
Расставаться было жаль.

Дал мне слово-обещанье
Нерушимое дружок.
Поцелуем на прощанье
Губы девичьи обжег.

И ушел в разлив пшеницы
Валким шагом моряка.
Осторожные зарницы
Озаряли облака.

С трактористами подруги
Танцевали у плетня.
Соловьи со всей округи
Пели песни для меня.

Как синица, легкокрыла,
Тихоструйна, как трава,
Песня сердцу говорила
Задушевные слова.

Говорила, что вернется
Мой хороший в ясный день.
Из колодца вода льется,
На душе моей — сирень.

1935

ТЕРСКАЯ ПОХОДНАЯ

То не тучи — грозовые облака
По-над Тереком на кручах залегли.
Кличут трубы молодого казака.
Пыль седая встала облаком вдали.

Оседлаю я горячего коня,
Крепко сумы приторочу вперемет.
Встань, казачка молодая, у плетня,
Проводи меня до солнышка в поход.

Скачут сотни из-за Терека-реки,
Под копытами дороженька дрожит.
Едут с песней молодые казаки
В Красной Армии республике служить.

Газыри лежат рядами на груди,
Стелет ветер голубые башлыки.
Красный маршал Ворошилов, погляди
На казачьи богатырские полки.

В наших взводах все джигиты на подбор —
Ворошиловские меткие стрелки.
Встретят вражескую конницу в упор
Наши пули и каленые клинки.

То не тучи — грозовые облака
По-над Тереком на кручах залегли.
Кличут трубы молодого казака.
Пыль седая встала облаком вдали.

1936

ДЕВИЧЬЯ

Не яблочко румяное
Сожгла зима в саду.
Пришла любовь незваная
На девичью беду.

Пришла любовь, нагринула,
Как летняя гроза.
Знать, не на радость глянула
Я в синие глаза.

Звезда моя печальная,
Зажгись и помоги
Услышать песню дальнюю,
Знакомые шаги.

Кудрявая сутулится
Березка над рекой.
Пройди по нашей улице
И сердце успокой.

1936

ПЕСНЯ СМЕЛЫХ

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют.
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.
С бандой фашистов сразиться
Смелых отчизна зовет.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй,

С песней пехотные роты
Вышли за Родину в бой.
Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена.
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится,
Смелым — дорога вперед.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

22.VI.1941

* * *

Софье Кревс

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко.
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

1941

ПЕСЕНКА О КРЫЛАТОМ СВЯЗИСТЕ

В заоблачных высях едва ли
Был след его звездам знаком.
Его «огородником» звали,
Его «кукурузником» звали,
И звали его «лесником».

Он осенью поздней и летом
На малых высотах сновал,
Возил комиссарам газеты,
Возил командирам пакеты
И их под расписку сдавал.

Всегда молчалив и спокоен,
Он жался поближе к земле.
Но частое сито пробоян,
Как старый, испытанный воин,
Хранил самолет на крыле.

Где крепнет гроза боевая,
Где ветер горячий шумит,
Свинцовым дождем обдавая,
Его у переднего края
Однажды настиг «мессершмитт».

Он видел, как плавилась баки,
Но сердцем в тот миг не ослаб.
И пламени жаркого факел,

**В азарте последней атаки,
Он бросил на вражеский штаб.**

**Враги на куски разорвали
Горящий его самолет.
Его «огородником» звали,
Его «кукурузником» звали,
А был он геройский пилот.**

1942

СОДЕРЖАНИЕ

А. Турков. «Университеты» Алексея Суркова	5
--	----------

СТИХОТВОРЕНИЯ

Герой	23
О войне и детях	24
Война	26
О нежности	27
Песня	28
Знамя	30
Рассказ фронтовика	31
Письмо («Из города шли прибрежной тропой мы...») . .	32
Боевое наследство	34
Смерть минера Синицы	36
Шестой	40
О песне	42
Ночная прогулка	43
Читателю	44
«Черные косы склонив к пруду...»	46
«У других получается просто...»	47
Песенка	48
На родине	49
Вечер воспоминаний	51
Из цикла «Четыре времени года»	
За снежным барьером Яйлы	56
Летний вечер	56
В поле.	57
Грибной дождь	58
На границе	58
Двадцатилетним	60
«Все тяжелее день ото дня...»	62
Наедине с собой	63
Дорога	63
На мертвом поле	64
Отряд идет в атаку	65
На вокзале	65
Рядовой линейного батальона	66
Декабрьский дневник	
«Шелестит за окном молодая листва...»	72
«Время, что ли, у нас такое?..»	72
«Лица в ожогах мороза, бессонницей долгой измяты...»	73

«Мандолина выводит тоненько, тоненько...»	74
«Тела друзей разметаны во сне...»	74
«Осторожно пощупал — кисет не промок...»	75
«Сердце бьется тревожно. Ко мне...»	76
«Еловая ветка, в костре догорая...»	76
«Звенит под лыжами стеклянный наст...»	77
«Друг мой! В таежной ночной тишине...»	77
«Он не стонал. Он только хмурил брови...»	78
«Дорогая, хорошая, сердце мое!..»	78
«Домик наш мал Продырявлен пулями. Около...»	79
«Жизнь в этом доме больше не жилища...»	80
«Пусть железо сечет с высоты...»	80
«Было холодно, было невесело...»	80
«В три часа пополудни подняли взвод...»	81
«Кружилась метель возле тощих берез...»	81
«Поднимаясь за облако круто...»	82
Полк вступает в войну	83
Товарищи	84
«Толпы людей без конца и числа...»	85
«Детей не ждет тепло родного крова...»	85
«Человек склонился над водой...»	86
«Грузовики, рыча, неслись куда-то...»	87
В июле	87
Двое	88
«Мой сын синеглазый!..»	88
«Стали в августе ночи длинные, темны...»	89
Разведчик Пашков	90
Связист	92
«Устали... Отчаянный выпал денек!..»	93
«В полях ревет, по-волчьи зла...»	93
«В дыму пожаров тонет даль седая...»	94
«Как долга эта зимняя ночь!..»	95
«Подошла война к Подмоскovie...»	95
«Декабрь по дорогам гонит пургу...»	96
«Вот бомбами разметанная гать...»	96
«В громе яростных битв пролетают над нами...»	97
Московская картинка	97
Встреча	98
Современники	99
Слово будущему	100
Клятва над кровью	102
Предчувствие весны	104
Скворцы прилетели	104
Застольная песня	106
Ключи к сердцу	107
Дружба	108

Песня о слепом баянисте	109
Ночь над Осколом	115
Город О.	116
На меже	117
Девочка и солдат	118
Июльский день	119
Пора!	120
Гвардейцы идут в атаку	121
Россия	122
После боя	123
После атаки	124
Привал пехоты	124
«Положи мне на плечи руки...»	124
«Дорога — и трелет ракет над ней...»	125
«Полукружьем пологим выгнут...»	126
«Знаю — ты тоскуешь, дорогая...»	127
«От пушки на лугу косая тень...»	128
«Трупы в черных канавах. Разбитая гать...»	128
«Над умытым росой кирпичом...»	129
У костра	130
«Завывают по-волчьи осколки снаряда...»	131
«За окопами — серая лента реки...»	132
Ночь в сентябре	132
Мать	133
«Видно, выписал писарь мне дальний билет...»	133
«Сторожко приникая к черным зданьям...»	134
«На нашу долю выпал трудный век...»	135
«Трассой пулеметной и ракетой...»	135
«И опять на заре померещилось мне...»	136
«Сегодня пушки замолчали рано...»	136
«Луна висит над опаленным садом...»	137
Фантазия	138
Перевертни	139
Когда долго идет дождь	140
«Все надо пережить, все вынести...»	140
Защитник Сталинграда	141
Ночной собеседник	143
Родина	149
На привале	151
На российской земле	152
«Сверля туннели по сугробам талым...»	152
«Снег в накрапе кровавой росы...»	153
Взгляд вперед	154
И будет так	154
«При орудийной перебранке...»	155
«Незрячие глаза остекленели...»	156

«Мост. Подъем. И с крутого взгорья...»	156
«В косом дожде по косогорам...»	157
«Под вечер в гестапо ее привели...»	158
Белоруссия	158
«Войны имеют концы и начала...»	161
Рождение солдата	162
Солдат	164
Севастополюцы	165
Жизнь и мечта	166
Утро в окопе	167
Глоток воды	168
Товарищ	169
Песнь о солдатской матери	169
Подруге воина	171
Певец во стане русских воинов, или Краткий отчет об очередной командировке вашего собственного коррес- пондента	172
Письмо («Пишу тебе издалека...»)	179
Надпись на книге «Три тетради»	179
Разведчики вышли к Днепру	180
«И день и ночь — и сутки прочь...»	181
«Частоколы, колючка, траншеи, рвы...»	182
Ночной марш	183
Письмо («Я лежу в секрете за оградой...»)	184
Ровеснику	185
Утро Победы	186
Из «Иранского дневника»	
«Облака, рыхлы и белогруды...»	187
«На миг скупой паек прохлады...»	187
«Здесь россыпь звезд жемчужная...»	188
Шираз	189
Дорога на Керманшах	190
На дипломатическом приеме	192
Лондонский нищий	194
Шапка по кругу	196
«Зазолотилось взгорье за окном...»	198
«Когда устану или затоскую...»	199
«Мир детства моего на дне морском исчез...»	199
«Умчалась пора физкультуры и спорта...»	200
«Проходят годы, и проходят сроки...»	200
«Растеряв по дороге друзей и подруг...»	201
«В печи пылают весело дрова...»	202
«Я дверь распахну, пойду на крыльцо...»	202
«И кажется мне иногда...»	203
Китайский пейзаж	204
Дом в Аллоуэе	205
Трактир при дороге	206

Шотландская рыбачья	208
«Товарищ! — Это ласковое слово...»	209
«— В социализм дорога далека...»	209
«Нет той березы, нет того крыльца...»	210
14 октября 1959 года	211
Венеция	212
Ночная улица в Риме	213
Равенна	215
Вечер в Милане	216
Сотворение мира	216
Спит девочка	217
«Без малого пятнадцать лет назад...»	218
«У каждого свой стиль и интерес...»	220
Бессмертная песня	221
«Покров по округе прошел снегосеем...»	222
«Все мы люди, все мы человеки...»	223
«Людского счастья малою крупницей...»	224
Песни	
Письмо	225
Девичья печальная	225
Конармейская песня	226
Поволжанка	227
Расставанье («Из колодца вода льется...»)	229
Терская походная	230
Девичья	231
Песня смелых	231
«Бьется в тесной печурке огонь...»	232
Песенка о крылатом связисте	233

Алексей Александрович Сурков
ИМЕНЕМ ЖИЗНИ

Редактор Н. И. Нетесина
Художественный редактор Н. Д. Викторова
Технический редактор Р. Д. Рашковская
Корректор Т. А. Лебедева

ИБ № 4476

Сдано в набор 05.10.85. Подп. в печать 31.01.86. А11316.
Формат 70×90/32. Бумага типографская № 1. Гарни-
тура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л.
8,78. Усл. кр.-отт. 9,95. Уч.-изд. л. 9,98. Тираж
50000 экз. Заказ № 668. Цена 1 р. 10 к. Изд. инд.
ЛХП—45.

Ордена „Знак Почета“ издательство „Советская Рос-
сия“ Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012,
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Сортавальская книжная типография Государственно-
го комитета Карельской АССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 186750, Сортавала,
Карельская, 42.

АЛЕКСЕИ СЫРКОВ

ММЕЕМ ХХМЗНН